

ВКУС ЖИЗНИ

Лариса ШЕВЧЕНКО

18+

Лариса Шевченко

Вкус жизни

«Автор»

2013

Шевченко Л. Я.

Вкус жизни / Л. Я. Шевченко — «Автор», 2013

Цикл произведений под общим названием «Вкус жизни» состоит из шести книг, которые являются продолжением одной темы. Первая книга-двухтомник «Вкус жизни» о том, как встретились подруги через сорок лет после окончания университета. Половина из них – бывшие детдомовцы военных и послевоенных лет. Каждая рассказывает о чем-то очень важном в своей долгой, интересной, но трудной жизни. Они вспоминают свое детство, студенчество, молодость и рассказывают, как пытаются встроиться в новую реальность – послеперестроечную Россию. Все книги серии можно читать как отдельные, не связанные друг с другом. Но для лучшего понимания идей автора рекомендуется сначала прочесть книгу «Надежда», рассказывающую историю ее детства.

© Шевченко Л. Я., 2013

© Автор, 2013

Уважаемый читатель!

Чтобы лучше понять творчество Шевченко Л.Я., я рекомендую Вам прямо сейчас скачать первую книгу автора, «Надежда», по прямым ссылкам:

В формате fb2:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.fb2>

В формате epub:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.epub>

В формате txt:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.txt>

В формате doc:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.doc>

Первая книга содержит историю ее детства, которая проливает свет на многие аспекты ее жизни, поэтому читать эту и последующие книги Ларисы Яковлевны будет интереснее, начав с самой первой.

Приятного чтения!

Предваряя возможные недоразумения, хочу предупредить читателей: не стремитесь к ложным идентификациям. Не ищите себя среди моих героев. Не забывайте, пожалуйста, что это художественное произведение.

От автора

Взглянув на обложку, потенциальный читатель может подумать, что эта книга об экологии природы, а она – об экологии человеческих отношений. Сюжет разворачивается и раскручивается вокруг двух осей: семья и перестройка. О том, как молодежь встраивается в современную жизнь, уже достаточно много написано. Моя книга о поколении шестидесятых, которым трудно вписаться в новую эпоху.

Книга эта прежде всего о женщинах. Мои героини достаточно умны, чтобы понимать, что возврата к старому режиму не будет, но они все еще живут памятью прошлого (временем, когда они были молоды и, несмотря на многочисленные проблемы, по-своему счастливы) и всем тем, что было в нем хорошего. Их волнует будущее страны и будущее их внуков и правнуков. Они стремятся передать им все лучшее, что накопили за свою жизнь. И в первую очередь – нравственные ценности своего поколения.

Через сорок лет после окончания вуза встретились двенадцать женщин. Половина из них – детдомовцы довоенных и военных лет. Эта встреча подруг – как бы подведение итогов жизненного пути каждой из них. Несмотря на далеко не юный возраст, их оценки своей жизни достаточно категоричны и откровенны. (Особенно у бывших воспитанниц детдомов.) И, возможно, именно этим они будут интересны читателям.

Книгу залпом не осилить. Это эмоционально насыщенное произведение. Потребуется некоторое время для осмысления прочитанного. Я сосредотачиваюсь на внутреннем мире своих героинь, ведь за каждой из них добрые или трагические судьбы сотен тысяч таких же очень и не очень счастливых женщин.

Пикассо говорил: «Я рисую мир не таким, каким вижу, а каким мыслю». Я описываю мир таким, каким его чувствую.

Читатели, успевшие до издания ознакомиться с рукописью книги, оказались единодушны в своем шутливом мнении: «Если ваш двухтомник «Надежда» стоит выдавать каждой молодой семье вместе со свидетельством о браке, то «Вкус жизни» надо вручать юным выпускницам школ вместе с аттестатом зрелости». А, как известно, в каждой шутке лишь доля шутки...

Приезд

Елена Георгиевна вышла из вагона. Город встретил ее неприветливой слякотной погодой. Холодный, пронзительный, напористый ветер разметывал полы легкой серой цигейковой шубки, пробирался за воротник, стегал колючими снежными хлопьями по лицу, слепил глаза. Остановившись, чтобы протереть очки, она заметила группу цыганят, наперебой клянчивших деньги у молодых, хорошо одетых мужчин. «Почему к женщинам не подходят?» – удивилась она. И тут же один из них подбежал к ней и, скорчив плаксивую рожицу, жалостливо заныл: «Тетечка, дайте денежек на хлебушко».

Елена Георгиевна вынула из дорожной сумки булку в целлофановой обертке и с состраданием протянула мальчику. А тот стрельнул недобрый взглядом, громко фыркнул и, брезгливо оттолкнув ее руку, прокричал: «Деньги, деньги давай, тетка!» Оторопев от такой наглости, она достала мелочь, но, будучи педагогом, сочла необходимым ласково пожурить ребенка за попрошайничество и напомнить о необходимости учиться в школе. «Не надрывайся, тетка», – презрительно процедил цыганенок сквозь зубы, круто развернулся и побежал за очередным клиентом. Переживая унижение и недовольство собой, Елена Георгиевна направилась к автобусной остановке.

Она шла тяжело и медленно, временами проваливалась в снежное месиво и тогда с трудом вытаскивала вязнущие ноги. «Трутни! А я, наивная, мальчишке об учебе пыталась толковать, – раздраженно думала она. – Один знакомый инженер-итальянец как-то сказал резко: «Не уважаю людей, которые позволяют себя обманывать». И этот цыганенок не уважает дающих ему. Противоречие, абсурд?..»

Елена Георгиевна села в автобус, направляющийся в район города, называемый Левым берегом. (Наверное, «Левый берег» есть в любом городе, пересеченном рекой.) Каждый рывок автобуса дрожью отдавался в ее больном позвоночнике. «Все-таки доконали меня сквозняки в поезде», – зябко поеживалась она, чуть наклоняясь вперед, а то и сгибаясь в три погибели, чтобы несколько ослабить боль от подскоков салона и от толчков толпящихся в проходе людей.

Выйдя наконец из автобуса, она долго месила рыжий, насыщенный влагой снег, хрустела ледяным ломким крошевом, пытаясь отыскать нужный ей дом. Пот выступил на лбу. Она в изнеможении остановилась передохнуть и уже немного пожалела, что не согласилась на предложение Славы, мужа подруги Киры, встретить ее у поезда.

Но то была минутная слабость, мгновенная мысль, которая тут же ушла. «С чего это я вдруг стала нытиком?» – одернула она себя. И снег сразу стал мягким, пушистым, и ветер уже не казался ей злым, особенно когда повернешься к нему спиной. И снежная каша под ногами уже не раздражала. Она стала замечать красивые дома с многочисленными башенками на разноцветных крышах – дань современной моде. И все же сказывалось отсутствие привычки к долгой ходьбе. Прошли те времена, когда легкой летящей походкой она могла обежать пол-Воронежа или Курска и не устать, и не задохнуться.

Елена Георгиевна с любопытством разглядывала аляповатые тяжеловесные конструкции рекламных щитов, наперебой не очень грамотно и не всегда этично предлагающих различные услуги и товары. «Такие же, как и у нас. В ногу с новым временем. Изменился контекст жизни – обновилось оформление улиц. Вот здесь была тополиная аллея, а теперь два ряда мощной рекламной агитации. Пни еще не успели сгнить. «Где это видано, где это слышано», чтобы природную красоту заменять безвкусными картинками?» – грустно усмехнулась она.

Многочисленные торговые точки в первых этажах домов и средства рекламы буквально наводнили улицы, и стал неузнаваемым любимый когда-то город. За яркими витринами не видно его прошлого... Богатство и нищета стали в родной стране в равной степени запредельными.

...А на этом щите русские слова написаны английскими буквами. Для чего и для кого? Названия магазинов то на итальянском языке, то на английском. Что за низкопоклонничество? Своих слов уже мало? И вдруг Елена Георгиевна поймала себя на мысли, что и русские вывески неожиданно для себя сначала пытается прочесть по-английски. Она поехала от недовольства собой.

В витрине булочной объявление: «Торта на любой вкус». На соседней двери яркое громкое заявление: «Починяем принтера». О великий и могучий! Похоже, ты не под силу уже своему собственному народу. Елена Георгиевна не поленилась вынуть из сумочки фломастер и сделать работу над ошибками. Оставила, так сказать, свой красный след на безграмотных физиономиях шопов.

Тут она заметила супермаркет и решила зайти за конфетами. Разыскивая кондитерский отдел, осторожно пробралась сквозь толпу покупателей. Вдруг чьи-то сильные руки крепко сжали ей плечи, резким движением повернули на девяносто градусов и передвинули ее на шаг в сторону. Елена Георгиевна мгновенно оглохла от боли, пронизавшей позвоночник и сковавшей все ее тело. Хлынули слезы. Сквозь их потоки она увидела мощные плечи и торчащий из-под короткой кожаной куртки огромный живот, обрамленный широким ремнем с мощной пряжкой – мужчина лет пятидесяти обернулся на ту, которая своими медленными движениями мешала ему, бодрому, энергичному, спешащему. Он даже не попытался скрыть восхищения собой. Его румяное квадратное лицо сияло. На нем читалось: «Вот какой я сильный, никто мне не может препятствовать». Он не заметил слез молодой женщины: наверное, радовался жизни, успехам, и, конечно, не понял, что причинил боль. А у нее не возникло неумолимого всепожирающего желания обругать, хотя бы сквозь зубы обозвать нахала жизнерадостным кретином. За шестьдесят с лишним лет своей нелегкой жизни она много чего усвоила. К тому же интеллигентность не позволила. Да и не до того ей было. Слишком больно...

Некоторое время Елена Георгиевна стоит безвольно и обессилено, боясь пошевелиться и думая только о том, чтобы не упасть. Потоки торопливых людей огибают ее с двух сторон. Иногда она ловит непонимающие взгляды. Одна молодая и красивая, сердито толкнув застывшую, как изваяние, женщину, бросает на бегу: «Сто лет в обед, а туда же! Сидела бы дома. В магазин, как на выставку пришла, ворон ловить». «О чем ты запоешь лет этак через сорок?» – беззлобно думает Елена Георгиевна.

В ее памяти почему-то неотчетливо мелькает жесткое лицо женщины-вахтера, которая грубо вытолкала ее из поликлиники только за то, что она попросила помочь надеть ей куртку. Она после этого целую неделю проболела. А потом увидела эту женщину в церкви. Не вязались как-то эти два события, не складывались воедино в одном человеке.

...Опять этот зачуханный пацанишка, цыганенок, все чего-то навязчиво мельтешит в глазах. Никак она не может выбросить его из головы. Потом мысли Елены Георгиевны переключились на предстоящую встречу. Кого увижу? Какие они теперь стали? Вспомнились последние, «доисторические», яркие образы однокурсников, абсолютно завершенные по степени соответствия стандартам того времени. Порылась немного в воспоминаниях о молодости – на душе стало тепло и грустно.

– Елена Георгиевна! Вы какими судьбами здесь? – слышит она чем-то знакомый голос.

– Витя, ты ли это? – она сразу узнала в этом седом усталом мужчине одного из лучших студентов своего первого выпуска. – Со дня окончания тобой вуза ни разу не встретились, а тут на тебе! Какой приятный сюрприз!

– Я как-то в Москве был одни сутки, так столько знакомых встретил из тех, кого годами не видел, хотя живем недалеко друг от друга.

– Москва в этом плане – не показатель. В ней друзей со всего мира можно найти или заново обрести. Когда я училась в шестом классе, в нашей школе появилась девочка из Иркутска. Ее дедушка разыскивал моего деда, потому что писал о нем книгу. Вот тебе и «Широка

страна моя родная», а затеряться невозможно. А в Чехии я недавно встретила со своей однокурсницей, которая теперь живет в Америке. Маленьким стал для нас шар земной, а в детстве казался необъятным.

– В одной точке Земли кто-то чихнет, а на другом ее конце, удаленном на тысячи километров, в ту же секунду об этом становится известно. Это еще что! Я как-то был проездом в Воронеже. Сижу, обедаю в ресторане – он днем работает как столовая, – подходит ко мне совсем древний старичок и спрашивает: «Ваша фамилия, случайно, не Заводчиков?» Я подтвердил. Мы разговорились. И тут старичок радостно, почти со слезами меня обнимает и говорит: «Мы с вашим дедом в молодости здесь работали. Я сегодня впервые за много лет пришел сюда, чтобы освежить в памяти нашу с ним дружбу. Он жив? Обязательно расскажите ему о нашей с вами встрече». Парадокс!.. А помните, как вы учили нас на первом курсе физические парадоксы расшифровывать?

– Как не помнить! В быту, как видишь, их не меньше, и сложность заключается в том, что они не теоретические, а практические, реально существующие, – улыбнулась Елена Георгиевна.

Она была рада встрече.

– Где работаешь, Витя?

– В сельской школе.

– Ну и как там сейчас?

– Черт знает что творится!

– В твоём лексиконе раньше не было таких выражений, – удивилась Елена Георгиевна и поморщилась.

– Тут еще не такое скажешь... Наша директриса – депутат, с областным начальством на «ты», муж ее – в органах. Не подступись. Голос поднимешь – в порошок сотрут, – торопливо, словно боясь, что его могут прервать, заговорил Виктор, не замечая недовольства своего бывшего педагога. – Помню, еще в начале перестройки послали меня в город на профсоюзную конференцию. Сельские учителя, выходя на трибуну, буквально со слезами на глазах говорили о проблемах школы, о том, что упускаем поколение. А по телевизору показали двух-трех подпевал, которые хвалили администрацию, и теперь меня уже не удивляет несоответствие между повседневной, оптимистической информацией, что льется со страниц нашей районной прессы, и реальной жизнью. С тех пор не хожу на подобного рода фальшивые мероприятия. Кто бы и что бы мне ни говорил, я поступаю так, как считаю нужным, отдаю предпочтение своим наблюдениям и размышлениям. Поэтому и достиг того, чего достиг. Мне ли вам объяснять.

С моей точки зрения, орет наша директриса так же, как и до перестройки, только другие лозунги выкрикивает. Она – царь в школе, а мы рабы или вассалы. У неё получается, что не мы нужны детям, школе, а школа и дети для нее. Да, впрочем, мне год до пенсии остался. Дотяну как-нибудь, дотерплю. Хотя, конечно, фигурально выражаясь, и тут стопроцентную гарантию может дать только Господь Бог. Он хоть и бездоказательная, но все же неотъемлемая часть души хороших людей.

– Правдолюбцам во все века трудно было. А дети в селе лучше, проще, чем в городе?

– Всякие. Есть и хорошие. Ясное дело, не то, что раньше: хамства в них больше стало.

– А в смысле знаний?

– Хуже, конечно.

– Но умненькие-то встречаются?

– Бывает. Вот, в моем последнем классе «откопал» я одного, Сашком зовут. Повёл, увлек, радоваться за него стал: мыслит, интересуется, вопросы задает! А в девятом он попал в компьютерный класс – и все! Дальше монитора ничего не видит. Все забросил. Думает, что если освоил компьютер, так сразу в гении попал. Физика, математика – по боку. Двух фраз не свяжет, логическую цепочку элементарного явления природы проследить не может, вернее, не

хочет. Говорит, словно на кнопки клавиатуры нажимает: тык-пык. Пассивный, вялый, что творится вокруг, его не волнует. Ему достаточно того адреналина, что получает от игр... Пропал у детей интерес к личному общению.

А тут еще этот чертов ЕГЭ! Мы его «ягбй» в шутку называем. Он же убивает у школьников мотивацию познания, подсекает всю основу нашего образования! Как приходит время выпускных экзаменов, так начинается самое интересное: «страсти по ЕГЭ» такие разворачиваются, хоть кино снимай! Зачем мы по-лакейски идем по чужим следам? На кой нам сдался этот Запад? На мой взгляд, ему самому давно нужен духовный фитнес... Чем хорош ЕГЭ – в этом стоит разобраться отдельно, но мне кажется, что тестовая система проверки знаний скоро совсем отучит детей говорить и думать. Сашок теперь уроки зубрит, как попугай. Мой второй умный на четыре-пять учился, так двойку на ЕГЭ отхватил, а его дружок-троечник – еле перетягивали его из класса в класс – четыре получил. «Натыкал», как он выражается. Я в шоке.

– Похоже, ЕГЭ обнажил все проблемы в образовании, – сказала Елена Георгиевна.

– На учителей давят начальники. Дети двойной пресс выдерживают: учителей и родителей. А все проблемы в наших внутренних установках. Люди зачастую не видят ничего дурного в том, что нарушают правила. Даже учителя не все готовы выполнять законы и учить этому детей. Вот и происходит на экзаменах череда «необъяснимых» явлений. В моей молодости этого не было... Говорят, американцы за ум взялись, нашу систему обучения перенимают, ну а мы их хвосты подбираем, те, что они бросают. Ой, болит душа за наших внуков: ни физиков, ни лириков не вырастим.

Раньше каждый год мои выпускники поступали в технические вузы, а теперь дети на компьютерах помешались, все в информатику подались. Не понимают, что именно математика, физика, биология и химия – основа всех основ, а компьютер – только инструмент им в помощь. В школе много компьютеров, а кабинеты физики, химии и биологии – пустые. Изгнали физику из школы. Я свой предмет по старым плакатам изучаю с детьми, а хочется им хотя бы осциллограф вживую показать, эксперимент провести вместе с ними, чтобы потрогали, пощупали, ощутили вкус к науке, и за себя, за свое понимание гордость почувствовали. Без этого у детей не появятся рецепторы, которые будут воспринимать научный опыт лучше, чем опыт пустырей и подворотен.

Кто-то из великих сказал: «Кто экономит на школе, тот будет строить тюрьмы». И в институте – я заходил – тоже беднота. Старые приборы на ладан дышат. С одним знанием компьютера технологическую революцию в промышленности не совершить. Математики у нас пока еще сильны, потому что им кроме бумаги, компьютера и приличной головы ничего не требуется.

– Если бы не знала твой неумный характер и пытливый ум, винила бы за слабые знания подрастающего поколения в твоём селе в основном учителей, – задумчиво сказала Елена Георгиевна.

А Виктор продолжал жаловаться:

– Родители тычутся в поисках работы – в деревне ее не густо – вечно злые, раздраженные, неудовлетворенные. Учителя затурканные: шаг вправо, шаг влево – на ковер. Если молодым из школы вылетишь, куда пристроишься? Торговать шмотками на барахолке?

– Насчет ЕГЭ у меня двойственное мнение, и со школьниками я в основном в библиотеках общаюсь. Хорошие, умные, активные ребятки, только излишне фантастикой увлекаются. Студент, правда, более слабый пошел, но я пока не вижу здесь прямой связи с ЕГЭ.

– Но это как посмотреть. Хотя бы на время надо приостановить эксперимент над детьми, чтобы одуматься, – вяло возразил Виктор.

– Сомнения свойственны творческому человеку, – улыбнулась Елена Георгиевна.

Виктор в ответ только безнадежно пожал плечами. В его глазах перемежалось то странное болезненное безразличие, то злое упрямство, которое мешало ему радоваться встрече с уважаемым педагогом.

– Витя, когда дотянешь до пенсии, куда работать пойдешь? Ведь не сможешь дома усидеть.

– В сварщики. Ни дня в школе не останусь за гроши. Врач в три раза больше меня получает, а сварщик – в пять. Но главная причина в том, что нервы у меня совсем сдают, смертельно устал. Остаток здоровья хочу сберечь: сына доучить надо – я поздно женился, – а может, и внуков еще увижу.

– Витя, а ты с компьютером на «ты»?

– Принципиально не стал изучать. Не хочу размениваться.

В разговоре последовала длительная, неодобрительная пауза.

– Зря, это помогло бы тебе найти контакт с ребятами, – бесцветным голосом сказала Елена Георгиевна и перевела разговор в русло своих проблем.

– Виктор, ты знаешь этот район города?

– Тетя у меня вон там, за магазином живет. Я в гости к ней приехал. Какой номер дома вам нужен? Без меня вам в лабиринте этого «алфавита» быстро не разобраться, потому что рядом с домом номер пять «а» здесь может стоять дом тринадцать «д». Неимоверная путаница!

– Проводи, пожалуйста, я что-то замерзать стала.

– С большим удовольствием! – обрадовался Виктор. Ему очень хотелось продолжить разговор, чтобы излить душу понимающему человеку.

Они быстро нашли дом номер пять, утопая в густой снежной жиже, еще немного побродили между строениями а, б, в, г... Вот и та самая пятиэтажка – цель путешествия, конечная точка маршрута. Елена Георгиевна попрощалась с Виктором, мягко напутствуя его не сдаваться, держать марку старых учителей и не забывать пополнять свой багаж знаний новинками науки и техники.

Взгрустнулось ей от этой случайной встречи. Виктор был ее любимым учеником. Рвался в аспирантуру, но конкурс там был слишком большой. Уехал по распределению в родную деревню. «Похоже, укатили сивку крутые горки. Но душу свою он, несмотря ни на что, всё же детям отдает. Не сбежал. Уверена, физик из него вышел хороший, и многие мальчишки и девчонки, повзрослев, добром будут вспоминать своего беспокойного, небезразличного, интересного учителя, – думала она с теплым чувством. – А ЕГЭ? ЕГЭ...» Мысль о нем покинула Елену Георгиевну, не став предметом долгих размышлений. Она снова подумала о подругах юности – о Кире, Инне, в первую очередь. И все-таки легкая отметина в ее сердце, оставшаяся после встречи с Виктором, никак не хотела исчезать и все тревожила и тревожила.

Перед Еленой Георгиевной – неказистая пятиэтажка среди разверзшихся ям и эффектных трещин в асфальте, по которым куда-то глубоко вниз убегала ручьями талая вода. Дом снаружи обветшалый, грязно-серый, какой-то неуютный, неухоженный: проржавевшие остовы балконов, широкими дугами выдвигающиеся в пространство двора; облупленные, обломанные кирпичи былого красивого орнамента глухой стены; наружная лестница, некогда узорным винтом взлетавшая на крышу, теперь исковеркана, ее обломки, оплетенные остатками сухожилий дикого винограда, торчат уныло и печально. Вся стена по скосу этой лестницы, насколько позволял рост «самодеятельных художников», исписана корявыми граффити.

Увидев их, Елена Георгиевна подумала: «Надписи на стенах – глупый и грубый способ заявить о себе всему городу. Но с появлением граффити исчезли на заборах и стенах матерные слова. Почему? С модернизацией экономики – она меняет всю систему взаимоотношений в обществе – повысился уровень культуры? Какая же это культура – писать на стенах? Возможно, некоторая раскованность и свобода выбора повернула ребятишек в сторону настен-

ного «искусства». Ума, опыта, знаний и воспитания не хватает, а выразить себя хочется, вот и оставляют они всюду свои автографы-каракули. Ах нет, совсем выпало из памяти – мат перебрался в Интернет! Заполонили его грубости и глупости. Много потворствуем детям, а надо бы подправлять, направлять, поддерживать в них хорошие наклонности, чтобы со временем они могли вылепить новую Россию... В педагогику полезла. Что-то меня сегодня с утра пораньше переклинивает».

Вот и залатанная в нескольких местах обрезками ржавого железа входная дверь. Справа от нее красуется пестрый пивной ларек, вокруг которого выются подозрительные личности, готовые и «на подвиг», и на подлость, в зависимости от того, на что сподвигнет их содержимое бутылок; слева – кирпичный закуток для мусорных баков, загаженный гниющими отходами. Оттуда, несмотря на зиму, тянуло одуряюще тошнотворным запахом. Елена Георгиевна невольно отшатнулась и, зажав нос платочком, проскочила мимо смрадного места.

С балкона третьего этажа свесилась бритая голова, и вниз полетел полиэтиленовый мешок. Грязные бумажки и объедки рассыпались, и их подхватил пронзительный ветер-дворник, блуждающий между домами. С какой-то поразительно бесшабашной неторопливостью принялись за объедки вороны, привычно засуетились воробьи. Невозмутимое лицо с безразличными глазами не отказало себе в удовольствии взглянуть на результат своего действия. Похоже, он его не устроил, потому что любитель сомнительных экспериментов разразился со страшной бессмысленной силой высококвалифицированным многоэтажным матом.

Вдруг на тот же самый балкон в одной короткой запятанной рубашонке выскочил малыш лет четырех и энергично замахал ручонкой, просунутой сквозь прутья решетки. Елена Георгиевна оглянулась. Двор был пуст. Значит, ей! Она ответно поприветствовала мальчонку и закричала: «Беги скорей домой, застудишься!» А он не уходил. Бритоголовый продолжал «искренне изъясняться» в пустоту, не обращая внимания на ребенка. Елена Георгиевна мгновенно представила, как живет этот маленький человечек, если для того, чтобы получить внимание чужой тети, он готов до посинения стоять на промозглом ветру, босыми ножками утопая в снегу. Она торопливо вскочила в полутемный подъезд, надеясь таким образом «отпустить» малыша.

После достаточно яркого наружного света она ничего не видела и наткнулась ладонью на что-то мокрое и склизкое. Вздогнула, отдернула руку. Всмотрелась: кусок водопроводной трубы. Это все, что осталось от стоявшей здесь когда-то батареи отопления – приюта бедных влюбленных в холодное время года. Света от висящей под потолком на тонком витом проводе маломощной лампочки было мало. К тому же от порыва ветра, влетевшего в открывшуюся на миг дверь, она закачалась. Из стороны в сторону по стенам испуганно заматались блеклые тени. От них рябило в глазах.

Елена Георгиевна огляделась. Обыкновенный облезлый подъезд с развороченными почтовыми ящиками, с облупленной местами до кирпичей штукатуркой в разноцветных пятнах многослойной краски. По ней, как по кольцам дерева, можно сосчитать число ремонтов. И с потолка выкрошившиеся из трещин куски вот-вот готовы свалиться на голову. Наверное, лет пятнадцать не касались этого дома руки маляров.

Страшно притрагиваться к искореженным, шатким чугунным перилам с остатками завитушек некогда красивого ажурного орнамента. О существовании деревянных перил, прежде обрамлявших металл, можно было догадаться по отверстиям и кривым шурупам, еще болтающимся кое-где на их остове. Ступеньки с сильно сглаженными выбоинами и трещинами всем своим видом требовали перемещаться по ним осторожно.

Елена Георгиевна благополучно преодолела несколько пролетов лестницы. Прошла мимо замызанной двери без опознавательных знаков, мимо трех кованых дверей-монстров и оказалась у чистенькой, светлой, беззащитной, деревянной, не гармонирующей с когда-то ядо-

вито-зеленым, а теперь потемневшим фоном стен коридора, «украшенных» трещинами и скрученными рулончиками осыпающейся краски.

«Дверь в оазис?» – грустно и немного иронично подумала она и осторожно нажала на глубоко утопленную в стене кнопку. На звонок выскочила Кира и схватила Лену в охапку. Та громко ойкнула. Кира сразу все поняла, мягко отстранила от себя подругу, и, уже нежно обнимая ее в своих приветливых объятиях, осторожно повела в квартиру. Лена, словно в оправдание, вздохнула:

– В молодости у меня ничего не было, кроме здоровья, а теперь есть всё, кроме здоровья. Вот в кои веки выбралась к вам, и то не обошлось без приключений. Не прими мои слова на свой счет, в магазине подверглась нечаянному «насилию». Ой, натоптала я тут!

– Ерунда, – махнула рукой Кира и подала Лене толстые шерстяные носки ручной вязки.

Лена сняла набрякшие влагой сапожки, надела теплые, уютные носки и прошла на кухню.

– Добралась без помех? А что в магазине с тобой приключилось? Упала? – первым делом сочувственно спросила подруга. – Ох и тряхнем мы сегодня стариной! Боже мой! Какая седая стала! А все равно можно узнать.

– Ну, если только заранее знать, что именно я приеду. А на улице, наверное, прошла бы мимо, хотя, может быть, и мелькнула мысль: «Кого-то эта полноватая блондинка мне напоминает?» – засмеялась Лена и добавила:

– После операции расплнела, закололи в больнице гормонами. Не до красоты было – выжить пыталась. В такой ситуации предпочтения быстро меняются. А теперь, на седьмом десятке, вообще не до внешних параметров. Я достигла того возраста, когда это обстоятельство уже не имеет такого значения, как раньше. Сорок шестой размер мне уже не носить и на «мисс Россия» – не претендовать. Все равно больше трех баллов из десяти возможных не наберу. Да и не стоит стараться похудеть. Раз попыталась, но бросила это бесполезное, а может, даже вредное в моем возрасте занятие – погоню за мнимой красотой. Худая я или толстая – все равно бабка.

Кира поставила на стол тарелку с бутербродами и налила в чашки горячего чая.

– Хватит плакаться! Если хочешь знать, ты ни капельки не толстая. У тебя приятная полнота самодостаточной преуспевающей леди, и в твоей жизни еще много хорошего впереди, – поспешила заверить она подругу.

– Ох уж эти зыбучие пески несбыточных желаний! Твоими устами да мед пить. Но, к сожалению, и память уже никуда не годится: иногда не сразу соотношу фамилии и лица людей. Однажды – уже не помню где – со мной произошел позорный случай: перепутала врача с бывшей учительницей своего сына. А ведь когда-то была зеркальная память.

– Со мной тоже происходят явления такого же порядка: имена и номера телефонов стала путать.

– И в зеркало на себя гляжу без удовольствия. Глазей не глазей – моложе не станешь. Не удастся восстановить былую красоту минимальными средствами – с помощью помады.

– Элегантный период – сорок пять-пятьдесят пять – мы успешно завершили и, надеюсь, зрелый пройдем на высоком уровне! Наш возраст – золотая осень: силенки пока есть, болезни еще не замучили, получается радоваться. А это очень много.

– Вот и моя соседка-врач часто безжалостно иронизирует над собой, а иногда шутит в угоду собственному желанию: «Я не пожилая женщина, а зрелая». И тут же добавляет кокетливо, понизив голос: «Ну, совсем, совсем немного перезрелая». А я весело вторю ей: «Мне тридцать пять лет и много, много месяцев». И мы вместе хохочем, чувствуем себя в этот момент этакими молодухами, воображая, что, если нам нарисовать лицо, обозначить глаза – так мы еще и ничего! – рассмеялась Лена. – А ты, Кирочка, и правда, совсем не изменилась, фигура все та же, ходишь, словно танцуешь, и спину прекрасно держишь, только в лице усталость появилась, и живости поубавилось. Каждый день у балетного станка стоишь?

– То бишь у плиты? – уточнила Кира.

Вошел Слава и с радостной, чуть смущенной улыбкой обнял Лену по-отечески. Он еще в студенчестве, будучи несколько старше всех на курсе, выглядел серьезным, сдержанным, не то что эти полудети-полувзрослые, одним словом – семнадцатилетние. Слава так же высок, подтянут, те же приветливые глаза, уверенные манеры бывшего военного, и только свинцово-седые волосы говорят о том, что последние 40 лет и на него наложили заметный отпечаток, что дыхание подступающей старости уже коснулось и его. Но седина не портила, а напротив, придавала его облику значительность.

– Видишь, Слава, была я высокой, стройной, а теперь стала маленькой и полной. Такая вот метаморфоза. Ем мало, откуда что берется? Так что руки шире разбрасывай, а то не обхватишь, – с улыбкой посоветовала Лена.

– Не вставай на цыпочки, не пыжься, все равно выше не станешь, – засмеялся Слава, целуя Лену в щечку.

– О чем ты говоришь? Отлично смотришься! Ты почему-то всегда стеснялась своей внешности. Раньше слишком худой себя считала, а теперь слишком полной, – удивилась Кира.

– Отчим внушил мне в мои юные годы, что я уродина, вот и комплекую по сю пору.

– Легкая полнота только красит женщину: морщин меньше и вид солидней, – улыбнулась Кира. – Худеют в нашем возрасте те, у кого фигура – главная радость в жизни, а у нас с тобой есть более интересные запросы.

– Что я могу сказать: импозантная женщина! Ты достаточно миниатюрная, а вот Тина на самом деле расплнела и совсем в сдобную булочку превратилась. Поперек себя шире. Она у нас теперь женщина кустодиевского типа. Вот обнимая кого, приходится во всю ширь разносить свои крылья! Но ты знаешь, полнота ей странным образом идет. Наденет балахончик и плывет уточкой, – засмеялся Слава.

– Напустил на себя все свое джентльменство, – весело отмахивается от его комплиментов Лена.

– Прибарахлилась! Костюмчик у тебя от Диора, Версаче или до Юдашкина снизошла? – засмеялся Слава.

– И ткань из сундука Саломеи, – в тон ему с улыбкой отвечает Лена.

– То бишь доперестроечная?

– Какие успехи в творчестве? – чуть понизив голос, осторожно интересуется Кира.

– Я сейчас слишком часто болею, чтобы совпадать со своими желаниями, отсюда и неудовлетворенность количеством и качеством сделанного. Свет озарения вспыхивает все реже, уровень вдохновения все ниже. И с этим приходится считаться. Зрение начинает подводить. Скажутся годы напряженной работы на компьютере. Долгосрочных планов, сама понимаешь, теперь не строю. Обо всем этом мы еще успеем с тобой поговорить. Я нашла свою нишу, и это главное. И хобби есть.

– А в личном плане? – спросила Кира еще тише.

Слава тактично вышел из кухни, а Кира деловито загремела посудой.

– Думаешь, старичка себе подыскала? Случайные связи, если ты помнишь, всегда были не по мне, а постоянные... Не встретила больше такого, как Андрей. Ты же знаешь, я не склонна обманываться и обманывать других. А с возрастом и потребность исчезла. Думаешь, неправильно жила? – голосом, охрипшим от переполнивших ее чувств, спросила Лена.

– Я уважаю твой выбор, но не понимаю. Неужели никогда не думала, что зря верность хранила?

– Бывало. В минуты слабости, когда от себя уставала.

Новых откровений не последовало. Кира знала, что есть темы слишком болезненные, чтобы говорить о них даже один на один, поэтому замолчала и ушла на некоторое время своими мыслями туда, куда никому никогда не позволяла заглядывать.

Лена понимала, что Кире на самом деле не безразлична ее судьба, и ей захотелось улыбнуться подруге одобрительно и ласково. А еще она догадывалась, что Кира осторожно забрасывает пробные камешки или, как говорили в юности, закидывает удочку, выясняя, стоит ли ей поднимать эти темы в общем разговоре или оставить их на потом, для личной беседы, поэтому и не обижалась на откровенные вопросы подруги.

– Восхищаюсь твоей и Славиной молодостью, – искренне и радостно воскликнула Лена, – какие вы, право, молодцы!

Кира вздохнула:

– Люди с годами мало меняются, только стареют. С твоим зрением наших морщин тебе не разглядеть. Оно и лучше, когда их не видишь или не замечаешь. Душа-то, как прежде, хочет парить. К тому же всегда трудно отличить, какие морщинки на лице от смеха, а какие – следы переживаний. Очевидны разве только те, что в уголках губ опустили свои стрелы до самого подбородка.

– Да нет же, ты все такая же неотразимая!

Кира оглядела себя в зеркале и улыбнулась, довольная увиденным:

– Я женщина неопределенного возраста.

– Мы сегодня обязательно сбациаем цыганочку или гопака выдадим, как в студенчестве. Помнишь, наши вечера и КВНы?! – поспешил сменить тему Слава, заглянувший в кухню.

– И выпьем с большим удовольствием за долгожданную встречу, – весело добавила Лена.

– Предвосхищаю твое изумление. Сегодня я совсем не буду пить, ну если только совсем чуть-чуть.

– Вечерние занятия, – догадалась Лена. – Ничего, завтра наверстаешь упущенное. Ведь программа встречи на три дня рассчитана?

– Ты своим приездом нам сегодня принесла радость, праздник устроила. Мы со Славой теперь к подобным встречам относимся, как к вехам жизни – отсчитываем время от приезда до приезда очередных друзей. Вчера, после твоего звонка, Слава отыскал твое студенческое фото. Помнишь, ты мне его после МГУ подарила? И вышел у нас с ним вечер молчаливых воспоминаний.

Боже мой! Сколько всего за эти годы случилось, сколько было тревог, волнений, забот всяческих, трудностей, радостей! Сначала дети распланировали нашу жизнь на много лет вперед. Теперь, ты знаешь, у нас трое взрослых внуков. В университете учатся. Я давно не работаю. Не смогла из-за денег оставить малышей без заботы, вот и определили они ритм всей моей жизни.

«Кира всегда умела обставить любое дело так, что всё казалось естественным и само собой разумеющимся. Где и в чем она находит силы быть всегда ровной, сдержанной, доброжелательной? Может, Слава аккумулятор ее положительных эмоций?» – подумала Лена.

– С внуками жизнь стала более осмысленной, хоть и до предела заполненной заботами. К сожалению, я утратила интерес ко многому, что раньше радовало. Но что поделаешь, столько домашней работы, что некогда было дух перевести. Иногда казалось, как рыба об лед бьешь. Случалось, чувствовала себя старой цирковой лошадкой: все по кругу, по кругу – один внук, другой, третий. В сутках не хватало часов. Минутки за день выкроить для себя не всегда удавалось. Конечно, это огорчало, но я сама выбрала эту стезю, сама приняла решение и неукоснительно его выполняла, как говорит Слава – с завидным упорством и рвением. Внуки от этого только выигрывали. Они – наша гордость. Не подкачали. Как-то старший комплимент сделал: «Вы, шестидесятники, – люди особого сорта». Это было объяснение в любви нашему поколению.

Конечно, я тосковала по прежней работе, но эта тоска не шла ни в какое сравнение с радостью видеть внуков здоровыми, веселыми и умными. Одна только мысль о них приводила меня в восторг, сразу уплывали сомнения, и оставалась лишь беспокойная радость за малы-

шей. Мало кто из моих приятельниц рискнул на столь ранний уход на пенсию, но я не жалею. Домашняя работа не угнетает меня, и, хотя дел по горло, я не чувствую себя скованной по рукам и ногам и запертой в невидимой клетке с очень прочными прутьями, поэтому не протестую. Настроила себя так.

Долгое время моим кругом общения были бабушки, чьи жизни посвящались исключительно внукам. И я ощущала себя с ними постаревшей и боялась показаться Славе именно такой, а не сорокапятилетней женщиной. Не раз возникали мысли, что все лучшее уже позади, что жизнь идет на спад: никогда уже не доведется почувствовать того, как первый раз коснулись меня руки влюбленного студента, как ждали первого ребенка.

«Кира говорит и делает все с той прелестной простотой, которая всегда так привлекала в ней Славу», – подумала Лена, вслушиваясь в звуки голоса подруги.

– Теперь мои родненькие сами уже студенты, и я позволяю себе роскошь общения с бывшими подругами, с которыми раньше только перезванивалась или обменивалась поздравительными открытками. Пришло время, когда я могу замедлить бег и сфокусировать свой взгляд на чем-то другом, чем кухня и бесконечные домашние заботы. Занимаюсь своим здоровьем, посещаю библиотеки, собираю литературу по интересующим меня проблемам, много читаю.

Сейчас вот религией заинтересовалась. Удивлена? С возрастом стала чувствовать, что силы высшего порядка повелительно и властно входят в мою жизнь, диктуя, спасая, нанося неожиданные и, как мне кажется, незаслуженные раны. С этими силами у меня связаны большие сомнения. Много мне неясно. Лекции Кураева посещаю. Пытаюсь одолеть библию...

– Того самого Андрея Кураева, что иногда вещает по телевизору?

– Да. Он считает, что деградация современного человека началась с его обезбоживания, а я думаю, что вряд ли стоит все сводить к вере. Может, ошибаюсь, но хочу разобраться и посвятить в свои мысли внуков. Об этом, надеюсь, мы с тобой еще поговорим. У меня к тебе много вопросов накопилось.

Кира вопросительно посмотрела на Лену.

– Обязательно поговорим. Раны обычно наносят люди, с них и спрос, – грустно улыбнулась Лена. И, как показалось Кире, одной этой фразой сразу расставила точки над «i», выветив свое вполне определенное отношение к теме предстоящих разговоров.

– А на прошлой неделе внученька, радость наша, родилась, – сказала Кира. – На днях в Англию собираюсь к ней, крошечке моей. Повидать ее хочется и дочке помочь надо на первых порах. Только Семенов обошел нас – у него пять внуков. Когда на праздники все собираются, у них не семья, а массовка к фильму Бондарчука «Война и мир» образуется. Я совсем не представляю его окруженным муравейником малышей! Ты же помнишь Александра с его странными теориями демографического взрыва на планете? Он как-то задал мне вопрос: «В молодости мы живем ради будущего счастья, а в старости почему мы будем цепляться за жизнь, ради чего нам будет стоить жить?» Теперь, наверное, ответил сам себе. Понял видно, что наше теперешнее предназначение в том, чтобы молодое поколение в такое достаточно сложное время не утратило веры в себя.

– Ой, Кирочка, счастливая ты! А у меня один-единственный внучок. О внучке пока только мечтаю. Не торопится невестка еще детей заводить. Боюсь, не дождусь или может так случиться, что из-за болезней мне в их жизни не будет места.

– Да ладно тебе. Уйми слезы. Еще на свадьбах наших внуков и внучек погуляем.

Горячей волной прошли по сердцу Лены добрые слова Киры.

– Сегодня одновременно с встречей однокурсников у нас еще один «общенациональный» праздник, – день рождения Киры, – с самым серьезным видом пошутил Слава. – Отметим с вселенским размахом. Вздрогнем по полной программе!

– Ой вздрогнем! Кто бы отказался! – обрадовалась Лена и обняла виновницу предстоящего торжества.

– Не вгоняй в краску, не стоит моя персона такого внимания, – покраснев, с радостным обожанием глядя на мужа, сказала Кира.

– Дина сегодня приедет, то-то все удивятся! Смотри, не проговорись девчонкам случайно, пусть сюрпризом будет.

– Будь спокойна. Самые приятные встречи – неожиданные, потому что искренние. Ведь и помощь наиболее ценна тогда, когда ее не просишь. Правда же? Я – могила. Помнишь, на первом курсе у нас в ходу было такое выражение? Боже мой, какое чудное было время! Тогда будущее казалось нам безоблачным и удивительно счастливым.

– Валя обещала быть. Уже известила о своем приезде.

– Она, как и прежде, мгновенно загорается энтузиазмом, всегда в гуще всех событий? Не растеряла еще свой организаторский талант?

– Да, Валя не из тех женщин, что будут стенать, ожидая непредвиденных ситуаций. Сама их создаст и сама же разрешит. Заводила, мозговой центр всех веселых начинаний. Навсегда прописалась в стране оптимизма. Я учусь у нее. Не буду сейчас входить в подробности ее жизни, она обо всем сама тебе расскажет. Будет впечатляющая встреча!

Но при этих словах в бодрой речи Киры почудилась вдруг Лене глубоко запрятанная грусть.

– К нашей встрече я несколько сюрпризов приготовила. Надеюсь, приятных. Очень на это рассчитываю. Ой, что будет, что будет! И ты, может быть, до потолка подпрыгнешь от радости. – Кира при этом загадочно улыбнулась: – Что с лица спала? Настроение радостно-возбужденное или нервно-тревожное? Да брось ты! Не гадай и не строй предположений.

– Не подогревай мое любопытство. Не хочу о сюрпризах слышать заранее, чтобы не смазать впечатление или не разочароваться, если вдруг у тебя не получится удивить меня. Пусть эти заморочки останутся пока при тебе. Ты сегодня выступишь в роли распорядительницы нашего «бала», и все карты тебе в руки, – остановила Лена Киру.

– Помнишь наших трех Нин? Мы их тогда сообразно характерам назвали Нина, Нинель и Нинон. Обещали завтра приехать. Инна наверняка придет без приглашения. Не заставит себя долго ждать. Всегда является с неотвратимостью Каменного гостя. Вчера еще прознала о твоём приезде по своим каналам, видно, почуяла новости, достойные ее ушей. Ты ведь ей не сообщала? Удивить хотела?

Так и не удалось тебе ее перевоспитать за десять лет, пока она у тебя работала. Какая досада! Не нашего она поля ягода, но ведь не прогонишь. Держу пари – первая явится. Я еще не забыла ее прошлые выверты. А ну как еще что-нибудь выкинет? Вот ведь наказание господне! Нет житья от нее никому. Будем надеяться, что в этот раз обойдется без эксцессов.

– А что она последний раз отчебучила? Кого приперла к стенке?

– Обозвала Нинель шлюхой. Не стеснясь в выражениях, сказала все, что о ней думает. Присочинила, конечно, с три короба. Она, если заведется, точно из реальности выпадает. Их тогда еле растащили по разным углам. Не думаю, что тебе захотелось бы на это посмотреть. Я лично чувствовала себя преотвратно... Никого Инка не оставляет в покое. Нельзя же всегда всего добиваться нахрапом. С нею стоит чуть-чуть ослабить вожжи – пиши пропало. А ты всегда потакала ей. Почему? Прикипела к ней душой?

Кира мягко, но все-таки упрекнула Лену, не одобряя ее потворства сумасбродству подруги детства. «Не пойму, зачем Кира с первых же минут нашей встречи пытается дать мне понять нежелательность присутствия здесь Инны? Разве это что-нибудь изменит в наших отношениях?». Больно кольнули Лену слова Киры, но она стерпела, виду не подала.

– Ну и ну! Да уж, робостью и тактом Инна никогда не отличалась. И чем Нинель обязана такой «чести»? Она, я слышана, слишком недосыгаемо высоко стоит, чтобы «заигрывать» с ней подобным образом. Здесь кроется некая загадка. Противостояние часто приводит к осложнениям. Тем паче, что она еще в силе... Да ты сама знаешь...

– Не то слово...

– Значит, Инна опять в опале?

– Не стану отпираться: я тогда турнула ее. Возмутила она меня до глубины души. А что, я спасибо должна ей говорить? Нет уж, дудки!.. Правда, потом я сама была не рада, что с ней связалась. Она и в коридоре продолжала вопить, не сбавляя скорости. Соседи сбежались. Тебе, фигурально выражаясь, не мешало бы ее «отшлепать» или хотя бы сделать строгое внушение. Если получится, перемолвись с нею перед началом встречи двумя-тремя фразами. Во имя нашей дружбы.

– Похоже, совсем посыпалась Иннина жизнь, – вздохнула Лена. Кира услышала в этом вздохе глубокое сожаление и поторопилась уйти от неприятной им обеим темы.

– Махнула ты от нас в МГУ еще на втором курсе, а душа все равно тут осталась, да? Ах, родные пенаты! Волнуешься?

– Еще как! Будто в чистилище или на исповедь приехала. Боюсь, эта встреча станет для меня серьезным экзаменом, где будет оцениваться каждое мое слово.

– Так ведь не в преисподнюю же, к друзьям приехала, – рассмеялась Кира.

– Ой, может мне стоит что-либо купить к столу? От вас до магазина рукой подать, – вдруг всполошилась Лена.

– Не беспокойся, Слава уже обо всем позаботился с утра пораньше. Пока суд да дело, отдохни с дороги. Устраивайся удобней.

Повинуясь знаку улыбающейся хозяйки – еле заметному движению головы – Слава повел гостью в свои хоромы.

Лена благосклонно осматривает двухкомнатную квартиру друзей и одновременно пытается с помощью некоторых едва уловимых признаков проникнуть в сложный тонкий мир их семейных отношений. Она с удивлением обнаруживает, что квартира скромная, очень скромная для преподавателя университета. Оказывается, та еще, которую Слава в молодости получил, будучи офицером.

«От чего я ушла много лет назад, к тому и вернулась? А где доцентских двадцать метров для занятий наукой, которые обязан иметь каждый кандидат?» – грустно подумала Лена. Ей не терпится услышать разъяснение и поделиться своими соображениями, но она вовремя спохватывается, вспомнив, что хозяин квартиры не на заводе, а в вузе проработал всю свою жизнь. Слава, словно читая Ленины мысли, сказал:

– Ты же знаешь, наши преподаватели успевают детей вырастить в студенческих общежитиях и только к пенсии добиваются жилья, да еще с каким трудом, с боем, с унижениями. Часто с пробуксовками. Моя семья элитной считалась. На двадцати восьми квадратных метрах вчетвером «барствовали». Это на четыре метра больше нормы, поэтому и не ставили нас в очередь на расширение. Но нам никогда не было тесно в двух комнатах. Не это ведь главное.

По тому, какие маломощные лампочки были в скромных люстрах, в которых изысканный художник «не венчал бронзу с хрусталем», и как мгновенно выключался хозяйкой свет по мере перехода из комнат на кухню, Лена чувствует уровень достатка семьи: пенсия Киры, Славины преподавательские крохи. В комнатах ничего лишнего, дешевенькие, жиденькие советского или китайского производства люстры у потолка, оконные шторы и покрывала на кроватях изношенные, но чистенькие. На полу линолеум, начисто утративший свой рисунок. Мебель, выдавшая виды, без всяких стилей, но подобрана по тону и не лишена скромного изящества. Вот сильно просиженное кресло. Человек произвольно занимает в нем позу, от него не зависящую. Лена вспомнила его резные подлокотники. Обивку, видно, Слава сам перетянул. Ряды книжных полок начинаются вдоль всей длинной стены зала и уходят в потолок. Она прошлась вдоль строя книг. Осторожно касаясь корешков тех, до которых могла дотянуться, прочитывала названия, улыбалась, встречая знакомые. Незнакомые книги пролистывала и бережно ставила на место.

Не обновляли ее друзья интерьер квартиры с момента рождения сына. В квартире капитального ремонта, наверное, никогда не было: все многократно подкрашивалось, подклеивалось, подновлялось. Аккуратный, симпатичный, малопритязательный быт. Изобретательно прикрытая бедность.

Лене нравится надежная правильность и обыкновенность дома друзей с успокоительным простодушием простоты и теплоты. И все же во всей этой скромности виделась ей достаточно скудная жизнь семьи, все свободное время уделявшей воспитанию детей и внуков, сберегавшей и рассчитывавшей каждую копейку. «Да, богатенький дядюшка наследства им не оставлял. Ни картин в глубоких золоченых рамах, ни высоких потолков с лепниной в стиле «ампир». И о машине они, наверное, никогда не мечтали. Но Кира удачливей других: семейную жизнь начала в собственной квартире, а многие сокурсники, оставшиеся в городе своего студенчества, годами копили на кооператив и теснились в квартирах вместе с родителями, выделившими им – в лучшем случае – отдельную комнатку», – подумала Лена. Слава опять отвечает на ее задумчивый взгляд:

– Были ли мы счастливы? Думаю, да. Конечно, и мы поначалу не избежали тихой войны взаимных претензий. Притерлись и не заметили, как пролетели сорок с лишним лет в заботах, хлопотах, обязанностях. Надеюсь, судьба окажется столь милосердной, что позволит нам идти рядом до конца жизни.

Развлечения? Иногда вырывались в гости, в театр один-два раза в год – и это уже счастье, а о последних десяти годах и говорить не приходится. Участок взяли, домик в саду несколько лет строим. Тяжело, возраст уже не тот, но мы не ноем. Одолеем проблемы перестроечного и послеперестроечного периода.

Голос Славы звучал, как и прежде, покровительственно, но несколько мягче, чем в былые годы.

Лена улыбку:

– Возраст, говоришь? Что правда, то правда. С годами мы накапливаем только ошибки да болезни. Я как-то в профкоме встретила женщину-ветерана, вахтером у нас в студенческом общежитии работает. Фраза ее мне в память врезалась: «Да какие мои годы! Восемьдесят семь вот весной исполнилось». Я тогда удивилась и порадовалась за нее: «Ну, дает бабуся – годы свои не чувствует! Видно, долго еще жить собирается. Молодец!»

– Вот в ком корни нашего оптимизма! – весело, но как-то задумчиво предложил Слава. – Хотел бы остаться с вами, только дела зовут, – добавил он твердо, будто ободряя себя, настраивая на рабочий лад.

– Лена, отдохни с дороги, я Славу на работу провожу, а тогда уж вдоволь наговоримся с тобой, – предлагает Кира.

Она опять нырнула в кухню, и Лена вновь остановилась у святой святых любого интеллигентного человека – книжных полок. Водя пальцем по истертым корешкам, провела их дотошный осмотр. На стук оглянулась. Слава застегивал скромную куртку. Он поймал Ленин взгляд и усмехнулся про себя: «Дубленка и пыжиковая шапка мне не по чину, как лейтенанту серая генеральская папаха».

Лена прилегла на продавленный диван, с наслаждением расправила спину, испытав при этом «варварское» блаженство; потом прикрыла глаза, радуясь постепенно окутывавшей ее приятной беззаботности. Она окуналась в состояние благодатного покоя, контакты с внешним миром прерывались. Лена еще пыталась расставить свои заботы по степени важности, но уже задремывала, расслабленно запрокинув голову. Сквозь легкий сон ей еще было слышно, как в притихшей квартире оглушительно тикают старые часы. Она еще успела подумать: «не электронные» и окончательно отключилась.

Встреча подруг

А тем временем Кира села за телефон обзванивать однокурсниц – обычная предпраздничная селекторная связь. Ей пришлось как следует потрудиться и даже употребить запретные фразы, что-то типа: «Ты очень меня обидишь, если...», зато уже через час и так тесный коридор стал еще теснее.

Первыми пришли тихая, скромная, по-прежнему худенькая сероглазая Аня, всю жизнь проработавшая учительницей, и энергичная Инна. Когда Лена обняла Инну, у обеих на глазах появились слезы. «Сдается мне, Инна ей стократ ближе меня. Общие беды примиряют и сближают их крепче любых радостей», – ревниво подумала Кира, но промолчала.

Тут же снова тренькнул звонок, зашуршала дверь и шумной гурьбой ввалились двумя тройками Алла, Лера, Эмма и Лиля, Рита, Жанна – все безоговорочно узнаваемы. В передней еще толпилось шесть женщин, когда пришла Галя, яркая стройная блондинка, со своей черноглазой, высокой, крепкого сложения, говорливой подругой Милой (подпольная студенческая кличка «коломенская верста», или «дылда»). «Нас полный комплект: шестеро домашних и столько же бывших детдомовских девчонок», – с улыбкой подумала Кира.

Нежно облапив Аню, Мила кружила ее, насколько позволяла кубатура зала. Потом ринулась мять и тискать Киру. Они смеялись, любуясь друг другом, восхищенно качая головами, и вновь бросались обниматься крепко и бурно. И остальные с удовольствием накинулись друг на друга.

Очередь дошла до Лены. И ее Мила сгребла в охапку. Та, постанывая, пыталась высвободиться из объятий без помощи Киры. Еле «отбилась». Шум, гам, радостные слезы, взаимные вопросы и ответы, удивление переменами, которые нашли друг в друге или их отсутствием. И так все со всеми – по кругу. Говорили все разом и с радостным интересом. Одна за одной накачивали волны неудержимого смеха, приводя женщин в совершенное изнеможение. От смеха уже сводило скулы, но они не рассаживались по местам, а стояли, сгруппировавшись, тут же.

Переполненные эмоциями женщины наконец вспомнили о принесенных с собой сумках. Они оккупировали кухню, выложили деликатесы и вновь ринулись в зал. Шелест альбомов, восторженные возгласы, радостно-счастливые рассказы о внуках... Все говорили одновременно, не слушая, перебивая друг друга, и снова разражались безудержным смехом. Голова у Лены пошла кругом.

Легкая, радостная атмосфера встречи располагала к откровенности, раскрывала в подругах глубоко интимное. Женщины смеялись над безнадежностью своих жизненных ситуаций, одобряя или критикуя свои рискованные шаги и хваля удачные действия друзей. Вспоминали смешные несуразности своей жизни. Разговоры возникали сами собой, непринужденно, перетекая от одной темы к другой. Отовсюду слышалось: «Не томи, рассказывай. Ах, сгораю от любопытства». «Положительно уже то, что мы встретились». «Распахнулись пред нами двери взрослой жизни, но мы не растерялись... Не представляли, кто кем станет». «Ой, разбередила я душу! Девчонки, вообразите...» «И ты посмела усомниться! Десять годков отпахала и опять в ярмо на пять лет запряглась! Знай я, что он...», «Наши ребята были что надо!», «Общага – наш остров свободы».

«Теперь наступило время растерянных мужчин и уверенных деловых женщин». «Как прекрасны были наши тогдашние чудачества! Какие мы были молодые и наивные. Счастливое было время! Давно закончился наш розово-голубой период жизни – студенчество, а до сих пор как греет! Где она – наша юность – обетованная страна давно утраченного восторга?»

«Помните «пирожки с котятами» – с ливером? А любимые присказки: «А главное – дешево». «Обидно, досадно, но ладно». «Держи хвост пистолетом, прорвемся! Где наша не пропадала?» «Мягко говоря, грубо выражаясь». «Мне в высшей степени безразлично». Мы, конечно, иногда можем ругать то время, но оно было прекрасно!»...

«Ей шестьдесят? – А семьдесят не хочешь?» «Ты опять в фаворе! И ее это не покорило?» «А помните наши первые вычислительные машины «Минск-1022» и «ЕС-1060» – огромные, громоздкие, как шкафы?»

Потом возгласы поутихли, воспоминания стали конкретнее.

– Помните плакат на душевой «Оставь одежду, всяк сюда входящий» и как Вадька перед Новым годом перевесил его на дверь комнаты, где жил молодой стеснительный аспирант? Нам было жалко скромнягу, но Вадька только за сто рублей соглашался водрузить его обратно. Вы вслушайтесь – за сто рублей! Мы таких денег отродясь не видели. Я уж и не припомню, на каком это курсе было. Знаю лишь, что быстро промотал Вадик летний заработок, стипендию и очень нуждался. А тут еще жена его на две недели раньше обещанного приехала. Погибал парень... А группа поддержки аспиранта орала, настаивая на немедленной сатисфакции за попытку выставить на посмешище. Тщетно было их старание помочь, только усугубляли положение аспиранта, вводя в число зрителей всё больше студентов. Хохоту было на все общежитие. Водилась у нас такая студенческая забава. А напоследок, так сказать, под занавес... – рассказывала Жанна, Инна перебивала:

– У Вадима в карманах всегда были огромные дыры, протертые немереными долгами.

– В долгах, как в шелках, точнее, как в репьях, был. Вечно перехватывал трешки. Девчонки себе такого не позволяли, – это Лиля припомнила.

Каждую историю сопровождали взрывы неумеренного веселья.

«Все мы вышли в люди, все мы сумели открыть вожделенные двери вузов». «Я не рискнула пойти в МГУ, где все студенты, как мне тогда казалось, – небожители. Страхи осаждали. Не хватило героического темперамента. То слезами давилась, то выходила из себя, земля уплывала из-под ног». «Ах, наше прекрасное, донельзя перенаселенное общежитие, где в комнатах, рассчитанных на шесть человек, жило по пять «зайцев».

– Ой, я припев к нашей шуточной песне вспомнила: «У меня для этой самой, этой самой, самой штуки есть своя законная жена». Ни разу за все годы разлуки не приходил он на ум, а тут вдруг всплыл. Сегодня именно ощущение себя в том времени пробудило во мне эти незамысловатые слова», – это Жанна сказала. А эту помнишь: «Вот получим диплом, об даб дубá!..» А эту: «О чем не говорят, о чем не учат в школе». «Содержательная была эпоха». «Ха! Легко жилось, когда сверху на все случаи жизни спускались рекомендации».

– ...Михаил Викторович? Гад! Не к ночи будь помянут. А я сдуру поначалу ринулась защищать его от него самого. В новинку были его «отклонения».

– Ой, наш милый куратор! – вскрикнула Мила. – Я думаю, вспомнив себя на первом курсе, многие из нас могли бы сказать себе: «Что из меня получилось бы, если бы не Григорий Евгеньевич?» Признаться, я обожала его. Буквально цепенела от волшебной музыки его слов. Сердце начинало стучать в два раза быстрее. Хотелось просто так, совершенно от балды, говорить стихами. До сих пор не забыла его неповторимый тембр голоса и аккуратно уложенные природой волны кудрявых волос. Прямой, элегантный, исполненный королевского достоинства!

– Да ты прямо-таки обмирала по нем, – рассмеялась Инна.

– Все мы помаленьку выросли. Помните, как он говаривал, бывало, в шутку двоичником: «Чтоб вы так жили, как учитесь!»

Лена выделила голос Эммы:

– ...Долго еще молча боялись возможности новой войны. Мысль была слишком страшная, чтобы облечь ее в слова... В войну наш любимый город фрицы разбомбили-раскатали до асфальта. Когда мы учились, много еще развалин с незрячими проемами выбитых окон оставалось на окраинах. И в центре города среди хилых кустов и сорняков высились горы битого, опаленного огнем кирпича. А сейчас, смотри-ка, цветет! Современные дома скрывают блеклый советский монохром панельных многоэтажек. А мы в них были бесконечно счастливы. Вызы-

вающее великолепие церковей довершает ансамбли новостроек... Этот город – моя судьба... Но я бы не хотела вернуться в старый социализм... Ну, если только в новый...

Теперь голос Ани умудрился возвыситься над общей какофонией. Она как всегда частит: – За вычетом всякой идеологии – я ее выношу за скобки – нас хорошо учили в вузе. Какое воспитание без идеалов – наших путеводных звезд? Материальный стимул – недостаточная мотивация... Я не ярая поклонница соцстроя, но школа в наше время была прекрасная. Когда мы запустили первый спутник, американский президент заставил своих специалистов перевести на английский язык все наши школьные и вузовские учебники по математике и физике... У нас и в школе уважение к ребенку было. Бывало, провинюсь, а классный руководитель мне говорит: «Ты хорошая девочка, но сейчас ты совершила плохой поступок. Подумай, почему?» И мне до слез становилось стыдно за свою несдержанность. И к учителям уважение тогда еще не совсем угасло. И они, хотя, конечно, зарплаты всегда оставляли желать лучшего, максимально выкладывались сами и в нас открывали какие-то скрытые возможности и неведомые резервы памяти, вытаскивали из души что-то хорошее в нас, глубоко запрятанное, стремились развить не только таланты, но и сердца. Школа учила проявлять себя, осваивать практические вещи, к реальной жизни готовила, а теперь новому поколению навязали ЕГЭ, как Хрущев кукурузу. К чему детей приобщаем? Все на Запад оглядываемся, будто сами без мозгов. Обидно... Обманчивая штука жизнь. Давай назад, в джунгли? Я не претендую на абсолютную историческую правду о нашем времени, но сам факт обращения к этой теме...

Кира предпринимает отчаянные попытки прервать ее. Куда там! «Не замолчит Аня, пока не иссякнет», – усмехается она.

Лена опять успеваает выхватывать только отдельные моменты рассказов подруг.

«Ты тут сослалась на Сёмку. Списалась с ним или созвонилась? Где он теперь? – Это Жанна осторожно окликает Киру. – В самом деле? У меня закралось сомнение: ты не производишь меня? Мои слова оказались пророческими? Не любил он меня за то, что видела его насквозь. Больше таких фокусов не выкидывал. Ошибка является ошибкой, если нет возможности ее исправить... Мы с тобой спорим о разном? Странные ты говоришь вещи». «Иногда возникает ощущение понимания мистического зла. Мне до сих пор жутко от того, что я оказалась права, поняв, будто что-то водило его рукой и что писал он мне о своей собственной смерти. Я живу с этой болью. Всем известна чрезмерная изломанность и хрупкость его души». «...Талантов нашему курсу не занимать».

«Несравненный, блистательный Игорек. Не без удовольствия о нем думаю, – Лиля рассмеялась, откинув голову, наслаждаясь воспоминаниями. – Врал роскошно, гениально! Любил прикидываться простачком... Как-то встретила. Шел легкий, чуть седоватый, роскошный! По какому спешному делу покинул страну и вылетел в Израиль? Как вариант мог бы выбрать и Китай. Он везде к месту». «...Помнишь нашу импровизированную выставку веселых рисунков? На втором курсе это было. А гран-при все-таки получил рисунок «Первая любовь», где мальчик дергает девочку за косичку. Он дышал такой искренней, трогательной любовью к памяти детских лет!»

«Не нашли мы с ним консенсуса. Не устраивал меня такой расклад. Думаешь, оказалась не слишком памятьливой?». «Правильно, что развелась. Будь он неладен! Боялась, что все начнет по новой. Избавилась от лишних терзаний. Разрулила ситуацию. Иначе ничего бы не добились. Истратила бы себя на страдания и ревность. А он мне: «А за грех свой, милая моя, я перед Господом отвечу». Да и бог с ним». «Этот развод в наших кругах вызвал эффект разорвавшейся бомбы. А где теперь твой первый отвергнутый воздыхатель?». «Я спрошу то, что тебе не понравится. Вся жизнь, затянув пояс, жила?» «Знаешь, какого крюку я дала, чтобы к вам заехать?!» «Что сказала? А что подразумевала? Как ты понимаешь, это не одно и то же...»

– Косырева помнишь? Ну разве он не чудо?! – Это Рита спросила Жанну. – Как читал информатику! Кандидат наук, докторскую диссертацию писал. А когда заведующий пришел

к нему на лекцию, растерялся, как студент-первокурсник. Все удивились, только не я, потому что сразу поняла: он из наших, бывших... Для нас с раннего детства начальник – это страх, это человек, выше которого только Бог. Напрямую спросила его после лекции, «тэт а тэт»: «Вы детдомовский?» Он не ответил. «Я тоже», – сказала я и добавила: «Детдомовский комплекс незащищенности остается в нас на всю жизнь. Я пытаюсь с ним бороться, иначе он может завести слишком далеко. Этой зимой печальный случай со мной произошел. Вызвал меня к доске преподаватель по термодинамике. Стою, спокойно решаю. Вдруг заведующий кафедрой заходит. И у меня все поплыло перед глазами. Как сквозь туман слышу: с мест все мне что-то подсказывают, переживают... А после урока подходит ко мне начальник и давай выговаривать. А у меня слезы ручьями, задыхаюсь от обиды на себя, за то, что не могу объяснить ему, что только несколько минут назад на перемене объясняла подруге более трудные задачи, что лучшая в группе, что просто при его появлении не успела настроиться, взять себя в руки... что у меня детдомовский комплекс... А в сессию, увидев в ведомости против моей фамилии пятерку по курсовой, он заставил комиссию снизить мне отметку». Косырев понимающе закивал и грустно заметил: «Люди часто недопонимают друг друга из-за недостатка информации. Главное, чтобы они хотели понимать...» После сессии мы подружились, и прежняя щепетильность между нами стала неуместной.

«В войну назвать ребенка Адольфом! Очень меня раздражало его имя». «... Ты бы хохотала, расскажи я тебе, чем я там занималась. Все, что там могла почерпнуть, для меня было слишком мизерно, вот я и сбежала, не отработав срок, и не оплошала. Говорят, дорога начинается с первого самостоятельного шага».

Из всего многообразия возгласов Лена поняла только то, что подруги приезжали на встречу уже не по первому разу, хоть и вразнобой, а она и Жанна составляют исключение.

Теперь Лерин голос прорезался сквозь всеобщий шум и гам. Она встряхивает копной черных с красивой проседью волос и напоминает:

– Время от времени колючие мысли буравили нам мозги, и мы опрометчиво бунтовали против гуманитарных наук: истории, обществоведения, политэкономии, несогласные в них со многим. У нас было гораздо больше вопросов, чем ответов. Но как-то исхитрились получать по ним зачеты, сдавать экзамены, чтобы получить стипендию.

Позже началось тотальное увлечение художественной литературой: сначала почтенной классикой, потом ринулись читать Ахматову, Евтушенко, Вознесенского. Тогда талантливые поэты, как опята, произрастали по всей стране. Между нами возникало соперничество на почве знания поэзии, а книг было не достать. Не сразу, но научились мы выискивать и в прозе блески юмора, ценить живой могучий русский язык».

«Ты у нас всегда была по уши в Лермонтове». «У каждого были свои вершины, которых стремились достичь. Не могли не думать о высоком. Наживать и хапать не умели и не хотели, жертвовали личной выгодой ради общей пользы... Скоро наши внуки будут говорить, что было время, когда люди верили честному слову. Растет вокруг нас стена людского равнодушия».

«Помнишь черные сатиновые трусы до колен – символ нашей нищей детдомовской жизни? А дразнилку «бесштанное детство»? А самодельные, выдраенные до грозного сияния накладные бляхи на ремнях наших мальчишек? А как Петька напоролся на «невьтраленную» мину и мы с диким ревом кое-как отволокли его к медсестре... Все мы пришли во взрослую жизнь с приличным багажом грусти. Детство долго еще отбрасывало серые печальные тени, тревожа нас зеленой тоской минувших дней. Но со временем мы научились воспринимать не только горе, но и радости жизни. И все же даже наше короткое бедное детство – безвозвратно утраченное счастье». «Нам не помогали, как помогают теперь студентам-детдомовцам. Тогда почти все бедно жили». «Мы не строили феерических планов. Нам хватало молодого нахальства новоиспеченных инженеров». «А было нас в одной комнате, как у богатея клецок в супе. Ой, клецок захотелось! Лет пятьдесят их не ела».

– Ты не забыла нашего Сашку, способного генерировать умные идеи и веселые шутки в любом настроении? Но когда на него неожиданно напала вроде бы беспричинная депрессия, наш милый «вечный двигатель» сразу становился неубедительным, даже слабым, неуклюжие беспомощные слова теснились в его голове, не находя выхода, и он, не умея сдерживать слез, убежал. Потом окреп, оперился и – полетел ввысь». «А в студенческие годы спасало нас сало, которое присылала из деревни твоя мама. Бывало, умнешь с ним полную сковороду жареной картошки – и счастлива до потери пульса, – сооротив уморительную рожицу, сказала Лиля. – А помнишь, ты у Саши спросила, как он потратит свою первую зарплату? И что он ответил? «Целый месяц каждый день буду есть колбасы столько, сколько захочу, пока не наемся до отвала. А еще куплю огромный кусок копченого осетра, запах которого я все пять лет вдыхал в угловом гастрономе, не имея возможности купить и попробовать».

«Из деревни поступила в МГУ. Отчим не захотел помогать. Завидовал: его дочь техникум закончила. Она заболела с голодухи, читать не могла. Поняла, что на стипендию не проживет. Какая трагедия!»

«Вы были предоставлены сами себе, а я взаперти просидела все детство. Мать работала. Ни в Москве, ни в Ленинграде не удалось побывать. И в студенческие годы никуда не ездила. Наш стройотряд только в ближайшие колхозы посылали коровники строить. Это ты проводником всю страну исколесила». «Алла! Каким ветром к нам? – Подгадала. Дела у меня тут, потому и смогла оторваться».

«Наша любовь развивалась под джаз. Мы жили полной жизнью. Но наша искренность сейчас не востребована, она обескураживает, настораживает, удивляет молодых. По-прежнему не в наших правилах принижать высокое и потакать низменному».

Рита, смуглая, с четким выразительным восточным профилем, громко на всю комнату спросила у Лены:

– Лаевского не забыла? Он взял твою руку, торжественным жестом поднес к губам и поцеловал так, как целуют икону, свершившую наконец желанное долгожданное чудо. Это был акт уважения, преклонения перед твоими достоинствами. Мы смотрели, потрясенные, а у тебя от смущения – слезы из глаз. Стояла со счастливым ужасом на лице. Не привыкли мы к поклонению. Ты еще не потеряла способность заливаться огненно-красным румянцем?

Рита захохотала беспечно беспричинно и радостно, словно это невесть как смешно, будто она вернулась в детство. И Лилия ведет себя как ребенок, которого старшие мальчишки приняли во взрослую игру. И не только она... Ах, юность – время прекрасных иллюзий и быстрых решений. Жизненного опыта, надо признать, мы получили сполна, но приобрели ли житейскую мудрость?

События из жизни друзей проносились перед Леной подобно ярким бликам света от зеркального шара, висящего в актовом зале школы, где у нее недавно была встреча со старшеклассниками. Голова ее пошла кругом. Шум за столом опять нарушил ее минутное очарование.

– Олежка-мотылек? Мечется, мечется, бывало, словно яркая бабочка вокруг свечи. Всегда боялся обмельчания, рутины семейной идиллии, бежал от них как от чумы. А сам, того не понимая, суетился. Жил сентиментально, трогательно, но как-то раздвоенно, будто все время находился на полпути между мамой и будущей женой. Я думаю, что именно ее постоянный шантаж лишал его возможности создать семью.

Должна вам признаться, я боялась, что эмоциональная нестабильность на почве любви к сыну приведет его маму – не дай бог – к приступам шизофрении. Пронесло. Только видно устал Олежка от холостяцкой жизни. Очень поздно женился – после смерти мамы, – молодая королева-жена нянчит его самого и дочку. Он уже не ждал чуда. И вдруг счастье привалило неслыханное. Снизошел ангел с небес, воздал за терпение.

– А я полагала, что ничего Олегу не светит, что не захочет жена зависеть от его проблем и порвет с ним. В таком возрасте и душевно, и физически тяжело тратиться. В подобных

случаях ситуация часто выходит из-под контроля. Один неправильный ход может привести к поражению. Как в шахматах. И тогда с любовью будет покончено, возникнет яркое стремление к саморазрушению, его потянет на дно, в черную пустоту, появится предчувствие трагедии, начнет горстями глотать таблетки, его станет одолевать мысль: все, чего я хочу – это умереть... Но ему повезло.

– Раньше Олежке любви хотелось, теперь заботы. Все как положено...

– Все мы отличаемся друг от друга теми или иными странностями.

«Как живу? Хорошо! По мне не видно? Чего плакаться, если есть внуки и даже правнуки – становой хребет нации». «Женщины – вечный хребет нашей страны». «Ох и завралась ты, голубушка!» «А твой сынок по-прежнему целыми днями полощет руки в клавиатуре компьютера или поубавил пыл?»

«Наша жизнь, как качели – то взлетаем, то падаем, то визжим от радости, то замираем от страха». «Все врут политики. Мы видим только парадные мизансцены, а они – верхушка айсберга. Народ в России умнее и порядочнее власти, а живет в горькой несправедливости. Мой шеф шутил, бывало, что если в России чиновникам ничего не предпринимать, страна достигнет огромных успехов. Не надо мешать талантливым людям, они сами приноруются». «Глобализация набирает силу: одно едим, одинаково одеваемся. Помяните мое слово...» – «Не каркай».

«А как же быть с планетарным мышлением?» «Ему с бугра виднее». «Ну, ты молоток!» «Когда я долго смотрю телевизор, у меня начинается депрессия». «Внуки отгораживаются от нашего будто бы кошмарного взрослого мира». «Аферист, деляга, циник. – Это диагноз? – Шучу, шучу». «Мы, женщины, играем в жизни множество ролей, и все они для нас – главные». «Лена, не исчезай больше надолго». «Собратся всем вместе казалось нереальным». «Ой, девчонки, сколько всего хочется рассказать...»

Рассказы, как рукава реки, растекались то в одном, то в другом направлении, дробились на мелкие ручейки и опять сливались. В комнате творилась всеобщая веселая шумная суматоха. Смех так и рвался из женщин наружу. Забывая о своем возрасте, они хохотали до упаду, вскакивали и снова садились на освободившиеся места. Они не могли нарадоваться друг другу. Довольно долгий кавардак устроили давно не видевишиеся подруги. Такое творили, что у Лены от избытка информации и шума все в голове перемешалось.

«Сколько радости и доброй эмоциональной памяти в девчонках!» – думала она, с жадным любопытством вглядываясь в лица подруг юности и находя для каждой пару теплых фраз. – Собираясь вместе, оглядываясь в прошлое, перебрасывая временные мостики между событиями, они как бы омолаживают себя, взбадривают».

Лена почему-то ожидала увидеть отяжелевшие фигуры, заплывшие жирком талии, и была приятно удивлена обратному – молоджавости подруг. И все же на каждом лице в большей или меньшей степени жизнь оставила свои следы – морщинки.

На всех женщинах были строгие неброские туалеты, по большей части брючные костюмы. «Упакованы со вкусом, будто от Армани. Принарядились. Здорово, ни одного лица, вызывающего раздражение. Все такие милые, доброжелательные, интеллигентные. А как я выгляжу на фоне остальных?» – обеспокоилась она.

«Как и в юности, девчонки на этих встречах отводят душу. Им так же нужно внимание и понимание подруг, им хочется выговориться, похвалиться, посекретничать», – думала Лена, радостно оглядывая окруживших ее женщин, которых она воспринимала не иначе, как все тех же девушек, покинутых ею сорок лет назад.

Наконец все угомонились и, удобно разместившись, принялись рассматривать друг у друга фотографии, изредка перебрасываясь отрывочными фразами типа: «А это кто? А сколько ему лет?». Кира отвела Лене самое «элитное» место – кресло.

– Ты читаешь мои мысли? Я, воспользовавшись правом «раненой», облюбовала это уютное местечко, чтобы иметь возможность хорошо видеть и слышать всех подруг, – сказала Лена, благодарно улыбнувшись Кире.

Хозяйка ушла священнодействовать на кухню, стараясь из скромных продуктов приготовить что-то из ряда вон выходящее, почти такое, как для застолья в старые добрые времена. От помощи она отказалась. Желала ли она блеснуть своими кулинарными способностями, которые всегда ценились в их компании, или просто хотела, чтобы гости сначала пообщались без нее, – это было неважно.

Внуки

Жанна на правах самого «далекого» и редкого гостя – она приехала из Владивостока – быстро овладела вниманием подруг.

– Здесь я с внучкой в зоопарке, – объясняла она, встряхивая светлыми кудрями, и передавала снимки по кругу. Ее серые глаза лучились счастьем. – Представляете, Юлечка кормила верблюдов сухариками и вдруг поняла, что один из них интересно проявляет себя: выпрашивая угощение, он не закрывает рот, пока не получит желаемое. И морда у него при этом такая умильная, улыбающаяся! И просьбы свои он сопровождал, радостно пританцовывая, исполняя грациозные движения. И это при его габаритах! Он был удивительно обаятельным, привлекательным и по манерам очень напоминал то мужчину-ловеласа, то балованного, ласкового ребенка. В считанные минуты талантливый верблюд стал «звездой» зоопарка. Из всех закоулков парка сбегались зрители, кормили любимца, снимали на фото и видео. Внучка была в восторге и все просила: «Давай еще сфоткаемся с ним, бабушка!» Это у них в детском саду так выражаются. Современный сленг с пеленок впитывают. Я взяла за правило редактировать ее речь, отучаю от излишнего засорения.

Так вот, я не помню, когда так искренне до слез смеялась. Я в этом зоопарке будто на десять лет помолодела. Потом еще много дней, вновь и вновь вспоминая милую просительную мордашку прекрасного животного, я по-детски переживала эту восхитительную историю и снова смеялась. Теплая волна проходила через сердце и радостно будоражила его, и я чувствовала себя удивительно счастливой.

А на этой фотографии мы с Юлечкой в выставочном зале нашего центра искусств. Один мой знакомый художник поинтересовался у нее впечатлением от своих картин. На что получил мгновенный четкий ответ: «Вот эта понравилась. Видите – гитара перевернута, все разбросано. Разгром, но на пятерку! Еще есть у вас одна очень хорошая картина. Вон та. Тут все намешано, течет разными красками. В моем стиле рисуете!»

Внучка тогда начала ходить в художественную школу и с удовольствием выступила в роли эксперта. Художник отошел растерянный, так и не поняв: радоваться или огорчаться ему такой категоричной оценке его произведений ребенком. Я заверила знакомого, что внучка в восторге, иначе ее «рецензия» не была бы столь эмоциональной и в то же время краткой.

Я замечая, что у Юли бывают моменты вдохновения, тогда она говорит легко, радостно и восторженно. Слова, не задумываясь, употребляет умные, обороты яркие, образные и к месту. И, похоже, в эти минуты она сама себе нравится. Жаль, если эта способность не останется в ней, отомрет во время обучения в школе, как многое другое хорошее, что я замечала в своих детях. Тогда у меня не хватало времени на их воспитание, но теперь я пытаюсь «отыгаться» на внучке. Мы часто беседуем. Однажды спросила у нее:

«Как у тебя возникают мысли?»

Она ответила просто, будто говорила о чем-то обыденном, например, о своих куклах. А может, у нее у самой возникал этот вопрос, и она для себя его уже проанализировала. Передаю дословно: «Понимаешь, бабушка, иногда они идут по короткому пути: мозги – рот. В другой раз мысли долго по голове блуждают и застревают то в одном месте, то в другом и никак не

выходят. Как по спиральке крутятся и крутятся. А веселые, радостные мысли и шутки сами выскакивают с красивыми и даже иногда с умными словами».

Нет, девчата, вы представляете – в восемь лет она уже понимала прелесть случайно вырвавшегося яркого словца. А теперь ей десять, и она уже намеренно вбирает в себя новые компьютерные словечки, жесты, повадки друзей, выпрашивает, учится, познает. Понимает, что все это может ей пригодиться в спорах с много воображающими мальчишками. Ей хочется быть на уровне.

И в то же время она еще такая маленькая. Идем мы как-то с ней мимо строящегося дома, ну я и брякнула от фонаря, мол, подрастешь, может, в этом доме жить будешь. А она чуть ли не в слезы: «Не хочу никуда от мамочки уходить». А что она «запоеет» через десять лет?

Нравится мне, что внучка незакомплексованная и в карман за словом не лезет. Вот, на первое сентября я говорю ей как можно патетичнее:

«Сегодня у тебя праздник нового учебного года! (Второй класс)».

Она в ответ тут же парирует:

«Нет, бабушка, сегодня похороны лета».

Так вот, дорогие. Хоть стой, хоть падай. А недавно, сидя у меня в гостях, она в рекламном журнале «Эльдорадо» внимательно изучала страничку с мобильными сотовыми телефонами и увидела новинку за восемнадцать тысяч рублей. Вскочила и воскликнула:

«Ни фига себе!»

Потом после паузы произнесла задумчиво:

«Можно даже сказать: «Ни хрена себе!»

Зять мой, ее отец, расхохотался:

«Смотрите, мама, Юля поняла, что так круче звучит.»

Внучка в смущении подбежала ко мне и шепчет на ухо:

«Ба, я грубое слово сказала. Прости. Но оно сюда так подходило!»

Меня это слово не обожгло, не рассердило и даже не раздосадовало. Оно на самом деле было к месту. Пришлось простить, даже взять внучку под свою защиту, потому что ее мама – моя дочка – возмутилась, даже занесла руку для шлепка по попе. Я сказала ей: «Хватит бодаться, не ищи проблем там, где их нет. Ну, позволил себе ребенок секунду «неизысканного» удовольствия, и что? Не уничтожать же на корню росточки зарождающегося у нее чувства юмора?»

Моя дочка недолюбливает шуточки своего мужа. Они ее уже тем задевают, что всегда направлены на жен и тещ. Нет, чтобы хоть иногда в свой адрес проехаться. Слабовато у него с самоиронией, самолюбие свое оберегает.

Почему-то вспомнила сейчас дочкино детство, ее заметки в школьной стенгазете, наполненные газетных фраз, она тогда третьеклассницей была. Надо же было такое придумать – в девять лет дети к политинформациям готовились по передовичкам газеты «Правда»! Маленькие дети и в нашем, и в их поколении одинаковые. Взрослые изменяют детей согласно окружающей действительности.

Юлечка похожа на отца, но я радуюсь, замечая, что в жестах и мимике внучки проглядывают какие-то черты бабушки и дедушки. Значит, тянется наша ниточка, не обрывается, передаются в следующие поколения наша кровь и неплохие гены.

Лена встретилась глазами с Аллой. Она напротив сидит. У нее, как и прежде, ясный взгляд с тем выражением спокойной уверенности и безмятежной тишины, который манит к себе, незаметно втягивая в сферу своего влияния, подчиняет себе силой любви и уважения. Она совсем не изменилась: все так же курносый носик задорно смотрит на полярную звезду, та же пушистая светлая челка над смоляными тонкими бровями, пухлый улыбчивый рот. «Интересно, повезло ли ей с мужем? – думает Лена. – Хотелось бы. Прелесть, какая была девчонка. Почему она молчит?»

Лера – черноглазая жгучая брюнетка, в юности шустрая, горячая и впечатлительная, – услышав рассказ Жанны, залиvisto рассмеялась:

– Мой внучок Гена в шесть лет также грубовато выразился, когда конфету ел: «Вкусная, обалдеть можно!» А отец ему подыграл: «Хорошо, что не офигеть». Так сынок ему тут же фитиля вставил. «Главное, говорит, чтобы не охренеть». У меня глаза на лоб полезли. Пришлось, когда Гена уснул, мужу лекцию прочитать о культуре речи. Наверное, на даче нахватался Геночка от него грубых словечек. Там у наших соседей просторечье в чести. А как-то зашел Гена со мной в булочную. Я увидела новую цену на хлеб и возмутилась: «Семьдесят два рубля за батон? Бандиты!» А внук серьезно, спокойно так поправил: «Не бандиты, а «ООО-Бандиты».

Жанна продолжила рассказ о своей внучке:

– Юля у нас девочка разумная, умеет трезво оценивать свое поведение и характер. Она ведь как говорит: «Я родилась под созвездием послушания и непослушания. Иногда бываю на планете радости. У меня живот болит от скуки, когда одежда не нравится, когда много работы на кухне или если со мной долго и строго разговаривают».

У моей внучки плохой аппетит, и она сама ищет способы, как его улучшить. Как-то заявила матери: «Еда и телевидение для меня взаимосвязаны. Когда кушаю, я должна эмоционально восхищаться, тогда не замечу, что ем. Это особенно важно, когда ты заставляешь меня есть творог и яйца». Я дословно привожу вам ее фразы, потому что по возможности записываю их. Вот за последнюю неделю собрала: «Ой, сейчас со страху приобрету вечную жизнь!» «Бабушка, эта твоя блузка времен Очакова и покорения Крыма?» «Народу в парке – толпа! Как молекул в твердом теле». «Дядя Саша быстро печатает на компьютере, потому что сердцем чувствует клавиатуру?» «А в раю снег бывает?». «Юля, мы только вдвоем в квартире», – говорю я внучке. «Да, тараканов у нас нет, компанию не составят», – весело поддакнула она.

К своим недостаткам она относится с юмором. Как-то при встрече со мной говорит: «Гляжу, что-то в карманах у меня полный порядок. Поняла – не моя куртка, побежала в класс и обменяла».

Недавно прибегает из школы и кричит: «Бабушка, отгадай загадку. Кто лучший киллер на любовном фронте?» Я от смеха чуть мимо стула не села. Какая неожиданная комбинация, да еще из уст ребенка. Хитрюга – говорит, а сама на мою реакцию смотрит: не переступила ли она границу воспитанности?

Нет, вы представляете, на свой день рождения не платье, не игрушки или конфеты, как мечтали мы в своем детстве, а скоростной Интернет заказала, мол, «мой устарел, он крайне несовершенный». А когда она разговаривает с мамой, я их совершенно не понимаю – они для меня будто инопланетяне.

А как-то малышка задумчиво и грустно сказала: «Всем надо, чтобы всё было правильно и умно. А так иногда хочется сказать какую-нибудь глупость, сделать что-то совершенно ерундовое, не из разряда учебно-обязательного, что-то по-настоящему детское!» Я чуть не прослезилась. Рано начинают уставать наши внуки от сложности жизни. Мыслимое ли дело, чтобы и школа, и кружки, и балетный класс.

– Все мы уже стали для наших внуков частью мира прошлого, – вздохнув, поддакнула Лера.

«В связи с перестройкой предприятие, на котором работала Лера ведущим инженером, «испустило дух», и ей пришлось уйти на пенсию. Чувствуя в себе еще достаточно сил и знаний, она тяжело переживала сокращение и неудачные попытки хоть куда-нибудь устроиться по специальности. Поначалу ей пришлось довольствоваться местом вахтера, это уж потом она репетиторством занялась», – тихо сообщила Лене Инна.

И Лену мгновенно охватила щемящая грусть. Дома, в суете будней, она не задумывалась о своем будущем. А тут все как-то сразу четко высветилось: и возраст, и все пережитое

и, может быть, даже скорый... И проклюнулось в ней совсем новое, не свойственное ей чувство – отчуждение что ли. И, чтобы погасить это неприятно кольнувшее ощущение, она натянуто-весело поддержала слова Леры:

– Вот и мой внучок, узнав, что я школу заканчивала при керосиновой лампе, а телефон впервые «вживую» увидела только в университете – и это при том, что уже в космосе полетал Юрий Гагарин, – сказал удивленно-солидно: «Да ты родилась в эпоху динозавров!»

– А мой младший внучок Мишенька уже в пять лет со всякой бытовой аппаратурой был на «ты», – говорит Галя, яркая крашенная блондинка, – запросто включал телевизор, ставил себе лазерные диски с мультфильмами. Если где-то происходил сбой, спокойно нажимал на кнопки, искал причину неудачи, добивался качественного изображения, регулировал звук, переключался с английского языка на русский.

В семь лет он получил в подарок «навороченный» мобильный телефон. Деду некогда было заняться изучением инструкции, так он, паршивец, сам разобрался во всех функциях аппарата, сменил заставку, сфотографировав свой пупок, и с хитрой мордочкой положил мобильник на дедов стол. А потом долго «обстреливал» дедушку СМС-ками.

Я поражаюсь и восхищаюсь уровнем развития современной техники и технологий, с трудом осваиваю новинки, а для него все эти современные бытовые изыски – необходимые мелочи жизни. Пара-тройка секунд – и он с экрана компьютера получает полную информацию обо всех событиях, происходящих в семье наших, казалось, раньше недосыгаемых родственников, видит их лица, слушает их голоса. Иногда рядом с ним я себя «чайником» чувствую и ощущаю потребность «подкачать» свой мозг и язык, читая книги по информатике, чтобы быть вровень с внуком.

А теперь он еще обменивается адресами с детьми чуть ли не из всех стран мира. С изобретением Интернета произошла тотальная девальвация усилий человека по преодолению пространства и времени. Я задаю себе вопрос – какие еще глобальные открытия века ожидают нас и в каких областях?

– А вырос ли человек интеллектуально, душевно, эмоционально? Оснащен-то он разнообразно, а по сути своей остался уязвимым, слабым, что особенно наглядно заметно в семье. Как бы в погоне за современными технологиями из наших детей не ушла душа. Вот чего я боюсь. Мало теперь читают дети. Как без художественной литературы формировать детские души? Человек определяется тем, что он читает. Одна надежда на наши с детьми душевительные беседы. Была наша страна самая читающая, а теперь стала самая торгующая, – вздохнула Аня. – Времени у детей не хватает на чтение. Слишком много у них соблазнов, которые невозможно исключить из жизни. Компьютеры и телевидение вытесняют книги. И к чему это может привести?

– Сдается мне, что люди страшатся того, чего не понимают. Не научных открытий бойся, а тупоумия и дебильной жестокости отдельных представителей человеческого вида, – хмыкнула Инна.

– Недавно у нас в семье появилась электронная книга. Мы все по очереди читаем в ней каждый свое и восхищаемся ее компактностью. Муж считает, что библиотеки скоро изживут себя, но я придерживаюсь другого мнения: бумажные книги обладают особой энергетикой, и поэтому электронные книги полностью не заменят их. Их начнут издавать меньшими тиражами, но все равно ими будут пользоваться параллельно, – весомо заявила Жанна.

– Мой муж до сих пор как великую святыню хранит проигрыватель и пластинки шестидесятых годов, хотя дом полон современной аппаратуры и музыки... В музее будем смотреть на книги. А богатые станут собирать их как редкий антиквариат, – выразила свое мнение Галя.

– Библиотеки никогда не исчезнут. На полках рядом с электронными книгами будут стоять «древние» бумажные фолианты, – возразила ей Алла. – С появлением телевидения говорили, что театры исчезнут, а их число только растет.

– А у нашего внука с юмором тоже все в порядке, – сказала Мила. – Помню, пришла к нам племянница и спрашивает Мишуню: «В темноте тебе страшно?» А он рассмеялся: «Страшно, когда конфеты кончаются». Он у нас такой сластена! У меня все внуки с юмором.

Подвижное лицо Милы светится счастьем. И ничего что при этом исчезают милые веснушки, придающие ей выражение искренней восторженности, когда она в спокойном настроении.

– Человечество выживает не за счет естественного отбора, а по причине гениальных изобретений, – солидно резюмирует Вадим, Милин старший внук, довольный словами своей восхищенной бабушки. – Моя старенькая прабабушка – ей девяносто шесть, и она в полном психическом здравии – часто наблюдает за моей работой на компьютере. И вот как-то говорит: «У меня все сильнее крепнет убеждение, что мои внуки общаются посредством какого-то тайного шифра, от которого мне забыли дать ключ. Не понимаю, на каком языке они разговаривают, а я ведь на трех языках свободно общалась со студентами и до сих пор многое помню».

Вадим перед занятиями заскочил к «дяде» Славе на два слова по поводу какой-то сложной задачи и «немного» задержался «на посиделках», хотя сказал, что на все про все у него всего полчаса.

– Я бы согласилась больше не писать статей и книг, только бы у меня появились внуки. Уже заждалась, – с грустью неожиданно поведала подругам тайну своего сердца Алла и опустила свои серые, огромные под выпуклыми очками глаза. Узенькие, покатые плечи ее при этих словах совсем поникли, спина неожиданно сгорбилась.

Все присутствующие на некоторое время тактично умолкли, погрузившись в рассмотрение фотографий, и их реплики в основном касались судеб еще оставшихся в живых родителей.

– А моя Элиночка, – опять не утерпела Галина, – в три годика сочинила первый рассказик. Пошли мы с ней в парк на прогулку. Погода была чудная, солнечная! И вдруг она заговорила так тихо и проникновенно: «Была зима. Под крышей дома выросли большие сосульки. Затем пришла весна! Сосульки сначала радостно заискрились на солнце, но вдруг заплакали. Им не хотелось расставаться с зимой? Они не желали превращаться в ручеек?» Потом стишки сама стала складывать. Когда я читаю ей любого поэта, она старается ему подражать. Мне две строфы запомнились, потому что Элиночка с восторгом распевала их целый день.

*«Наш веселый бегемот
Смехом надорвал живот.
А усатый таракан
Оседлал свой барабан.
Ну а муха, ну а муха
Села зайчику на ухо.
Лишь рогатая коза
Сердито жмет на тормоза».*

Один раз читала я ей книгу Мало «Без семьи» – я сама ее в детстве очень любила – и вдруг она меня останавливает, дает карандаш и просит: «Записывай, бабушка». Вышло у нее доброе, трогательное четверостишие.

*«В лужах блеклое небо.
В лужах лежат облака.
Детям дам много хлеба,
Много дам молока».*

– Школа Лермонтовых не воспитывает, – вступила в разговор Рита, до тех пор занятая изучением новой Славинной методички для студентов.

– Я читала, что современные дети в основном воспринимают интеллект матерей, – развернула разговор в другую сторону Эмма. – Беда в том, что отцы часто самоустраиваются от воспитания детей и тем лишают их нормального развития. Мама – режиссер, она лепит ребенка, а отец огранку делает. Мой сын уже в шесть лет интересовался устройством мироздания, открывал химические законы, а я, занятая каждодневными домашними делами, не имела возможности развивать его способности. Муж же занимался только собой, и увлечения сына прошли мимо него, как и, между прочим, многое, что связано с нашей семьей, с воспитанием детей.

– Возможно, вы упустили ребенка и потеряли большой талант, – грустно отреагировала Лера на слова Эммы.

Галя выслушала рассуждения подруг и продолжила рассказывать о своей внучке:

– А как-то Эля разыграла меня. Да так мастерски, что я поверила и разволновалась. Спрашиваю:

«Элик, откуда у тебя синяк на ножке?»

«С Максимом подралась, – отвечает. – Мы как начали боксировать, мутузить друг друга! Я его, он меня! Вот так: бац, бац. Здорово!»

«Чем он тебя ударил? – уточняю».

«Ногой», – отвечает.

«Больно было?»

«Нет, – успокоила меня малышка. – Ты знаешь, если рукой в подмышку ударить, это гол называется, если ногой – то два гола получаешь. А когда одновременно и рукой и ногой туда попадешь, сразу три гола засчитывается. Поняла?»

«А в лицо во время драки не бьете?» – озабочено спросила я.

«В глаза метим, если они в специальных очках. Прямо пальчиками тук-тук. Очки ударов не боятся, они же не стеклянные», – завершила меня внучка.

«Пластмасса, трескаясь, тоже осколки дает. Запомни, детка, в играх даже в шутку в лицо никогда нельзя бить. Ну, по рукам, ногам, в грудь – куда ни шло! Только не в голову!»

Элиночка настолько искренне и восторженно говорила, что я на полном серьезе стала уговаривать ее быть осторожней в играх с мальчиками. И тут она рассмеялась и сказала, что придумала себе бокс. Развела меня. Мы вместе хохотали над ее розыгрышем. Вы понимаете, она начала фантазировать, и ее как понесло! Может, у нее талант?

Я потом обняла ее и говорю: «Глядишь, еще писательницей станешь». А она мне серьезно так в ответ: «И книжки свои сама иллюстрировать буду». Уверенно сказала, потому что в художественной школе хвалят ее рисунки. В ее-то годы – в семь лет – я и слов таких не знала, а она уже понимает метафоры!

В голосе счастливой бабушки чувствовалась гордость за свое сокровище.

– Любит Эля свою учительницу? – спросила Лена.

– Как-то пришла из школы и говорит: «Если бы у меня был хвостик как у зайчика, я бы его поджала от страха перед своей учительницей». А ведь она в школе очень послушная. Чего боится? – недоуменно пожалала плечами Галина.

– Сейчас заметно упал школьный образовательный ценз. А все почему? Лучшие выпускники поступают в престижные вузы, а в педагогические отправляются те, кто шли по призванию и троечники. Кого могут выучить троечники? Себе подобных. Не думаю, что новая тенденция с ЕГЭ поправит положение дел в образовании. Из методологии обучения убрали главную суть – развитие мыслительной деятельности, а оставили одни приемы и приемчики. Вот о чем хотелось бы поговорить. Мы прекрасным учителям обязаны появлением жемчужин в нашей среде. Вот тебе, Галя, вопрос в лоб: «Ты веришь в ЕГЭ?» – Аню по-прежнему волновали школьные проблемы.

«Ох уж эти мне педагоги! Начали про Тарзана, кончили про барана», – пробурчала Инна. Жанна опять взяла слово.

– Пошли мы раз с Юлей в скверик на качелях покататься, а там девочка свое место не желает никому уступать и матерными словами всех отпугивает. Уже очередь из обиженных детей образовалась. Я беседу с ней затеяла. Не выдержала девочка нудной морали, соскочила с качелей и, подгоняя себя ругательствами, нырнула в беседку и уже оттуда продолжала сердито выкрикивать оскорбления в мой адрес. Я приблизилась к ней и попросила не выражаться грубо при пожилом человеке. А она мне в ответ: «Мои родители ругаются матом и мне разрешают. Я вырасту такой же, как они, потому что у меня такое окружение».

Сквозь напускную браваду этих слов крепко сбитой, красивой, но несдержанной девочки я почувствовала нежелание быть похожей на родителей.

– Каждое поколение должно быть чуточку умнее предыдущего, иначе не будет прогресса в развитии общества, – объясняю я ей спокойно и уверенно.

– Я пыталась учиться на пятерки, не получилось, – вдруг неожиданно горько сознается девочка.

– Ты думала, это просто? Не припомню, чтобы кому-то пятерки давались легко, – говорю я.

Юля подсказывает:

– Менделеев говорил, что успех – это один процент таланта, а остальные девяносто девять – сила воли и трудолюбие. Я в первом классе знаешь, сколько ошибок в тетрадках делала? Просто ужас!

– Я хочу быть хорошей, но родители учат меня другому: никому спуска не давать, и если надо – горло кому угодно перегрызть. Я буду такая, потому что все время с ними, – обреченно, но с явным вызовом сказала девочка.

Ее добрая душа еще пыталась восставать против жестокости и несправедливости.

– А ты поставь себе цель стать такой, какой хочешь, и не сходи с этого пути. Не сразу, но все равно получится. Я в свое время решила выбраться из деревни, получить высшее образование и добилась. Иногда так не хотелось учить уроки! Но я понимала, что не смогу уважать себя, если отступлюсь от мечты.

– Ничего у меня не получится! – прокричала девочка со слезами в голосе, сорвалась с лавочки и помчалась, не оглядываясь, домой.

– Бабушка, она из духа противоречия спорит, – успокаивала меня внучка, увидев мое огорчение. – О, какой у меня совсем недавно был дух противоречия! Как меня тянуло сказать поперек. Ну, прямо раздирало от желания возразить! Но ведь повзрослела и даже немного поумнела. Теперь грустно и стыдно вспоминать то, что было со мной.

Двое мальчиков откатали назначенное мной время. Подошла очередь Юли, а они не слезают с качелей. Я прошу того, который поменьше ростом, сойти.

– А почему я? – обиженно возражает он.

Я догадалась, что его, скорее всего, как невысокого и более слабого, ребята частенько «отодвигают в сторону» и он хотел, чтобы этого не делали взрослые, которым надлежит защищать справедливость.

– Мне показалось, ты более воспитанный и честный и хочешь, чтобы поступали по справедливости не только по отношению к тебе, – ответила я мальчику.

Не знаю, какие мысли закрутились у парнишки в голове, только он неохотно, но молча оставил качели.

Жанна замолчала, о чем-то задумавшись.

На диване Рита и Эмма шушукуются, делятся своими заботами. Лена прислушалась.

– Мне, прошедшей школу голода и холода, было непонятно, как это ребенок не хочет есть, и его кормят из позолоченной посуды, уговаривают, обещают подарки. «Что это за дурь? – думала я. – Оставьте ребенка без обеда и ужина, а на утро он сам без разговоров придет на завтрак».

– Недавно я наблюдала, как внучка гордится своими ухоженными ногтями. Она с таким восторгом о них рассказывала! А я слушала и не понимала ее радости. В ее возрасте – в двенадцать лет – я гордилась более серьезными вещами: умением решать сложные задачи, пониманием какой-то трудной проблемы, своей помощью кому-то, – говорила Эмма.

– ...Разная реакция была у детей по поводу глупого поведения подружки. Одна сочувственно кривила губы, мол, что же она себя позорит, но палец о палец не ударила, чтобы помочь Зине. «Какая глупая эта Зинка!» – читалось на лице другой. Третья исподтишка довольно ухмылялась. А сестренки-двойняшки подзадоривали Зину продолжать делать глупости и говорить пошлости. А моя Светочка потом дома плакала от того, что Зина не слушала ее осторожных попыток подсказать, выручить. Свете было обидно, что «за глаза» девчонки потешались над ее младшей подружкой, вместо того, чтобы помочь малышке понять ее неправильное поведение. Светочку теперь на аркане не затянешь в эту компанию.

– ...Вот я и говорю внучке, мол, у меня в детстве не было книг, обучающих рисованию. Как видела, так и рисовала. А Элиночка рассмеялась: «Это вроде того – как слышишь, так и пишешь?» А потом еще сказала: «Мне мальчишек труднее рисовать, потому что изображать их ниже моего достоинства!» Тут уж я расхохоталась. – Об этом уже Галя рассказывала Жанне.

– ...Как-то я решила прозондировать отношение внучки к возможности появления у нее братика. И она мне очень даже уверенно заявила: «Я не хочу ни братика, ни сестричку. Боюсь, буду завидовать. Конечно, белой завистью, но все же завидовать. А я не хочу быть завистливой». Я ей отвечала на это, что никогда не завидовала ни чужому богатству, ни красоте, и ты перебори себя. Но она твердо ответила, что хочет быть одной-единственной, чтобы все хорошее доставалось только ей. Пришлось проводить с ней долгую терпеливую беседу, – поделилась Рита.

– А моя внучка как-то говорит мне: «Бабушка, сегодня дедушка старается быть ласковым», – вступила в разговор Мила. – Надо же, увидела то, что не всякий взрослый заметит. Тогда я спрашиваю: «Отчего дедушка старается быть ласковым?» «Так ты же болеешь. Он жалеет тебя». И сказала это так, будто между прочим, обыденно. Поразила меня. А дед был в восторге от своей любимицы.

А как-то спрашиваю ее: «Хочешь поехать к другой бабушке или останешься у меня?» Молчит. Чувствую, хочет поехать, но боится этим меня обидеть. «Стратег ты мой милый», – подумала я с нежностью и отпустила ее в деревню. – Это Эмма, блондинка с усталым строгим лицом, рассказывала об одной из четырех внучек, воспитание которых почти полностью лежало на ее худеньких, но надежных плечах.

– Послушайте, какие «перлы» выдает моя старшая малышка. Ну, прямо хоть свою собственную книжку «От двух до десяти» создавай вдобавок к уже существующей «От двух до пяти».

Эмма достала из сумки аккуратно свернутый вчетверо листок из ученической тетради и стала читать.

1. Внучка в спортзале устала и пьет воду из бутылочки. Тренер шутит:

– Водочку попиваешь?

– Нет, – отвечает влет, – коньяк без начинки.

2. – Ася, мы с тобой одни в квартире?

– Да, тараканов еще не завели, компанию нам не составят, зато есть пауки в туалете за трубой. Но я их не вижу, поэтому не боюсь. А ты замкнула входную дверь?

– Не бойся, не сбегут наши пауки и тебя никто не украдет. Кому ты нужна?

– Ну, это как сказать! – раздумчиво протянула внучка.

Очень ее удивила и озадачила моя шутливая фраза об ее ненужности. Наверное, она впервые задумалась над этим вопросом.

3. Бабушка, что-то ты сегодня экономная больно, даже шоколадную медальку мне не купила.

4. – Ем, – говорит, – твои соленые огурчики и чувствую, как нарастает во мне удовольствие, аж глаза малосольные становятся.

5. – Я снова хочу быть в годик. Проще жить.

6. Смотри, ба, какая экстремальная бабуся, как у Красной Шапочки. Смотри, смотри, дядьку сумкой лупит! Заслужил, значит.

7. Играет с пластмассовым домиком, напичканным мебелью.

– Ба, ну как я обустроила свой дом?

8. Смотрит страшный зарубежный мультик.

– Ба! Моя душа от ужаса уходит в спинной мозг.

9. Я уговариваю внучку позавтракать, объясняя, что для нас в детстве омлет был как праздник.

– А для меня он – похороны души на пять-десять минут, – заявляет она.

10. – Ба, дети в нашей школе ведут себя, как обезьяны в стаде. Я по телеку макак видела.

11. – Ба, я поняла, что на чужом опыте трудно учиться.

12. Спорю с внучкой.

– Мне это не нравится.

– А мне нравится. Ба, у нас с тобой разные характеры. Нам надо развестись.

13. Тороплю внучку завтракать. А она говорит:

– Ба, я еще не умывалась и мысли у меня грязные.

14. – Ну что, бабуся, сдала тебя Сашка, заложила? (Это моя младшая внучка.) Рассказала деду, куда ты ходила? (За подарком ему ко дню рождения).

Трудно хранить ребенку даже маленькую тайну, особенно, если эта тайна чужая.

15. Отец внучки, уходя спать в другую комнату, целует ее и желает спокойной ночи, а внучка вдруг и говорит: «Папа попрощался со мной письменно, а с тобой устно». Мы все, кто был в комнате, чуть не задохнулись от смеха. Очень понравилась нам шутка ребенка.

16. – Бабушка, в оперетте поют от радости, а в опере от горя, что ли?

17. – Бабушка, ты не старая и не молодая. У тебя переходный возраст, – говорит внучка.

– Куда переходный? – грустно шучу я.

Внучка не сразу понимает, о чем это я, а сообразив, укоризненно качает головой:

– Ну, ба! Ну, зачем ты так...

18. Стоим с внучкой в сбербанке за моей пенсией. Мужчина рядом произносит:

– Организовал еще один офис.

Моя внучка солидно замечает:

– Размножаетесь!

19. Девушка-менеджер как прилипла возле клиента, пожелавшего сдать деньги в кассу банка. Тот шутит:

– Не сбегу я в другой банк. У вас хороший процент на вклады.

Менеджер смущается, но не отходит. Ася это замечает и успокаивает девушку:

– Дядя шутит, чтобы не скучно было стоять в очереди.

20. – Ешь мидии, в них много микроэлементов.

– А я думала микроорганизмов, – кокетливо смеется внучка.

21. Сын-предприниматель говорит кому-то по телефону:

– Зоопарк просит поставить им телефон.

Внучка влет шутит:

– У льва уже есть, теперь медведям понадобился?

22. – А старики мечтают?

Ну, разве мы так говорили в нашем детстве! Разве мы так соображали! Не устаю удивляться современным детям. Я редко могу позволить себе приходить к старшей внучке (ей уже восемь), но даже за короткое время успеваю услышать от нее столько интересного! И чтобы все, что я за нею записала, перечитать, не один вечер надо посвятить моему дневнику. Не будет большим преувеличением сказать, что каждый ребенок – это космос! – умиляется Эмма взрослости своей внучки, аккуратно складывая исписанный листок. – Рита, а ты тоже записываешь за внучками афоризмы?

– Конечно. Я даже альбом с их рисунками и фотографиями для этой цели завела, чтобы прочувствовать изменения в интеллекте моих малышей. Вот как-то спрашиваю у старшенькой: «Почему у тебя цифра «2» горбатая? Смотри, как она некрасиво спинку выгнула». А внучка смеется: «У нее, наверное, как и у меня, сколиоз». Ну разве станешь после таких слов делать ребенку внушение за плохой почерк? Все мое раздражение как рукой снимает.

А летом лежим мы с ней как-то в палатке – на рыбалку с ночевкой приехали, – а малышка вдруг говорит с какой-то особенной грустью: «Вот лежу я тут, притворяюсь вкусной для комаров, а дома куколки остались. Им без меня грустно». Конечно, я поняла, что это она без них загрустила. Второпях забыла взять. Потом добавила: «А ты знаешь, бабушка, зачем я поехала с вами на речку? Запасаю лето на зиму». Понимаете, не тепло, а лето. Значит, о впечатлениях говорила. До чего же дети бывают точны и метафоричны в своих высказываниях!

А еще мне нравится, что она размышляет и оценивает свою жизнь, но не натужно, а как бы с юмором. «У меня, – говорит, – первый класс тянулся долго-долго, а второй уже быстрее прошел, наверное, потому что в школе мне легче стало. А что же будет к одиннадцатому классу? Неужели сплошная радость?»

– Бойцы вспоминают минувшие дни. Нет?! Как всегда подрастающее поколение в центре внимания? Что за вакханалия амбиций? Что за акция тщеславия – хвалиться внуками! – Славин бас вторгся в пространство женских восторгов. (Он уже провел одно свое занятие в университете и поторопился вернуться домой.) – Слава нам, умным! Родительская похвальба часто принимает причудливые формы, а тщеславие бабушек и дедушек и вовсе безгранично.

Все радостно смеются, поддерживая веселый настрой товарища.

– Тебе не понять, ты не любил, – отшутилась Кира.

– Когда мы, мужчины, были молоды, все разговоры при встрече с друзьями крутились вокруг нашей карьеры. В среднем возрасте мы хвалились успехами детей, а теперь внуки занимают почти всю сферу наших интересов после работы, – резюмирует Слава.

– Мужчины тоже говорят о внуках? А я думала, вы только о политике и женщинах способны спорить, – ущипнула Славу Инна, полненькая, маленькая, с преувеличенно надменным выражением правильного, можно даже сказать, красивого, лица.

Тот не успел еще среагировать на слова Инны, как Кира поддела мужа:

– Ну, уж футбол ты никогда не вычеркнешь из своей жизни. Понимаю, отдушина.

– Не слышу бурных аплодисментов умной мысли моей жены, – подзадорил гостей Слава, любовно и горделиво притягивая к себе Киру.

Женщины мгновенно откликнулись на комплимент, как будто им он тоже предназначался. Всем хотелось бы получать такие же и побольше. Всем хотелось постоянного внимания мужей.

«Это уже противостояние или пока что привычная разминка перед боем? Уж не заведется ли Инна опять, как в прошлую встречу? И как от нее потребовать соблюдения приличий?» – настороженно подумала Кира, но виду, что заволновалась, не подала.

– Слава, мы тебя не очень затруднили своим неожиданным появлением? Ведь как снег на голову свалились. Мы треплемся, а ты, бедняга, сегодня, наверное, все утро из кухни не вылезал, – притворно-жалостливо сказала Инна.

– Ничего, я отыграюсь на супруге, когда в гости придут мужчины с моей работы, – весело отреагировал Слава.

Кира чуть укоризненно взглянула на мужа.

– Шучу, шучу, – быстренько перестроился Слава. – Мы всегда все заботы делим на двоих.

Лена видела, как приятно Кире слышать эти слова, если даже в них не на все сто процентов была правда.

– Слава, ты теперь полностью наш? У тебя сегодня больше нет занятий? – спросила Рита.

– Днем еще две пары, а вечером подготовительные курсы для будущих абитуриентов. Как видишь, работы под завязку.

– Боишься расстаться с единственным пока мужчиной в нашей компании? – подколола Инна Риту.

Слава быстро взял инициативу в разговоре в свои надежные руки.

– А знаете, дорогие дамы, как я сына понятию совести учил? Не утруждал себя длинными беседами, просто рассказал ему два случая из жизни его родной бабушки Ани.

Используя право преимущественного голоса хозяина, Слава поднял серьезный вопрос о воспитании мальчиков отцами. Ему, наверное, хотелось подчеркнуть важность мужского влияния на детей, а может, он просто свой собственный отцовский опыт решил поставить вровень с женским. Не одним же дамам делиться своими удачными жизненными моментами. Его наблюдения и выводы тоже кое-что да значат.

Слава никогда не ссылался на занятость, беря заботы о детях на себя, не притворялся, как некоторые из его сотрудников, безразличным к семейным проблемам. И тем был горд, чем заслужил уважение в кругу семей, которые не чурались испросить у него совета в трудных ситуациях воспитания не только сыновей, но и дочек. И он со скромной гордостью знающего себе цену отца семейства помогал им выпутаться из затруднительных ситуаций. Друзья поговаривали, роняя на Слаvinу душу «капельки меда», что он дока не только в физике, но и в педагогике и, несомненно, это свойство у него врожденное, потому-то любит он и бурное, и серьезное времяпрепровождение с внуками.

– Поделись с нами, если не трудно, такой опыт не бывает лишним, – попросила Эмма.

Она старалась, чтобы каждый из присутствующих раскрылся и преподнес что-то новое в ее педагогическую копилку. Перестройка вынудила ее стать (хоть всего лишь на полставки) еще и учительницей в школе, и она, привыкшая к работе относиться вдумчиво, вкладывать в нее всю душу, не упускала случая набраться у своих друзей теоретического опыта воспитания школьников.

– Да уж, какой тут труд, добром вспомнить старого человека. Так вот, мама мне рассказывала: «Трясли мы с друзьями яблони в соседском саду. Я не услышала, как появилась моя мама и давай стучать соседке в окно, чтобы сообщить о хулиганах. Все разбежались, а я осталась сидеть на макушке очень высокой груши. Мне было жутко стыдно, вот я и прыгнула, пренебрегая собственной безопасностью. Не было времени спускаться. Ничего не сломала, только очень сильно побилась. Но стыд все равно был сильнее боли».

Еще был случай. «Торопилась я домой, а на железнодорожных путях длинный состав стоял. Только я подлезла под вагон, а поезд тронулся. Лежу, к земле прижимаюсь и о путевом обходчике думаю. Не разрешал он нам лазить под вагонами. И так мне было совестно перед ним, что лязг вагонов не казался мне страшнее стыда. А обходчик как раз в тот день дежурил на станции. Увидел меня между рельсами и просит: «Деточка, возмись в шпалы, не шевелись». Я почему-то не боялась, что меня за платье зацепит и потащит. Я умирала от стыда перед этим добрым старым человеком. Потом дома долго плакала. И совсем не из страха перед наказанием». Чувствительно голос мамы касался моей души, проникая в самую глубину. Вот такая у меня была наука воспитания. И для внуков она прозвучала.

Мама... женщина тонкой души, невесть откуда получившая свое величие, прозрение и знание. Интуиция ее была намного сильнее многочисленных житейских талантов. Умела гасить любые отрицательные вспышки в семье. «Ее можно прикладывать к больным местам», – шутил мой отец. «Сестра милосердия, святая, добрейшей души человек», – говорили о ней соседи. Не было в ней злобного негодования по поводу потери денег, собственности. Достоинно переносила удары судьбы. Религиозной не была, но жила по-божески.

Глаза Славы погрузнели. Его мама уже ничего никому не расскажет. Но есть благодарная память, и это успокаивало его сердце. В комнате наступила тишина. Солидные женщины, сами уже бабушки, с теплой грустью вспоминали своих родителей. Они любили свои семьи, искренне гордились ими. Не их вина, что война рано лишила некоторых из них родительской любви и ласки. Лица подруг посветлели, легкая задумчивая улыбка трогала губы. Это была минута доброй памяти, минута благодарности всему старшему поколению за все, что они успели сделать для них.

– Она так и осталась сердцем в последней войне, где погибли два ее сына. Снизошла на нее высшая милость, до девяноста девяти дожила. И умирала, как светлый ангел – тихо, спокойно, будто бы в предчувствии бессмертия. Такая свобода, такой покой и умиротворение были в ее лице, столько благородства и достоинства! Говорят, так уходят из жизни безгрешные, – по-доброму вспомнила свою свекровь Кира. – Сегодня обязательно выпьем за наших родителей, ушедших из жизни – кто в военные годы на поле брани, кто от голода на жирном черноземе родных полей, кто среди внуков и правнуков... мало ли где обрывались их жизни по воле судьбы. Главное, что они успели передать нам свои гены порядочности, верности, гены любви к родине, семье.

Наступило минута уважительного молчания, минута поклонения родителям.

Первой тишину нарушила Лиля, рыжеволосая, пухленькая, грустноглазая. Какой егзой была! А теперь медлительной стала. Устала от забот.

– Сами знаете, время сейчас сложное. Дочь моя вечно мечется в поисках подработок: то за квартиру денег не хватает заплатить, то за питание в школе. Кандидату наук мало платят. Не знаю, что бы с внучкой было, если бы я не помогала в ее воспитании.

Вот недавно мы с Галочкой жуткую картину наблюдали, когда шли из поликлиники в школу. Смотрим через дорогу: у магазина стоят три девочки и мальчик. Похоже, пятиклассники. Вижу, как две подружки на мальчика науськивают третью – высокую, худенькую, подвижную – подбивают ее на что-то нехорошее. По их неприятным, хитреньким взглядам мне сразу стало ясно – пакость задумали.

Худенькая, заводная девочка выслушала подружек, азартно подскочила к мальчику и что-то закричала ему в лицо, подпрыгивая от восторга. Слов я не слышала – уровень уличного шума был слишком высок. Видела только, что девчонки ехидно посмеивались, а мальчик злился и нервничал, аж волчком крутился и краснел до малинового цвета.

Иду я по переходу на зеленый свет, а сама продолжаю следить за школьниками. Перешла дорогу, руку внучки отпустила. И вдруг в момент загорания красного фонаря мальчик сорвался с места и побежал наперерез трем машинам, выстроившимся в ряд и уже двинувшимся с места. Я остолбенела от страха, и только увидев мелькнувшую ногу, успевшую за долю секунды вынырнуть из-под колеса третьей машины, ожила и направилась к девчонкам. А они хохотали. Упивались своей глупостью.

«Теперь такие у вас «феньки»? А если бы этот мальчик по вашей вине погиб под колесами машины? Вы не подумали об этом, ненормальные?!» – истерично заорала я.

Сейчас, конечно, мне стыдно вспоминать о своей несдержанности, но тогда меня трясло, я была в шоке от пережитого и никак не могла успокоиться.

Высокая девочка так и застыла с широко распахнутыми глазами и открытым ртом. Лицо ее выражало ужас. Двух других мои слова привели в замешательство, испуганно забежали их маленькие черные глазки, и они мгновенно «слиняли».

«Они уговаривали тебя поиздеваться над мальчиком, и ты подчинилась? Своей головы нет или желание, пусть даже глупо и подло «хохмить», тормозит твой мыслительный процесс? Плохо работают сдерживающие центры? Вот если бы мальчика сбила машина, и он, слава богу, остался бы живым, но покалечился, как ты думаешь, кого бы он винил в своем несчастье? Тебя или твоих так называемых подруг, исподтишка натравивших тебя на него?» – зачастила я, сердито распекая девочку.

– Дети иногда тоже бывают гадкими, как и их родители. Уже по малышам видно, какими они станут, когда вырастут: добрыми, порядочными, стервами или сквалыгами, – вторглась в пространство рассказчицы Инна.

А Лиля, не обращая внимания на комментарий, продолжала:

– Девочка уже пришла в себя и уныло молчала.

«Ты видела, как твои подружки быстро скрылись с места «преступления?» Я не стану выяснять причин, по которым мальчик бросился перебежать дорогу на красный свет светофора: то ли на спор, желая доказать свою смелость, то ли его задели за живое твои грязные посягательства на его личную жизнь, это сейчас не главное, хотя и важное. Но я надеюсь, что после этого страшного случая ты поняла, что обманулась в выборе подруг, впредь будь осторожна и ни под каким видом не позволяй себя подставлять. Ты уже не маленькая и должна понять, что я заслуженно тебя упрекаю. Вон ты какая вымахала, осталось поумнеть. Красивым девочкам тоже надо уметь думать. Ты, видно, когда расхвастаешься, ничего от подружек утаить не можешь, а они этим пользуются. Понимаю, не желаешь со мной разговаривать», – с усмешкой закончила я свой педагогический монолог. И все же добавила, рассмотрев обезображенные пирсингом уши и нижнюю губу девочки: «Если бы не эти побрякушки, никто бы не заметил, что ты еще глупая».

Маленькая незнакомка растерянно похлопала огромными ресницами и побежала в сторону, противоположную расположению школы, потом вдруг притормозила, обернулась, наверное, чтобы что-то напоследок сказать, но не сумела или не посмела. И мы с Галочкой пошли своей дорогой.

Моя говорливая внучка до самого дома не проронила ни слова. Я понимала, что она сравнивает этот случай с недавно происшедшей с ней неприятной историей, когда подружка уговаривала ее сообщить по мобильнику в МЧС о том, что будто бы в их школе заложена бомба. Тогда провидение и мое, бабушкино, чутье спасло нашу семью от позора.

Если в ребенке присутствуют врожденная интеллигентность и достаточно хорошие способности, то стоит только коснуться их тонких струн воспитанием, они сразу зазвучат на нужной ноте, надо только не упускать из виду свое чадо. А вот если не дана, не запрограммирована в генах чувствительность, глубина восприятия, то для того, чтобы их развить, ой как много надо потрудиться, чтобы из малыша вырос достойный человек, – закончила рассказ Лиля.

– Если интеллигентности нет в крови, то учи не учи – шпик выйдет, – хмыкнула Инна.

«По себе что ли всех равняет», – раздраженно подумала Рита. За пятнадцать лет их совместной работы в НИИ она так и не сумела выработать «противоядие» от Инниных шпилек и подколов.

Жанна поделилась своим наблюдением:

– Недавно пришлось коснуться в разговоре с внучкой щекотливой темы. Стала я ей осторожно разяснять кое-что о проблемах взаимоотношения полов. Смотрю, ее даже передернуло от брезгливости. Тут-то и припомнились мне слова Честертона о том, что «иногда детям лучше приказывать. Убеждая, вдаваясь в подробности жизни, мы лишаем их детства». Вот я и решала, что до времени не стоит мучить девочку сложными вопросами, наталкивать на какие-то лиш-

ние мысли, которые могут ее беспокоить. Она, вне всякого сомнения, умная девочка, но вдруг вообразит, что у нее отклонения в психике или еще какую-нибудь странность найдет в себе. Не стоит по любому поводу поднимать переполох. Не надо ничего делать с тем, что непонятно взрослому в ребенке, что тревожит. Имеет смысл только наблюдать и анализировать. Понятное дело, это не беспечность, а осторожность. Главное – не напортить, тогда все постепенно встанет на свои места. Многогранен процесс воспитания. Нельзя пренебрегать различными, даже, на первый взгляд, абсурдными идеями, методами и подходами.

Кира, которой была противна командная система воспитания детей, с интересом прислушивалась к беседе Жанны с Лилей.

Заботы и проблемы

Лена опять слышит голос Лили.

– За непослушание рано или поздно приходится расплачиваться. Но почему ребенок делает глупости? Потому что еще не умеет предвидеть результатов и последствий своих действий. Вот посидел мальчик на сквозняке – не послушался маму – и переболел всего-навсего насморком, а через год попал в больницу с болезнью почек. И все почему? Он не мог связать в своем сознании два таких удаленных по времени события. Своего жизненного опыта не хватило, чтобы предугадать возможность осложнения, а маминым не воспользовался, – объясняю я Галочке, хотя знаю, что не любит она моих нравоучений. Ей не нравится углубляться в серьезные проблемы, ей хочется жить легко и беззаботно, и она ладошкой в шутку прикрывает мне рот. Но я продолжаю излагать ей свою точку зрения в надежде, что закладываю в нее надежную базу, фундамент ее дальнейшей жизни.

«Не желая меня слушать, ты закрываешь путь к обучению и тем самым невольно готовишь себя к следующим ошибкам, – толкую я ей снова. – Вот сколько раз просила: не поддавайся на подстрекательства Наташи, не слушай ее хитренских речей – и какой толк? Пока никакого.

Заруби у себя на носу: пока не научилась анализировать ситуацию, старайся избегать контактов с Наташей. А ты опять купилась на ее сладкие речи. И вот результат – она использовала тебя как подопытного кролика в своем жестоком эксперименте над твоим здоровьем. Ты упала в обморок, ударилась головой, а уже через несколько часов опять играла с ней в карты! А если бы Наташа по глупости, по неопытности так тебе пережала сонную артерию, что ты не вышла бы из обморочного состояния? Ей бы ничего за это не было – дети играли, – а тебя мама уже не нашла бы на этом свете.

У тебя нет чувства собственного достоинства и нет страха за свою жизнь. Ты боишься, что мама в наказание за мелкую провинность лишит тебя на какое-то время компьютера, но совсем не осознаешь, что по вине своей жестокой одноклассницы можешь лишиться жизни. Из всей лагерной смены ты одна попала на ее удочку. Получается, тебе одной предназначены вкрадчивые взгляды этой девочки-вампира? Остальные дети оказались умнее тебя?» – сердито выговаривала я внучке. Галочка наверняка считает меня занудой.

Нет, вы представляете, как эта Наташа умно, точно по нотам, разыграла спектакль! Она не поддержала мою внучку, когда та падала, хотя предвидела обморок, зато тут же организовала проведение опыта на себе. Девочка понимала, что ничем не рискует, потому что никто из детей не знал ее подлого секрета. Когда подружки «колдовали» над ней, она сделала вид, будто ей дурно, и, помня падение Галочки, медленно и осторожно осела на пол, имитируя легкий обморок.

Потом она вовлекла в игру всю группу, естественно, никого не посвятив в тонкости своего «опыта». Дети глубоко дышали с закрытыми глазами, стучали друг друга по груди, но никто не падал в обморок. Все сочли, что Галочка слабенькая девочка, и успокоились. Им же и в

голову не проходило, что их действия – всего лишь отвлекающие манипуляции при проведении опасного эксперимента... А случись что, никого не притянешь к ответу.

С другой стороны, я прекрасно понимала свою внучку. Ничье страдание никогда не представлялось мне как наслаждение. Я совершенно лишена этой сути демонизма и не подозревала наличия его в других. Этим летом я сама впервые столкнулась с его проявлением у Наташи и растерялась. И Галочка в меня. А эта Наташа – девочка ну просто загляденье, и вдруг – такое... Конечно, в массе своей дети добрые.

Лиля так разволновалась, что никак не могла остановиться, все больше и больше погружаясь в подробности инцидента и своей на него реакции.

– «Радуйся, что есть кому оградить тебя от неожиданных ситуаций, подсказать, объяснить хотя бы уже свершившееся, – снова внушала я внучке. – Но мы с твоей мамой не можем быть все время рядом, вот поэтому и учим думать своей головой, чтобы сформировавшийся внутри тебя механизм защиты вовремя бил тревогу и подсказывал, как поступать».

Мы живем сейчас в атмосфере абсурда, может, поэтому возникают такие «личности», как Наташа. Возможно, они всегда были, но не имелось почвы для их взращивания. Наташе всего одиннадцать лет. Боюсь, подрастет и еще не такие подлянки станет устраивать подружкам: может статься, к наркотикам глупых девочек обманым путем начнет приучать. А сама употреблять не станет, сбежит и, как ни в чем не бывало, будет строить наивные, невинные глазки и радоваться чужому несчастью.

Вот и остерегаю я внучку, надеясь, что мои нравоучения позволят ей понимать события и людей в их реальном виде, помогут видеть на два-три шага вперед. Надеюсь, научившись осмысливать происходящее, она в дальнейшем сможет сама себя избавить от многих ошибок, неприятных, оскорбительных, а может, даже опасных моментов в жизни. С одним таким она уже успела познакомиться в лагере, но правильного вывода для себя пока не сделала. Почему? Не доросла до понимания? А неприятности не станут дожидаться ее взросления.

Лиля беспокойно вздохнула.

– А я своему внуку недавно говорила буквально следующее: «Думай своей головой. Вот Наполеон пошел по наущению Англии на Россию и проиграл, а мог бы завоевать Средиземноморье и стать для французов настоящим героем, а не изгнанным и побитым», – сказала Лера.

– И ведь не предоставлена самой себе ваша внучка, а все время попадает в сети. В педагогике такой тип характера называется «ведомым». Мы, взрослые, прекрасно знаем, что где-то рядом с нами есть другая, страшная жизнь, где процветают казино, наркотики, детская проституция, и оберегаем от нее своих внуков. Ведь если обрушится на неподготовленного ребенка грубый взрослый мир, он может растеряться. Его могут заставить обманом, вынудить шантажом и угрозами окунуться в эту грязь. Ужас!.. Хуже всего, когда дети не нуждаются в твоих мыслях и советах, – вздохнула Аня.

– А иногда мы подавляем заботой своих подрастающих внуков, лишаем их самостоятельности, – заметила Инна.

– Может, Наташа вырастет из своих глупостей? Надо принять во внимание ее юный возраст. Будем надеяться, что не сбудется твой мрачный прогноз, – пожелала Жанна.

– Хотелось бы в это поверить, но сомневаюсь. Девочка – копия своей бабушки. И мать полностью ее поддерживает и защищает, а на меня смотрит презрительно: мол, учить жить нас взялась, а мы без тебя знаем, как воспитывать своего ребенка.

Когда у Наташи уже в восемь лет проявились странные наклонности, я решила, что не замечать этого – подло, и попыталась объяснить с ее мамой. Но она меня так оговорила перед родителями и учительницей, что я поняла – дело там глухо и больше не вмешивалась в их жизнь, только еще надежней стала оберегать свою внучку от влияния этого сложного семейства. Не хочется верить, что оно намеренно воспитывает злодейку.

– И, конечно, очевидной причиной и следствием этого утверждения или даже обвинения являются твои собственные наблюдения? – прервала Лилию Инна.

– К сожалению, да. Я неоднократно вытаскивала свою внучку из цепких ручек Наташи. Приведу пример. Молоденькая неопытная учительница в продленке не обращала внимания на двух девочек, каждый день лежащих в обнимку на диване вместо того, чтобы играть, читать или готовить уроки. Они же вели себя тихо и никому не мешали! Сначала моя внучка убежала от прилипчивой девочки, а потом, видно, привыкла. Пришлось забрать ее из продленки.

Вы бы видели, как изменились обычно деланно невинные глаза Наташи, когда я уводила внучку. Они излучали холод, были полны ненависти и странно остро блестяли. От ее тона, от жесткого, немигающего взгляда исподлобья мне, взрослому человеку, сделалось не по себе. Еще при нашей первой встрече я обратила внимание на то, как пристально, изучающе, в упор, долго, не отводя глаз, смотрела на меня эта девочка. Я только раз видела подобный взгляд у одного пятиклассника. Мальчик был из бандитской семьи, и его боялись даже учителя.

Но в случае с Наташей я не отвела взгляда, тем самым давая понять девочке, что я сильнее и что со мной ей не стоит тягаться. Я понимаю, что трудно изменить сущность этой девочки, но учителям надо пытаться направлять во благо особенности и даже недостатки ее характера. В этом я вижу суть воспитания, – закончила Лилия свою исповедь.

– Я вижу, ты до сих пор под впечатлением случившегося в лагере, – сказала Эмма.

– Еще бы! Представь себя на моем месте. А вот вам еще пример. Иду я как-то по школьному двору во время перемены – наша старая школа стоит как памятник великому разуму среди разных шопов, парикмахерских салонов и ресторанов, – к играм детей присматриваюсь. Мне одного взгляда было достаточно, чтобы заметить, что группка второклассниц травит свою подружку.

– Одного небезразличного взгляда, – уточнила Жанна.

– Дети с криками носились за бедняжкой, как голодные воронье. На лицах – удовольствие и восторг охотников. Я вмешалась, выяснила причину. Оказывается, когда на уроке физкультуры дети ходили на руках, то эта девочка, по мнению некоторых одноклассниц, нарочно отпустила ноги напарницы, которую страховала, и та ушибла колени. «А вы представьте, что у Аси руки устали, и она не смогла справиться с заданием», – предложила я новую версию события, пытаясь нивелировать ситуацию в маленьком коллективе. (Не все дети участвовали в травле). «Нет, она нарочно, она плохая», – упрямо возразила одна из девочек, буквально срываясь на крик. «Расскажи, что плохого делает Ася, чем она тебя лично обидела?» – допытывалась я. Девочка растерянно замолчала. А другая, внимательно слушавшая наш разговор, подсказала: «Когда учительница засвистела, Ася вздрогнула и не удержала ноги одноклассницы». По поводу поведения крикливой Любы она и словом не обмолвилась, только посмотрела на меня красноречиво: мол, вам, взрослым, виднее. Унд зо вайтер.*

Я отыскала пострадавшую, и та объяснила, что Люба из любви к ней организовала подружек отомстить Асе за издевательство. И ругательные записки продиктовала, в которых описывались все «грехи» обвиняемой. «И часто у вас происходят такие «игры»? – удивилась я. «Постоянно. Одна плохая девочка от нас даже в другой класс перешла. Она нам не подходила. И мальчишки устраивают противостояние друг с другом и с девчонками. Недавно Вовку гоняли всей компанией за школой, а когда он упал, рот ему заклеили пластырем. Как в кино. Хотели его немного в шутку придушить, да звонок на урок позвал. Здорово! Гудини отдыхает», – с восторгом сообщила мне пострадавшая девочка. «А учительница как относится к вашим играм?» – спросила я, внутренне содрогнувшись от услышанного. «Нормально», – пожалала плечами девочка. «А если тебя станут терроризировать?» – поинтересовалась я. «Не станут. Я же дружу с Любой». «И подчиняешься ей?.. Видно она когда-то сделала тебе маленькое одолжение, и теперь ты не можешь ей ни в чем отказать. А если раздружишь, когда поумнеешь?» – презрительно спросила я. Валя задумалась. Потом мы долго беседовали, после чего

она помирилась с Асей и даже села с ней за одну парту. Как-то попросила я девочек позвать мне Любу. За приглашением, конечно же, ничего не последовало. Испугалась ответ перед взрослой женщиной держать. Только перед детьми смелая. Как говорили у нас в детдоме: «жидка на расправу» оказалась. Конечно, для большинства детей, наверное, эти забавы пройдут бесследно, многие, повзрослев, просто забудут о них. Но как быть с теми, кого они надломают?

– Нас в детдомовской школе учили дружить, уважать друг друга, помогать слабым, выручать. И я продолжала эту традицию в своих учениках, – поделилась Жанна.

– Вот из таких Люб и вырастают жестокие лидеры, которые с детства закрепляют в людях стремление видеть в любом поступке преднамеренное желание сделать другому плохо, – сказала Галя. – С человеком, настроенным на отрицательную волну, на неверие в добро, очень трудно общаться. Он кого угодно задержит. Сам вечно будет на нервах, и другие на него в постоянной обиде. И никакой радости.

– А какое у тебя общее впечатление о лесном лагере, в котором отдыхала твоя внучка? – спросила Эмма.

– Честно говоря – ужасное. Клоака. За две недели внучка набралась там столько гадостей, сколько не могла собрать за все одиннадцать лет своей достаточно насыщенной жизни. Дети там целыми днями лежали в помещениях, играли в карты, смотрели телевизор и делились так называемыми «познаниями о жизни». И, как объясняла внучка, в потолок плевали. Мы ее оторвали от компьютера и отправили в лагерь, чтобы она там побегала на природе, воздухом лесным подышала, окрепла, научилась чему-нибудь полезному, но с детьми никто не занимался. Из комнат их выгоняли, лишь когда приезжала какая-либо комиссия.

А чему там внучка научилась, можно судить по ее дневнику, куда она записывала свои впечатления о ранее неизвестной ей стороне жизни. И новые подружки старательно заполняли страницы ее тетради перлами «современной детской поэзии и прозы». У меня волосы дыбом встали, когда внучка познакомила меня с ними. Там были одни пошлые песенки, сплошной мат и такая скабрзная информация, которую мне, взрослому человеку, было стыдно и гадко читать. Забрали мы внучку из лагеря досрочно и решили в дальнейшем больше ни за что не посылать ее в подобного рода заведения.

Одного-единственного опыта было достаточно, чтобы ребенок понял, что, помимо домашнего, умного, доброго и интеллектуального, существует и другой мир, в котором она ощущает себя некомфортно и в который она не должна стремиться. А двадцать пять лет назад моя дочь благополучно пережила знакомство с самостоятельной жизнью. Там тоже не все было гладко, но пакостей было намного меньше.

– А все почему? Раньше в лагерь посылали в награду за хорошую учебу и примерное поведение, а теперь – когда ребенка на лето некуда пристроить или если родители хотят отдохнуть от своего чада, – заметила Инна.

– Родители на работе, бабушки-дедушки – далеко. Ребенок дома один. Чем он занимается? Вот так и упускают дитя, и вырастает из него бездеятельный, безразличный человек, ни к чему не способный, которому ничего не интересно, которому некуда деть свою молодую энергию. «А что? Одевали, кормили. Чего еще от нас ему надо?» – грустно прокомментировала ситуацию Эмма.

– Недавно порадовала меня Галочка. Пришла из школы веселая, счастливая и сразу с порога принялась мне рассказывать: «Представляешь, ба, разговариваю я с Анжелой, а тут подсакивает Ленька и обзывает меня спорой грибной. Он, видишь ли, здоровяк, а я мелочь, меня как пыль можно сдуть. Ленька обзывает, а я спокойно продолжаю разговор с подружкой. Он опять кричит: «Брысь отсюда, спора грибная!», а я с еще большим интересом веду беседу с Анжеликой. Он в третий раз с криком на меня налетел, я же даже бровью не повела. Ленька распахивался и убежал. Как же я была довольна! Не кричала, не унилась грубостью, смогла победить его своим достоинством». Я молча обняла свою малышку, а ей видно хотелось моей

бурной реакции. Но и тут она сумела выказать свою сдержанность и просто добавила: «Взрослею».

– А моя внучка, – взволнованно заговорила черноглазая Мила-украинка, – это еще в первом классе случилось – прибегает раз из школы радостная и сообщает во всеуслышание: «А мы сегодня с Соней за мальчиками гонялись и целовали их!» «Зачем?» – спрашиваю испуганно. «Так просто, в шутку. Мы же не в губы». «Твои рассуждения, знаешь, на что похожи? Убить нельзя, а избить можно. Пойми: и то, и другое – преступление, только за первое последует меньшее наказание, – объяснила я сурово. – Скажи, пожалуйста, вы вдвоем с Соней бегали за мальчиками или еще кто-то участвовал?» «Вдвоем, – отвечала Ганя понуро, уже начиная понимать свою ошибку». «Остальные девочки оказались самостоятельнее? Объясни мне, что смешного в этой истории?» «Не знаю», – созналась Ганночка. «Пока не поймешь, в чем состоит игра, не участвуй в ней, чтобы снова не попасть в глупую ситуацию. Учись говорить «нет». Ты вспомни: сначала эта одноклассница ласково обнималась с тобой, потом целоваться вза-сос научила, теперь уж и до мальчиков дело дошло. А следующий раз она тебя «ради шутки» в подвал поведет к бандитам. У твоей мамы была безвольная как ты одноклассница, только нет ее уже давно на этом свете». «Не пойду», – угрюмо возразила внучка. «Пойдешь, – отвечала я. – Не впервой. А если и утерпишь, то надолго ли тебя хватит? Ты же настезь раскрыта для всего, в том числе и для дурного. В следующий раз если не Соня, так другая девочка уговорит. Скажет: «Ой, как здорово! Весело оторвемся!» И ты помчишься сломя голову. Ты же не хочешь думать, формировать свое мнение. У тебя мозги отключаются, когда подружка зовет тебя повеселиться. Я понимаю, не ты ее выбираешь, она тебя. А ты не подумала, почему? Увидела, что ты доверчивая, открытая, добрая, вот и решила сделать из тебя объект для своих развлечений. Учись, Ганночка, понимать людей, не позволяй обманывать себя. Держись подальше от плохих людей. Ты еще маленькая, неопытная, но мы поможем тебе, и все у тебя будет хорошо», – успокоила я свою внучку.

Я попала в самую точку, потому что понимала – в семье у малышки дефицит положительных эмоций. Мама работой замучена, и все домашние дела на ней. Отец раз в неделю придет, молча отсидит за телевизором два положенных ему часа общения с ребенком и уходит. Я стараюсь увлечь внучку интересными и полезными занятиями, но по причине моего плохого здоровья любые начинания оказываются малоэффективными, – печально закончила свою исповедь Мила.

– У меня с Олечкой тоже были проблемы, – сказала Жанна. – Обманывать меня научилась. Как-то я застала ее за тем, что она вытаскивала из кармана моего халата конфеты. Я возмутилась. А она мне в ответ удивленно: «В сериале «Счастливы вместе» дети тоже так делают. Это же хохма, шутка». Пришлось растолковать внучке, что такое воровство и что этот сериал учит тому, как не надо себя вести. Наказывать не стала. Побоялась потерять ее доверие. И только будто бы в шутку сказала: «Для полного «счастья» тебе только «Дом-2» не хватает смотреть». Но успокоилась я совершенно напрасно. Новые трудности возникли. И их мы преодолели благодаря открытости и доверию ко мне Олечки.

Если дети скрывают от взрослых свои проблемы, свою боль – даже когда этим хотят уберечь своих близких от лишних разочарований, – значит, они не видят в них друзей. А это чревато печальными последствиями. Неконтролируемые впечатления детства могут сформировать из детей чудовищ и погубить их, и тогда родителям придется принимать неудачный опыт жизни своих детей на себя. Нельзя ставить слабых духом детей перед соблазном свободного выбора. В них часто горят желания, которые выше их возможностей. До некоторых пор – пока они не созрели до понимания жизни – им больше подходит строгое послушание.

– Я вот современные детские журналы не люблю. Раньше дети кукол пеленали и кормили, а теперь красят им волосы и меняют наряды. К чему ведет такое воспитание? – задала вопрос подругам Аня. Но Жанна громко продолжила свой рассказ:

– А как-то заметила, что неуважение ко мне внучка Катенька стала проявлять. Все началось с того, что подружка принялась преподносить ей дорогие подарки, покупать ее дружбу, когда они ссорились. Катя не интересовалась ценами вещей и простодушно радовалась вниманию в любом виде. Потом девочка стала давать ей деньги, просто так, мол, не знаю, куда потратить. Катя опять-таки не отнеслась к этому факту серьезно (ведь ей было всего восемь лет), но когда подруга звала ее куда-то, она неосознанно чувствовала, что не может ей отказать.

Много ласковых и строгих бесед я провела с внучкой, пока наконец она поняла свою ошибку. Говорили по душам о том, как трудно деньги зарабатывать и легко тратить, о самоуважении, о всевозможных типах характеров, еще о лести, зависти и сплетнях, о том, как сложно, но необходимо научиться говорить плохим людям «нет», не поддаваться «стадному» чувству, не попадать в зависимость. Я объясняла внучке: «Если ты один раз уверенно сказала подругам «нет», то не позволяй себя переориентировать. Тогда они поймут, что у тебя другие точки отсчета, что ты самостоятельная, что не удастся им затащить тебя в дурную компанию, и отстанут. Только отказывай спокойно, как бы лениво-безразлично, чтобы не вызывать с их стороны нападков и желания отомстить». Все эти рассуждения я подкрепляла интересными примерами из собственного детства. И внучка стала увлеченно искать в «прошлой эпохе» то, что ей близко и понятно.

С Катенькой я научилась свои бесконечные нравоучения переводить в шутку или игру. Мы с ней сочинили свой кодекс чести и порядочности, завели дневник хороших дел и ошибок. Как-то весь вечер пели с ней песни моего детства. Потом взялись за наши пионерские «переделки» типа «Все выше и выше, и выше, и скоро колени видать», а она меня современным песенкам обучала. Хохотали до упаду! Я в тот вечер девчонкой себя чувствовала. Мы были с внучкой как подружки.

...И вдруг как-то остро поняла, что раньше для меня «мы» было – я и моя страна, а теперь – только я и моя семья. Как-то грустно сделалось. Ничего, подумала, обживем и эту новую реальность. А потом, и правда, всё это – ностальгия и грусть – как-то со временем ушло. Дело сделано – надо дальше идти... Отвлеклась я.

Так вот, все равно не все гладко между нами. Страсти особенно накаляются, когда из-за одежды спорим. Катя воспринимает как величайшее несчастье пойти гулять не с той «прищепкой» в волосах или без любимого браслетика. Вот такие «чудеса» с нею время от времени случаются. Ей, видите ли, не нравится мой безнадежно устаревший вкус. Именно так и сказала! С трудом, но все же находим общий язык. Надеюсь, то, что я в нее вложила, не пропадет даром. В эти годы ребенок все впитывает, он – сплошное зрение и слух. Конечно, не сразу Катенька воспользуется накопленными знаниями. Для понимания и осознания должно пройти некоторое время. Я до сих пор, пока внучка не повзрослела и не поумнела, осторожно отваживаю от нее настырных и хитрых детей, чтобы они не вовлекли ее в неприятные происшествия.

– Мне жаловаться на внуков не приходится, но младший тоже столкнулся с проблемами общения в классе, – сообщил Слава, пришедший из кухни. – Макс терпел «дружбу» одного мальчишки до тех пор, пока не «дошел до точки» – дружок его подставил и предал. Только тогда он задумался над их взаимоотношениями и перестал с ним общаться. А мог бы обойтись, по его словам, «меньшей кровью», если бы сразу доверился мне.

Я понимаю, подобных уроков не избежишь, наверное, они полезны для будущей взрослой жизни, но Максим с тех пор стал неуверенным и даже сейчас не стремится к общению с одноклассниками и с теми, кто старше. А я хотел бы вырастить его настоящим мужчиной, чтобы он имел хороших друзей, таких, как у меня, которые на всю жизнь. Сколько ни протаптывай тропинку для своих детей, жизнь поворачивает ее так, что только они сами смогут проложить ее для себя. Ни пяди жизни за них не проживешь. И все же надо учить мальчиков правильным мужским качествам: отвечать за свои слова, защищать женщину, друга.

– Да не переживай ты так, перерастет он свой страх, а осторожность еще никому не помешала, – успокоила Славу Рита. – Еще, бог даст, на футбол и на рыбалку вместе ходить будете. Представляешь, моя вторая внучка, Светочка – ей десять лет, – недавно заявила мне: «У меня начинается переходный возраст, поэтому я не слушаюсь». А я ей с усмешкой ответила, хотя знаю, что не любит она такого моего тона: «Переходный возраст бывает только у не очень умных детей». Так она сразу язык прикусила и задумалась о своем поведении. Не нравится детям ирония, но иногда мы должны брать её на вооружение, воспитывая своих милых чад.

Слава опять заговорил.

– Припомнился мне один случай. Помогаю я раз Кирочке на кухне справляться с грязной посудой и вдруг слышу, как старший внук говорит младшему: «Когда мне было шесть лет, я спросил у деда, зачем он смотрит по телевизору политику. Он ответил мне что-то страшно умное и непонятное, но с тех пор я стал обращать внимание на программы такого толка и до сих пор люблю их слушать. Думаю, эта любовь на всю жизнь». А совсем недавно сказал братишке: «Шестидесятники – понятие нравственное. Макс, это тебе надо осознать». Я расстрогался... Вот так и вырастают из мальчишек мужчины, – вынес свой вердикт Слава, придав голосу некоторую официозность. – Конечно, мои мальчишки пока не все про себя понимают, но я верю, из них вырастет настоящая достойная смена.

– Чем старше внуки, тем сложнее нам разобраться в их чувствах, – сказала Жанна. – Современные дети совсем не похожи на тех, какими были мы. Нас глобальные вопросы волновали, а они зацикливаются на мелочах. В пятом классе у моей старшей внучки Насти конфликт с подружкой Таней произошел. Обе отличницы, а поссорились из-за оценок. И хотя никто никого не настраивал, девочки в классе разделились на два лагеря и поддерживали только своего лидера.

Когда на физкультуре учительница, построив всех по росту, приказала рассчитаться «на первый-второй», они не послушались: не захотели делиться на команды подобным образом, предпочли свои личные амбиции. Учительница, естественно, отказалась вести урок. Дело дошло до директора. Долго в классе сохранялась напряженная обстановка. А в конце года родители Тани Сычковой пришли вместе с классным руководителем к моей Насте домой, побеседовали, разъяснили ситуацию и помирили девочек. И все же еще год они мало общались.

А в седьмом классе на уроке географии ученик спросил учительницу, как рисуют карты, а она не знала, что ответить. У Насти папа – летчик, поэтому она встала и подробно объяснила способ составления карт. И с тех пор, когда в классе возникала спорная ситуация, девочки говорили: «Послушаем, что Настя Войкина скажет». Она стала арбитром – всех мирила, всем помогала. Настя с Таней окончательно помирились, стали вместе на танцы ходить. И до сих пор дружат. Им уже по восемнадцать, студентки. Переписываются. Мы же раньше в Чите жили.

И все же я не припомню, чтобы в моем детстве так жестко решался вопрос о лидерстве в классе. Мы все свое внимание направляли на помощь друг другу. Первая учительница научила нас дружить, уважать личность каждого, пусть даже слабого и не очень умного, приучала находить и ценить в товарищах крупинки хорошего, быть снисходительными. Учила отличать хорошее от плохого, говорила, что нельзя делить людей на злых и добрых, счастливых и несчастных и что уметь любить – быть может, самый главный талант человека. И поэтому, хотя мы принадлежим разным поколениям, я постоянно твержу внучке: «Мы звенья одной цепи. Вы есть мы, потому что вы наши внуки, наша кровь».

– Мы разъединяемся в детях и внуках, как ветви на деревьях, но основное, ствольное направление нашего характера остается в них, – уверенно сказала Лера.

– Я читала, что по современной хромосомной теории наследственности только через семь поколений заканчивается род каждого человека. Это еще скольким же детям придется мучиться с твоим упертым характером? – как бы шутя, поддела Инна Леру.

– Я не в обиде на свой характер и воспринимаю твои слова как комплимент, – весело ответила Лера.

– А вот с сыновьями и внуками у меня никогда не было проблем, потому что на них большое влияние оказывает мой муж. Мальчики просто обожают его! – не без гордости сказала Жанна.

– Слава, наслушался бабьей трескотни? Уши еще не заложило? – спросила Инна.

– «Ты б сидела да молчала, будто дело не твое», – не глядя на Инну, залихватски пропела Мила строчку из детской песенки.

Инна досадливо скривилась, но промолчала.

Временами разговор приобретал общую направленность, иногда рассыпался на кулуарные ручейки. Страсти то затихали, то вновь стихийно возникали и будоражились. Все как всегда при встречах.

Телесюжет

Уставшие от первых впечатлений гости примолкли. Только Жанна продолжала потихоньку делиться своим счастьем – внуками. Кира разносила чай. Телевизор, самовыражаясь яркими красками, тихо и невнятно бормотал что-то на сельскохозяйственную тему. Аня переключила его на спортивный канал. Там юноша бегал в странных ботинках на высоких плоских гибких пластинах.

– Ой, девчонки. Наконец-то еще кому-то пришла в голову та же самая идея, что и мне почти шестьдесят лет назад – создать сапоги-скороходы. Сначала я прикручивала к ботинкам витые пружины-рессоры. Потом, когда увидела, как вибрирует и раскачивается доска, после того как с нее соскочил мальчик, «изобрела» и примотала к ногам гнутые упругие металлические пластинки, которые нашла в мусорной куче за нашим детдомом. Ох, и повеселились мы тогда с ребятами! – вспомнила Рита счастливый момент из своего не очень счастливого детства. – Сколько всего хорошего еще хранит наша эмоциональная память, всего сразу и не вспомнишь, а сколько перезабыто!

Как-то нафантазировала себе карманный излучатель, включив который, я могла бы оградить себя от любого плохого человека, потому что вокруг меня будто бы образовывалось ничем не пробиваемое, особое мощное цилиндрическое поле. Еще волшебный шар «изобрела». Я в нем все время находилась в нормальном, вертикальном положении, а он, вращаясь, мог перемещаться с любой заданной мною скоростью. Шар был прозрачен для меня и невидим для окружающих. Боже мой, чего я только не придумывала в свои шесть-семь лет! Боясь насмешек, я никому не поверяла свои фантазии и, как правило, быстро о них забывала, потому что в голове снова возникало что-то еще более интересное и небывалое.

Счастливая улыбка на миг осветила смуглое задумчивое лицо Риты.

Началась трансляция футбола. Аня надолго не задержалась на нем и перескочила на канал «Дискавери». Молодая красивая женщина, кандидат наук, вводила зрителей в злободневную тему «Нарушение экологии – преступление перед последующими поколениями». Мила прислушалась и вдруг оглушительно расхохоталась:

– Нет, ну до чего похоже изъясняется! Галя, она прямо слово в слово повторяет твою недавнюю лекцию перед школьниками. Обороты речи те же самые!

– Что тут удивительного? У всех у нас примерно один и тот же запас бытовых слов и специальной терминологии, – спокойноотреагировала Галя.

Аня «побегала» по каналам и остановилась на черно-белом пейзаже. Сообщалось о снежном обвале в горах и пропаже двух студентов, любителей альпинизма.

– Не понимаю я альпинистов. Что заставляет их упорно преследовать свою мнимую мечту, – недовольно забурчала Аня и уже хотела перескочить на другую программу, но Инна остановила ее руку и резко и безапелляционно заявила:

– Не понимаешь, потому что не заводная, довольствуешься примитивной жизнью: кроме работы, ничего не знаешь и знать не хочешь.

– Да, я не тщеславна, не азартна, и, признаюсь, к стыду своему, спорт никогда не привлекал меня, – испытывая потребность оправдаться и пытаясь смягчить слишком резкие слова сокурсницы, тихо ответила Аня. Она посмотрела на Инну удивительно чистыми и усталыми серыми глазами, которые редко оживлялись улыбкой. В глубине их, как и прежде, Лена обнаружила переизбыток стыдливости и стеснения.

Инна грубовато-ласково шлепнула Аню по спине и заговорила насмешливо:

– Эх ты, милейшее создание! Правда состоит в том, что эти дети ломают стереотипы твоего понятия о счастье. Они хотят быть героями, желают огромных, немислимо потрясающих, фантастически глубоких ощущений, чтобы страсти накалялись, чтобы они искренне до слез волновались и радовались. Они хотят быть там, где чувствуется дыхание истории! Молодежь устраивает себе праздник эмоций, чтобы сбросить с себя повседневность. Понимаешь, Аня, можно за всю жизнь так и не дожидаться случая, позволяющего совершить подвиг, а горы предоставляют его в любой момент.

Интересно, успели эти студенты почувствовать себя «одним народом» с альпинистской братией, чтоб «клекот услышать орлиный»? Ощутили себя в едином энергетическом пространстве гор? Смогли впустить во время восхождения внутрь себя, в свою душу что-то еще, кроме восторга от геройства? Может, они усвоили истину: настоящая жизнь – это то, что мы испытываем сейчас, а не вчера или завтра. А если поняли, что ощущения являются не обрамлением жизни, а самой ее сутью, тогда их лозунг: жить – значит чувствовать.

И я в юные годы испытывала счастливое состояние полного безрассудства, неосознанную жажду подвигов и успехов, прыгала с парашютом, ходила в горы в одной связке с парнем, которого обожала, – ностальгически, но бодро закончила Инна свой сбивчивый, восторженный монолог.

«Примазывается к героям. Было бы слишком смелым предположить, что все сказанное ею – правда», – пренебрежительно хмыкнула про себя Аня.

«Не думаю, чтобы Инна вознамерилась обидеть Аню. Наверное, ей просто захотелось раззадорить ее, подбить на спор», – подумала Жанна, на минуту отвлекшись от разговора о детях.

– Ты безжалостна в своей правоте. С твоим утверждением трудно поспорить. Где уж мне понять высокие чувства! Сравни свою жизнь с моей. Учти униженное, бесправное детство, тоскливое мировоззрение детдомовца, застрявшее во мне на всю жизнь. Надо сказать – что греха таить! – оно до сих пор аукается. Где и когда мне было учиться ярко и красиво чувствовать? Если человек не видел банан, он его не попросит, – сдержанно, словно неохотно, с обидой в голосе, пояснила причину своих нешироких взглядов Аня.

– Тише, девчонки, хватит препираться, дайте до конца прослушать сообщение, – подала голос Эмма, седая строгая дама с правильными чертами крупного бледного лица.

«... Руководство службы спасения не было оповещено... »

– Случилось что-то нечто экстраординарное? – забеспокоилась Лиля, взглянув на экран.

– У меня нет слов! Не верю своим ушам! В голове не укладывается! Никому не сообщили о своем маршруте. Туда летом редко кто из профессионалов решается идти. Сумасбродные мальчишки и девчонки, обезумевшие от порывов собственной юности, совсем не заботятся о последствиях своих поступков! Возьму на себя смелость утверждать, что это не геройство.

Студенты-первокурсники, очертя голову, помчались навстречу опасности без проводника. На «авось» понадеялись? А зачем лавину нарочно вызывали криками и выстрелами, что подталкивало их к такому действию? Детство взбрыкнуло, в школе не доиграли? Слишком далеко зашли в своих эмоциях. Намеревались взять реванш за проигрыши в каких-то школьных делах, героями захотели стать. Вот, мол, мы какие, никакой растерянности перед жизнью.

Всего-то маршрут чуть-чуть изменили, а сколько восторгов! А чем кончилось! Думаю, они не осознавали степени риска. Безумцы – ни больше, ни меньше. Таких самоуверенных юнцов нелегко переубедить, – стараясь сохранить невозмутимый вид, тихо, но сердито говорила Аня.

– И тут мы с тобой несколько расходимся во мнении. Признаться, я не ожидала от тебя подобных мыслей, – не мешкая, ядовито начала осаду Инна. – Не суди о других со своей колокольни. Тебе бы только вразумлять, рога молодым обламывать. Педагог! Стараешься ребят под себя подмять, всех под одну гребенку причесать, а каждый человек – индивидуальность. Чего обрушилась на молодежь? Воздух лозунгами сотрясаешь. Справедливо полагая, что шею свернуть можно и на пороге своего дома, ограждаешь детей от малейших неприятностей? Нельзя всю жизнь их оберегать от излишних волнений. Перемен боишься, с ужасом их ждешь? Учишь детей поступаться принципами, хочешь, чтобы все стали обыкновенными, серыми, стандартными? Современные дети должны жить сознательно и свободно. А такие педагоги, как ты, могут зарубить на корню самую хорошую идею.

– Куда тебя понесло! Меня ничем не обезоружить. Ты и раньше не отличалась пониманием человеческой психики, и с возрастом совсем не изменилась. Жизнь тебя ничему не научила. Понимаю, куда ты гнешь. У меня примитивный взгляд на вещи? Что ты имеешь против меня? Зачем превратно толкуешь мои слова? Я не склонна преувеличивать недостатки детей, все совершают ошибки роста, но осторожность никому еще не помешала.

Не всегда можно сказать наперед, как повернется та или иная ситуация. Неизведанное имеет склонность проявлять себя самым неожиданным, самым невероятным способом, – отчаявшись пронять Инну доводами, повысила голос Аня, переходя в нападение. – Вот, хотя бы взять твои горы, раз уж о них зашла речь. Объясни мне, пожалуйста, во имя чего юнцы идут в горы? Хотят положить жизнь своих матерей на алтарь своего хобби? На дерзкие поступки их хватает, для этого много ума не надо. Когда их бурная молодая энергия не находит полезного практического применения, они разгораются от собственных безрассудных мечтаний до глупости, ничего вокруг не замечают, отбрасывают всякую сдержанность, не в меру храбрятся и не считают нужным учитывать мнение взрослых. Не угадаешь, что они еще могут выкинуть в следующий момент, – упорно защищала Аня свой четко определенный взгляд на проблему.

– Я поймала себя на мысли, что совсем не знаю тебя. Попробуй взглянуть на горы глазами самих школьников, – примирительно предложила Инна. Она, похоже, уже переживала, что обидела бывшую сокурсницу.

– Если сказать по совести, мне представляется, что в горы идут люди, в глубине души неуверенные в себе, чтобы самоутвердиться, а некоторые в силу своей трусости совершают отчаянные поступки. Есть такое понятие – мужество отчаяния, – не сдавалась Аня.

– Ничего себе! Неожиданный ракурс. Менястораживает твое предубеждение против молодежи. Я иначе считаю: в горы идут ради того, чтобы состояться. Горы формируют человека. К тому же этот вид спорта придает обыденности остроту. Ни для кого не секрет, что жизнь без приключений, что шашлык без соуса. Пойми, юным хочется быть королями. Не волнуйся, со временем поумнеют ребяташки, на все свой срок. Не повезло этим студентам, надо же было случиться такому совпадению, что как раз в этот день...

Аня резко прервала ее:

– И это говорит женщина? Горячку порешь, рассуждаешь, как мужчина.

– Что с тобой? Какая тебя муха укусила? Не надо на мне оттачивать свою иронию. До чего договорилась! С чем тебя и поздравляю! – с трудом контролируя себя, повысила голос Инна.

– Тебя задела мои слова? Да, не осталась в долгу, позволила себе грубый выпад на твой счет. Выскажусь начистоту. Я уверена, что всему виной такие вот взрослые, как ты. Наверняка дети ушли в горы с их молчаливого согласия. Пойми, в силу своего возраста и ряда других обстоятельств дети не могут предвидеть и предугадать многих ситуаций, – настаивала Аня.

– Девочки, хватит ссориться. Вам не по двадцать лет. Ваш спор со стороны, надо вам сказать, малопривлекательная картина, – попробовала предотвратить назревающий скандал Эмма.

– О, мой неугомонный оппонент! Мой дорогой визави!.. Аня, у тебя нет ни капельки радостного легкомыслия и романтизма. С тобой трудно. Ты – гранитный памятник. Только голуби могут запачкать твою репутацию. Ну что ты наседаешь на меня? Пойми, пока мы, взрослые, не «отформатировали» детей, они думают и делают по-своему, чувствуют по-своему. И в этом их прелесть, – не обращая внимания на слова Эммы, не унималась Инна.

– Хочу с тобой согласиться, но не могу. Не взваливай на детей всю ответственность. Конечно, они чувствуют себя способными совершать серьезные подвиги. Но на чем основаны эти чувства? На мечтах и фантазиях. В них говорит бесшабашность, безрассудная бравада, ребячество. Аня не заслуживает твоей жесткой отповеди. Не горячись, Инна, тормози, не переходи на личности. Не время вскрывать и выворачивать свои души. О детях говорим. Если они совершают ошибки, то в том и наша вина, – медленно, тщательно подбирая слова, чтобы уладить все более разгорающуюся ссору, заговорила Эмма.

– И тем не менее я считаю, что для некоторых людей борьба – стиль жизни. Это обусловлено током их крови, темпераментом. Не надо охлаждать пыл детей из-за того, что они еще не созрели для серьезных поступков. Они должны достигать пика своего внутреннего восторга. Им много надо испытать, чтобы всё в них стало на свои места. И только со временем они по-настоящему глубоко поймут, какое сильное влияние на формирование их характеров оказали походы в горы, – гордо провозгласила Инна, теперь уж совершенно не жалея о своих выпадах в адрес Ани.

– Я с этим и не спорю. Но пока такие дети повзрослеют, они у родителей всю душу вымочат своими фокусами, да еще и чувства вины не будут испытывать, – возмущенно воскликнула подруга-педагог.

– Нагнала страху! У тебя воспаленное воображение. Я не разделяю твоих взглядов. Вот мои возражения: «Горы – это симфония для гордых, сильных духом и телом, это страсть!» – продекламировала Инна.

– Все эти твои поэтические эманации* не для меня. Я могу понять непреодолимую тягу к познанию. Считаю науку, может быть, самой главной страстью в жизни человека. В свою защиту скажу: у меня не было случая убедиться в обратном. А ты, Аня, если мне не изменяет память, всегда была излишне прямолинейна и строга, даже беспощадна в оценке событий, а еще в тебе существует постоянная внутренняя, интуитивная готовность к самому худшему. Наверное, генетическая? И себе не доверяешь? – чуть иронично улыбнулась всегда не то спокойная, не то очень сдержанная Лера.

По комнате прокатился неодобрительный шепот. Бывшие детдомовцы понимали комплексы подруги. Аня не ожидала от Леры поддержки Инне, и, недоумевающая и больно задетая (деревенская, детдомовская!), взорвалась:

– Ты пала в моих глазах! Тихоня, воды не замутит, а туда же! Ты же теперь тоже педагог-репетитор и должна меня понять. Риск – не всегда благородное дело.

Лицо Ани залилось горячим нервным румянцем, губы скривились в обиженной усмешке. Она сердито ворошила на голове короткий ежик седых волос и бурчала:

– Не трогай мою генетику. Я с самого детства постепенно, шаг за шагом шла к такому пониманию. Жизнь научила меня быть осторожной. Когда нет мозгов, тогда нет и страха. Знаешь, можно, наверное, жить ради острых ощущений, можно стремиться получать их больше и больше, но стоит ли из-за них умирать или подвергать риску других людей?

Вниманием всех присутствующих опять завладели кадры телевизионной хроники.

Аня первая нарушила молчание:

– По-детски, опрометчиво поступили студенты. Причина их трагедии кроется в том, что не захотели они ввязываться в свои дела взрослых, а все равно пришлось. Почему спасатели должны рисковать своей жизнью, даже погибать из-за баловства, необдуманности или хулиганства великовозрастных балбесов? Смотрите, спасенная девчонка довольна собой, по глазам видно, героиней себя считает.

Я была права – сомнения и угрызения совести ее не мучают. Ей надо сначала упражнять мозги, а не мышцы. Думала, что для совершения подвига ей достаточно иметь надежного друга, на которого можно положиться. А друг-то, наверное, сам как восторженный теленок! Вот она, безответственность! И за примером далеко ходить не надо. Кому ты, Инна, благоволить? Незадачливым героям? Оправдаться-то перед взрослыми они смогут, да смысла в том нет. Что фактам противопоставишь? По мнению таких несмышленьшей – все виноваты, кроме них, – горько добавила Аня, похоже, вспомнив что-то неприятное.

– Черный пессимизм! Некоторые взрослые склонны приписывать свои комплексы и недостатки другим, – презрительно заметила Инна.

«Не разговор, а сплошь педагогические и этические «открытия», – дернула плечами Лера.

– Ой! Смотрите, парень ногу сломал, – испуганно воскликнула Эмма, – но держится прекрасно, владеет собой, не ноет. Для него настал час мужества. А девчонка рядом сидит, улыбается. Как ни в чем не бывало позирует перед телекамерой.

– Когда же наконец прояснят ситуацию, ведь чем она непонятней, тем кажется опасней, – нервничает Аня.

– Это тот случай, когда надо набраться терпения и ждать. Успокойся, ты слишком взвинчена. Не бери душу. Все будет хорошо, – успокаивает подругу Эмма.

Неожиданно подала голос Рита, молчавшая до сих пор и долго, с недоумением прислушивающаяся к длинным, но поверхностным, как ей казалось, рассуждениям подруг.

– Я не испытываю особого оптимизма по данной ситуации. Жить в непрестанном ожидании и страхе или верить, что все прописано в книге судеб – все это мне не по нутру. Обычно людям важны факты, а меня, как физика, интересуют закономерности. Тут я их тоже прослеживаю. В первую очередь это отсутствие должного морально-этического воспитания. Поэтому история заслуживает того, чтобы ее обсудить. Я за романтику без головотяпства, когда глупость и разгильдяйство одних принуждает к беззаветной храбрости других.

Слышите? Спасатели целую неделю к студентам пробивались, в поисках самого короткого пути ползали по самым опасным, отвесным скалам, вертолеты задействовали. Вот заставить бы этих ребят отработать и оплатить всю спасательную операцию, так потом я посмотрела бы, пошли бы они побеждать вершины так же бездумно, безрассудно, не подготовившись соответствующим образом, без необходимого достойного снаряжения? На Западе им не разрешили бы и на сто метров войти в зону неоправданного риска, а у нас все дозволено.

Таких случаев, как сегодняшний, у нас хватает. И здесь я согласна с Аней. Молодые люди не подумали ни о себе, ни о тех, кто, рискуя жизнью и здоровьем, вынужден их спасать. Другое дело – спортсмены-альпинисты. У них все рассчитано, выверено, они даже на казусы природы и погоды делают поправки. И если что-то случается, то виной тому – судьба, а не разгильдяйство мнимых героев. Вспомните случай с нашими ребятами.

– Не тревожь их память. До конца жизни не забыть нам гибель наших студентов-географов в горах на практике. Среди них был мой Леша. – Это Лера жестко остановила Риту.

Траурное молчание заполнило маленькую комнату.

Инна долго боролась с противоречивыми чувствами и все-таки не выдержала и зашептала, наклонившись к Рите:

– Оставь свой менторский тон. Хочу напомнить: у спасателей такая работа.

– Но подвергать их неоправданному риску – бесчеловечно и непорядочно. Спасатели не станут выяснять причины аварии, а честно и смело выполняют свой долг. Но им будет горько сознавать, что жизнь их погибших товарищей отдана на откуп глупости и безответственности, – возразила Рита.

– А всего-то надо было кому-то этим романтичным детишкам мозги прополоскать перед восхождением, – поддержала ее Эмма.

– Понятное дело, они себя самыми умными считают, – беззлобно проехала по горельпинистам Галя.

– Сама-то больно послушной была? – Это Жанна спросила.

– Я-то? Я никогда не могла позволить себе неразумных действий. У меня чувство ответственности было слишком развито. Между прочим, романтизм рассудительности не убавляет. Вспомните наши стройотряды в тайге, на сплаве леса. В идею с головой ныряли, а в дурь не лезли, – спокойно ответила Галя.

– Да, вы с Милой всегда с добротной, крестьянской жилкой были. И в лесу, и в городе нас выручали. Помнишь, как ты «зеленых» под орех разделала, когда они к моим кожаным ботинкам привязались. Они отнесли меня к числу людей, которые верят в священное право без зазрения совести брать от природы все, чем она располагает. Как ты их тогда: «Диких кабанов нельзя уничтожать, а запрещать выращивать для своих нужд свиней вы не имеете права. Этим не нарушается баланс дикой природы. Если следовать вашей логике, то и хлеб, выращенный на полях, нельзя есть. Он ведь тоже часть живой природы». А им и крыть нечем, отступились, – заливисто рассмеялась Жанна. А потом как-то грустно добавила:

– Ненавижу охоту. Убивать вольную птицу, чувствовать ее угасающий трепет, трогать холодеющее тельце – это выше моих сил!

– Теперь все поголовно увлекаются экстремальными видами спорта, а для меня они всегда были неприемлемы, как и громкие, красивые слова. Я никогда не смогла бы стать настоящим альпинистом, поэтому и не стремилась. Не из трусости, нет, просто не мое это. Здесь нужно особое геройство. Совсем не то, с каким идут защищать родину. Защищать мне по силам. В горах другое...

Альпинисты – люди из иного мира. Они выражают себя на своем, только им понятном языке души. В горах эти люди находятся в состоянии преодоления, мобилизации и сосредоточенности, на пределе моральных и физических сил. Для них нет большего восторга, чем стоять на вершине и созерцать близкое небо и далекую землю. Тогда достигнутая цель и яркие эмоции компенсирует все моральные и физические затраты. Я по-доброму им завидую. Они, как Икар, – с высокой небесной мечтой, – сказала Галя.

– Сейчас мода пошла на экстремальный туризм, – поддакнула Мила.

– На умных, смелых и красивых мода никогда не проходит, – усмехнулась Рита.

– Быть и казаться героем – не одно и то же. Еще один штрих к портрету той девочки-альпинистки, – прервала излияния подруги Аня. – Меня беспокоит, что из этого трагичного урока спортсменка не сделала соответствующего вывода. Друг рядом на носилках стонет, а ей хоть бы что! Как же, прославилась на всю страну! Наверное, из-за этого и шла в горы. Пигалица. Для нее, наверное, этот подъем – трамплин к дальнейшим серьезным восхождениям по другого рода дорогам жизни. Одна радость: ее родители пережили сегодня момент бурного счастья – ведь их дочь жива и здорова.

– Аня, ты слишком категорична и нетерпима. У каждого есть слабости. Самые скучные на свете люди – те, что слишком правильные, – поддела сокурсницу Инна.

– Лучше быть скучной, чем непорядочной, упрямой и безрассудной, – сердито отрезала Аня. И, вконец расстроившись, с отчаянием крикнула: «Утихомирься!»

– Не могу я принудить себя замолчать. Это ты у нас выдающаяся личность по усмирению своего характера, – рассмеялась Инна.

– А ты так и не созрела до понимания элементарных истин. Привыкла любым способом подминать под себя...

Сокурсницы сделали вид, что между Аней и Инной ничего не происходит (привычная картина?)

– И все же они герои. На таких примерах воспитывались целые поколения молодежи, – попыталась вставить слово Эмма.

– Только не на таких, как эти юные альпинисты! – переключившись на Эмму, с неожиданной горячностью не дала ей закончить свою мысль Аня. – Спасатели – герои. Их риск оправдан. А эти мальчишки, как пить дать, гоняются за славой. Потехи ради получать адреналин за счет чужой жизни и за деньги государства – жестоко и непорядочно.

Развлеклись, в герои попали! Какое счастье! Такое поведение надо пресекать на корню. Отстегать бы девчонку, чтобы самодовольную улыбку с лица убрала. Глупышка. Конечно, сегодня, спасая студентов, не ее отец или брат погиб. До нее, наверное, пока еще не дошло, что она натворила.

– Есть люди, которые всегда рвутся в неизведанное. Они первопроходцы. Например, ученые. А мне не дано. Я – серая мышка. Обидно, – ни на кого не обращая внимания, как бы сама с собой рассуждала Жанна.

– Альпинисты стремятся достичь почти невозможного, считают, что риск как раз и есть то, что делает человека человеком. У них возникает острейшее чувство, что они обязательно должны достичь поставленной цели. Одно только знание, что покорили вершину, переворачивает всю их жизнь, они будто заново ее открывают. А, с другой стороны, после экстремальных событий они проще смотрят на неприятности в быту. Опасные ситуации, как ничто другое, помогают подросткам в самовоспитании, в развитии многогранных душевных качеств. Они учат соотносить то, что есть и что могло быть, – продолжала горячо отстаивать свою точку зрения Инна.

– По девочке этого не видно, – упрямо заявила Аня.

Вошла Кира с кофейными чашками на подносе, внимательно вслушалась в телесюжет и вдруг сделала плечом еле заметный знак Ане, все еще державшей в руке пульт от телевизора. Та, будучи раздраженной, не среагировала. Но когда почувствовала грубоватый толчок в бедро то, еще не поняв в чем дело, сначала понизила голос, а потом бодро попросила:

– Девчонки, я временно переключу на пятую программу, там должен быть сюжет о нашем университете, если я ничего не путаю.

И только после манипуляций с программами телевизора она тихо спросила Киру:

– В чем дело?

Та, внимательно оглядывая присутствующих, ответила шепотом:

– Подожди.

Поискала глазами Лену и, убедившись, что ее нет среди подруг, объяснила:

– Сын у Лены в шестнадцать лет погиб под снежной лавиной. Она одна его растила, гордилась им. Столько лет прошло, а горе все равно рвет ей сердце.

Оживление стихло, уступив место тяжелому молчанию.

– Мы не знали. Она все: «Сынок мой Антошенька, счастье мое». Рассказывала, что с юмором он у нее. Зная ее пристрастие, как-то пошутил: «Мама, дикторы канала «Культура» с тобой еще не здороваются?»

– Так вот почему она молча ушла из комнаты, стараясь остаться незамеченной, – после мучительной паузы произнесла Аня, считавшая себя главной виновницей происшедшего и потому особенно больно переживавшая случившееся.

– Ладно, успокойтесь, ничего тут не поделаешь, случайное совпадение. Не ходите за ней, дайте возможность оправиться от нечаянно нанесенной боли. Да, девочки, имейте в виду: у Люды дочка умерла при рождении. Халатность медперсонала. А у Тамары единственный сын

погиб в аварии по вине нетрезвого водителя. Не касайтесь этих тем, если они завтра придут, – предостерегла всех Кира. – Да, еще: если вдруг приедет Зина, ничему не удивляйтесь. Временами у нее бывает плохо с головой. Она обезумела от горя. Внук в армии погиб. Теперь она совсем одна осталась.

Тяжелые беды сокурсниц словно придавили присутствующих в комнате женщин.

Кира ушла на кухню.

– Если сын погиб, откуда тогда у нее внучок Андрюша? – недоумевая, тихо спросила Жанна.

Лавина

А Лена еще в самом начале нестерпимо тяжелого для нее разговора подруг ушла в ванную комнату, присела на короб для использованного белья, прислонилась лбом к холодному кафелю стены и окунулась в прошлое. Бурным потоком хлынули бесконечно-грустные воспоминания о сыне, никогда ее полностью не покидавшие. Двадцать пять лет прошло со дня гибели сына, а боль не утихла. Каждый момент того страшного события по-прежнему застилает глаза белой пеленой. А слова, которые он говорил в тот жестокий день: «Мама, ты увидишь, я достоин тебя. Я докажу. Mamочка, ты для меня самый главный человек на свете, самый любимый», – по-прежнему звучат в ее голове.

Снова и снова восстанавливая события того страшного дня, она будто впала в полузабытье.

...Сердце томилось, тосковало, предчувствие неминуемой беды сжимало его, оно дрожало от страха, но она подавляла волнение. Конечно, пыталась распознать загадочные ощущения, которые странным образом у нее возникли. Думала, что сердце так беспокоит потому, что сын первый раз уходил в горы без нее, в связке-двойке с девочкой-однокурсницей, дочерью врача экспедиции. Не сумела она разгадать предупреждение своей чувствительной материнской натуры, не остановила сына. Да и не могла она навязать ему своей воли. Он, юный, не понял бы ее трепетного предчувствия. Этими мыслями она как бы частично снимала с себя вину, которой казнилась.

...Лавина смела и похоронила его единым потоком: узким, мощным, жестким, перечеркнув жизнь ее ребенка и ее жизнь. Секунды смертельной акробатики... и все... Только стон в душе, полный невыразимой безнадежности, что лучше бы ей умереть. Она не плакала, не рвала на себе волосы, не пестовала горькие думы, не баюкала их ложью, лишь почернела и окаменела. Стала похожа на ту скалу, под которой погибли дети. Мысли не двигались в ее голове, тело заледенело. Никаких ощущений: ни запахов, ни звуков, ни боли.

...Дети, милые дети. Они верили, что все преодолеют. Где была верная рука, надежное плечо инструктора?.. При чем тут он? Дети еще не знали, как жестока бывает природа, которой все равно: взрослый ли, ребенок, робот ли попадает под ее жернова. Лавина снега затягивает тебя, и ты как в огромной стиральной машине. А когда она останавливается, ты словно замурован в бетоне... Только родителям до каждой клеточки тела понятна потеря, понятна бездна безысходности. Ей не вернуть единственного, ради которого жила, каждый день совершая героические подвиги: трудовые, бытовые, моральные, нервные, ощущая радость видеть, слышать сыночка, печалиться с ним и за него. Бессонные ночи, аскетизм – тоже ради него. Что теперь осталось ей? Какая цель в жизни, какой смысл?

...Те трое суток, пока искали детей, ей казалось, что она медленно умирает: изнурительны были дни, мучительно длинны ночи. Она что-то смутно помнила, но доподлинно не понимала. Только страх и боль... Она физически ощущала не только оцепенение холодеющего мозга, но и торможение всего организма. За три дня она ни разу не вышла из палатки, не шевельнула даже кончиками пальцев. Глаза не двигались, застыв блеклыми льдинками на обветренном сером лице. Плотно сжатые, мертвенно бледные губы каменной, жесткой, рез-

кой складкой еле вырисовывались. А потом ей сообщили о сыне. И мир окончательно рухнул, исчез...

Врач спасательной команды, сам черный от пережитого несчастья, долго смотрел на мумию с руками, вытянутыми по швам, на остекленевшие глаза, трогал вену на шее, задумчиво хмурился, щупал, тер неживые пальцы вялых, бессильно лежащих ладоней. Потом вышел из палатки. Через некоторое время зашел снова, еле переставляя задеревеневшие ноги. Сел рядом. И вдруг громко, навзрыд заплакал, тяжело навалившись ей на грудь. Его слезы текли по ее лицу. Его огромное, мощное, как глыба льда, тело сотрясали рыдания...

Она знала горе, трудности, обиды, боль, и именно на боль этого большого, сильного человека откликнулась ее душа так, как не могла бы откликнуться на добрые слова, заботу и сочувствие. Именно колебания боли его души совпали с частотой ее отчаяния и, сложившись, вызвали в ней энергию, пробудившую, оживившую и поднявшую ее.

Очнувшись, некоторое время она приходила в себя, все еще не понимая, что с ней происходит. И вдруг всплеск горьких эмоций одним ударом, одним мощным толчком встряхнул весь организм, и хлынули слезы. Тяжелые и холодные, они выливались с диким рычанием, с гортанными всхлипами и рыками, потом с высокими воплями, еще бездумные, неосознаваемые. Что-то первобытно-безудержное, дикое было в ее стогах и воплях. И тут только доктор заметил, что в болезненном остервенении сжимает, чуть ли не ломает ей пальцы. Он почувствовал, что руки ее теплеют.

Два стонущих человека изливали друг другу свое горе. Два измученных тела дрожали, соединенные одной болью, одной бедой. Два сильных человека, измученных горем, большее которого не бывает... Ее бессознательно погибающая душа уже не надеялась выжить, она не хотела выживать. И вдруг, когда несчастья сплелись, их стало двое... Потом они долго лежали молча и неподвижно. В радужной мути под ее веками проступало лицо сына... Она плотно сжимала веки с единственным желанием, чтобы того дня никогда, никогда не было... Она ничего не хотела кроме своего сыночка, своего солнышка, своей планеты, своей частички космоса...

Она понимала, что теперь будет жить, потому что надо, потому что обязана. Кому надо? Себе? Этому вопроса она не задавала, только прислушивалась к медленно растекающемуся по телу, еле ощущаемому теплу, коликам в пальцах рук и ног, к вялой боли, постепенно расслабляющей стиснутую, словно металлическими обручами грудь. Ее сознание медленно оживало, принося, словно издалека, из плотного тумана приглушенные звуки и неясные картины событий трехдневной давности. Оно снова возвращало ее к мучительным воспоминаниям и к последним словам сына: «Мамочка, я достоин тебя... Ты моя самая любимая»...

Детство

Женщины тихо переговаривались между собой, а Инна сидела, глубоко задумавшись. Ей вспоминались рассказы о раннем детстве Лены, ее новой странной подружки, непонятно откуда и в каком качестве появившейся в их деревне, да еще по соседству с домом, где жила ее бабушка. Им было тогда по девять лет.

...Из своего самого раннего детства Лене запомнилась керосиновая лампа, висящая на стене. Она еще не знала, что этот предмет на длинном шнуре называется лампой. Почему она выделила ее из всего уже знакомого? Все вокруг непрерывно менялось, а лампа всегда оставалась на месте, рядом с нею. Каждый раз, просыпаясь, она видела ее и непонятно почему смотрела на нее бесконечно долго. Это успокаивало. Лампа висела и будто говорила: все хорошо, я тебя оберегаю. Иногда, открыв глаза, она ничего в темноте не видела и тревожилась, но лежала тихо и ждала, когда лампа вспыхнет и станет приятно-приятно и тепло.

Случалось и такое: ее тряско баюкают, она засыпает, а проснувшись, не обнаруживает перед глазами привычного предмета, пугается и оглашает комнату криком. За этим следует

грубый окрик, резкий шлепок. Она сжимается в комок, что-то внутри ее мелко-мелко дрожит в непонимании и обиде. Она вновь раздражается ревом, опять получает шлепок и на время замолкает, словно пытаясь понять и себя, и того, кто за что-то ее наказывает. И не поняв, снова обиженно ревет в голос, требуя привычного...

Эти ее воспоминания кратковременны. Они как редкие, еще неуверенные весенние лучики – скользнут и скроются, но насовсем не пропадают... Потом она замолкает, покоряясь неизбежности. А может, сон брал власть над ней, и наступала тишина. И вдруг среди ночи взрывался чей-то крик – до визга, до хрипоты. И общий нестройный хор снова будил тишину, требовал чьего-то внимания. Голоса постепенно сипли и замолкали, будто понимали, что надеяться не на что... Так было в изоляторе... В память о нем на ее теле остались огромные безобразные шрамы. Чирьи. Говорят, от холода и голода. И что тут поделаешь... Главное, выжила... И еще аптечный запах запечатлелся, как что-то опасное, неприятное.

Она помнит те мелочи, о которых все давно забыли, а, может, и не знали. Конечно, она запомнила немного из первых двух лет жизни. В основном эти воспоминания непонятные, бледные и расплывчатые, словно осенние блики, но зато с отдельными яркими моментами, похожими на одномоментные вспышки, на вздрагивание нерва. Они четко запечатлены в ее памяти. Их картинки не стираются, не обесцвечиваются. Помнит она их потому, что они дороги ей или оставили на сердце заметную зарубку, пробуждая в ней первое печальное осознание себя...

Она знает тоскливое чувство одиночества, когда никто не подходит, а ей больно до потемнения в глазах. Она лежит в темном углу и слышит, как рядом всхлипывают, вскрикивают, постанывают, побряхтывают, поскуливают такие же никому ненужные... Она этого еще не понимает, но чувствует...

Говорят, грустные воспоминания со временем исчезают из памяти. Наверное. Но это случается, если их перекрывают радостные.

...И вдруг лучик солнышка заглядывает в окошко, весело пробегает по детям. Он изумляет ее. Это первый яркий проблеск радостного сознания. Хочется следить за ним, ловить взглядом, не отпускать. А он уже умчался дальше – радовать травку, цветы, деревья. Она их уже видела в открытую дверь и запомнила. Им тоже нужен теплый лучик. Они тоже его ждут. Птицы за окном что-то рассказывают ей, листочки что-то нашептывают. Ветер то уныло грустит, то весело будит кого-то. Иногда слышится шелест дождя. Все они, эти звуки – ее любимые. Они всегда где-то рядом за окном и всегда возвращаются к ней. Она их не боится. Они ласково успокаивают. От их тихого присутствия она впадает в полудрему... Это уже совсем другое – разноголосое и разноцветное воспоминание.

...Уже совсем светло. Кто-то первый возвещает о своем пробуждении басовитым, бодрым, отдохнувшим голосом. И все подхватывают и вторят ему – как лягушки на болоте. Так обычно говорит добрая няня. (Она не знает, что такое лягушки, но няня говорит ласково, значит это что-то хорошее.) Из хора выделяется чей-то оглушительно звонкий, какой-то осознанно сердитый голос.

Входит добрая няня. Ее чуть надтреснутый голос звучит тихо и мягко. Руки у нее большие, теплые, уверенные. Тело помнит их приятные шершавые прикосновения. Наверное, это первое осознанное восприятие добра... Одним, двумя движениями она обмывает раздраженную попку, промокает пеленкой и уверенно делает «кулечек». Орать больше не хочется. Тянет в сон. Но голод не тетка, а злой дядька. И опять начинается ор...

А другая няня кричит и шлепает. Она только входит, а сердечко уже заранее трепещет и прыгает, как пугливый солнечный зайчик от холодного ветра. Оно будто на тонкой резинке, которая вот-вот оборвется. Лена так мала, что не умеет говорить, только чувствует страх, опасность. Она уже думает... А лампа не упадет со стены, не исчезнет?.. Шлепок. Ей бы смириться,

замолчать, а она «разоряется» до посинения. Кто покрепче, те орут до покраснения. До чего надеются докричаться?

Воспоминания о своем детстве всплыли в памяти Инны.

...Мои ранние воспоминания никак не оформлялись во что-то более или менее понятное. Они не давались, ускользали. Я четко помнила себя только в три года. Я в детсад тогда ходила. Обнимет утром отец – и на целый день придает доброй уверенности в себе. Как важен был для меня его одобрителный взгляд... пусть даже осуждающий, непонимающий, но прощающий. Как больно отзывалось в сердце невнимание, торопливо брошенное на ходу «пока». Не подошел, не положил руку на голову, не обнял... и никакой уверенности, надежности.

Опять Ленины слова выплыли из памяти:

«...Думаешь, не зная ласки, не ждешь ее? Еще как ждешь. Как, бывало, болезненно-радостно вздрогнешь от одного-единственного мягкого взгляда или случайного спокойного прикосновения, неожиданного поглаживания! От горько-сочувственного – тоже вздрагиваешь, но совсем по-другому. Душа сворачивается в тугой кокон и не пускает внутрь себя, потому что там и так слишком много лютого холода и тоскливого одиночества.

...Не хотела плакать, само плакалось. А потом и плакать разучилась. Все больше молчком, зверьком... И только иногда не выдерживала, когда ураганом обид разрывало сердце. Вернее, организм сам начинал непредсказуемо разряжаться, и она убегала, пряталась, самолюбиво стеснясь своих слез... Полководец Суворов не плакал, и она не будет. (Няня о нем читала, а ее как пробило: «Я буду, как он!»)» А физической боли она тогда уже не боялась, притерпелась. Но это было позже, лет в шесть...

...Еще в ее ранней памяти осталось окно, за которым шла какая-то особенная жизнь. И она верила, что та жизнь интереснее и добрее. Там жило солнышко со своими яркими теплыми лучиками, оно прогоняло черную ночь и кошмары тяжелых снов, приносило долгожданное утро. Она не ощущала в жизни за окном ничего тревожного или страшного, потому что ничего не знала о ней. Правда, ее печально беспокоили гудки паровозов. (Видно, станция была поблизости.) Она никогда еще не видела поезда, но представляла его себе чем-то огромным, громко несущимся из черной неизвестности в далекое светлое... А иногда сквозь щель неплотно приотворенных внутренних рам доносился тихий замирающий плач запутавшейся в паутине мухи. Сначала было любопытно, потом жалко...

Она всей душой стремилась в тот незнакомый ей, притягательный мир. Но она была маленькой, и требовалось ей жить в этой комнате, заполненной вечно шумящими детьми, в этом суетливом муравейнике... Она ела настоящих муравьев. Они выползали из-под пола. Их все дети ели...

Подрастая, она все ближе и ближе подбиралась к окну. Сначала видела там плывущие облака. Они в разные дни были разные: то белые, как подушки в больничном изоляторе, то пепельно-синие, то оранжевые, ярко подсвеченные солнышком. (Так объяснила добрая няня). С тех пор она полюбила небо и чистые белые облака, сулящие радость. Она уже знала, что на свете есть радость – добрые шершавые руки няни.

И почему-то она никогда не боялась грозы и молний, хотя, как и все, вздрагивала от грохочущих раскатов. Но ведь не боялась! Любила это будоражащее буйство природы и не понимала панического визга детей, их испуганных глаз и лишь с любопытством взирала на них, дрожащих, цепляющихся друг за друга.

И вот она уже умеет взбираться на табурет и дотягиваться до подоконника, вот уже карабкается на него. Какое счастье целыми днями смотреть в окно, где все время что-то меняется! Она сидит мышонком, чтобы не заметили, не стащили, не прогнали. Она снова и снова то приближает лицо к самому стеклу, то удаляет, изучая получающиеся различия. С картинками в книжке она так же поступает. Потому что нравится.

В разное время года и в разную погоду оконное стекло меняется, и от этого даже уже знакомые картинки кажутся другими. Запотевшее окно дает расплывчатое туманное изображение, и жизнь за окном в дождь совсем иная. Да и капли, стекающие по стеклу, рисуют фантастические картины, глядя на них, можно придумывать удивительные рассказы... Она так играет.

Оно – это занятие – осталось с ней на всю жизнь. Вольно или невольно в любых переплетениях линий или в игре цветовых оттенков на любой поверхности она до сих пор находит развернутые сюжеты картин и видит лица – особенно лица! – и с улыбкой наделяет своих «героев» характерами, сочиняет им биографии, интересные сюжеты из когда-то увиденного, кем-то пережитого или просто придуманного.

...А как удивительно сказочно морозное, обледенелое, все в прекрасных узорах стекло! Эти тонкие изящные рисунки она могла изучать часами, блуждая в волшебном лесу, просто водя пальчиком по изморози. Еще стекло можно лизать и делать круглые окошечки-проталинки и попадать в другой, радостно искрящийся мир, и жить в нем, воображая себя кем угодно: зайчиком, припорошенным кустиком, снеговой тучкой... принцессой из той самой красивой на свете сказки, которую рассказывала няня. И тогда уходящий день кажется самым счастливым: радостным и тихим. И нет этой комнаты, нет жалко плачущих детей и сердитых воспитателей – нет ничего из того, что называется детдомом. Зато есть пронзительное, хотя и призрачное счастье. Оно внутри нее. Оно в ней.

...Самая большая радость, которую она чувствует, – это раннее летнее утро, когда через открытую форточку плывет прохлада, слышен легкий шелест листьев, когда чувствуется аромат цветущей акации, растущей в двух шагах от стены их дома. Запахи, запахи... она блаженствует... Она не может про все это рассказать, но чувствует, что внутри нее много-много хороших слов. Просто они еще не умеют из нее выходить, как не умеют пока ходить дети из самой младшей группы. Они перекатываются, ползают, но не могут подняться и пойти. Так вот и ее мысли...

Подоконник нагревается, и она нежится в жарких лучах солнца. Но это еще не вся и не совсем настоящая жизнь. Это только ее кусочек, островок счастья. Настоящая там, за окном, и она мечтает о ней, рисует ее в своем воображении, как мысленно рисует себе зверей из сказок. Она почему-то уверена, что там хорошо.

И вот она на крыльце, на пороге в новую жизнь. Она чуть покачивается, потому что ходит еще не совсем уверенно. Мир оказывается еще прекрасней, чем она себе его представляла. Он такой... он такой... Так бы и стоять, овеваемой живым ветерком... вдыхать запах весны, запах радости жизни, вбирать ласковые лучики, греться, тянуться к ним... Листья на деревьях трепещут – не оторвать от них глаз, и звуки они издают такие приятные, нежные, как музыка души. А на кустике их можно потрогать...

Она еще не знает, что весь этот теплый мир называется словом «красивый». Она жмурится, подставляет солнышку свое худенькое, бледное после зимы личико, ладошки и голый животик. Тепло проникает в каждую клеточку. Ей приятно. Ей так здорово! Так говорят большие мальчики, которые бегают рядом с крыльцом. Они тоже счастливы, кричат от восторга... Ее зовут, толкают, куда-то тащат, а она никак не может очнуться от счастья...

...Как-то вечером она засмотрелась на звездное небо. Оно ее непонятно тревожило. Пораженная призрачным блеском лунного света, размечталась. Всех детей увели спать, а она осталась во дворе одна. В тот вечер она впервые осознала чувство одиночества. Было ей тогда всего три года. Сияние луны ее тревожило, но она полюбила его на всю жизнь.

...Однажды в зеркале (это было в больнице) в первый раз увидела себя. Не сразу поняла, что это и есть она сама. Испугалась чего-то, вздрогнула. Долго издали искоса поглядывала в зеркало, привыкала. Было любопытно, охватывал непонятный страх перед «потусторонней» незнакомкой, прячущейся неизвестно куда в пустом коридоре. И все же осмелилась, подошла,

потрогала и улыбнулась. Немного поскоблила ногтем обратную сторону зеркала, чтобы узнать его тайну. Хотела хоть одним глазком заглянуть в неведомое, в непонятное. Позже кошку застала за таким же занятием. Та тоже искала своего двойника и даже поначалу пыталась воевать с ним. Сравнила свое поведение и кошки, улыбнулась и почему-то смутилась.

...Как-то повели их по улице городка. Она впервые увидела много больших домов. Домашний ребенок сидел на лавочке и ел конфеты. Они остановились, сбились в кучу. И ни в ком не находилось воли отвести взгляд от конфет, исчезающих во рту мальчишки. Не возникло мысли отнять – так сильно все были поглощены зрелищем поедания сладостей, просто заморожены, загипнотизированы. Долго не могли отвлечься, сделаться равнодушными. Пошли дальше. Увидели, как другой маленький мальчик нес кулечек конфет. Заметив большого мальчишку, он стал торопливо засовывать их за щеки... Хулиган крепко держал малыша за волосы и выковыривал у него изо рта розовые шарики. У мальчика текли слезы. Зрители стояли кружком, разинув рты, пытаясь понять... Так в память врезалось...

Потом она еще немного подросла... Сегодня ее обидели взрослые. Она умчала свою беду в лес. Упала, не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Думала про все на свете. А свет-то весь – вот он, один детдом, ни больше и ни меньше. Ей хочется плакать, но не плачется. Привыкла прятать боль в сердце глубоко-глубоко. Оно часто слегка покалывает, напоминая о себе. Только тихие грустные мысли не запереть на замок.

У нее есть дружок. Желая ее порадовать, он делится с ней всем, тем немногим, что у него есть, пусть даже самым малым, но очень ему дорогим: самодельным деревянным пистолетом, рогаткой, просто красиво изогнутым сучком. Но здесь он ей не помощник. Он сейчас стал бы колотить палкой по стволам деревьев или орать до одури, пока не схлынет раздражение от несправедливого наказания, а она тихой мышкой, печальной улиткой сидит под деревом, и крутятся в ее голове маленькие мыслишки об огромных детских горестях.

Почему убежала в лес? Потому что хотела молчаливого уединения. Ее ощущения совпадали с однотонным, жалобным шумом ветра в вершинах деревьев, таким понятным и близким. Его порывы напоминали горькие всхлипы обиженной души. И покорное печальное падение осенних листьев тоже соответствовало ее грустному настроению, слезы подступали, но не текли... Красивые листья зачем-то расстаются с матерью-деревом и погибают. Жалко... (И почему это память выбирает и сохраняет именно печальные моменты?)

Ей в лесу не страшно. Здесь ей вольно и спокойно. Она любит лес, и он ее любит. Она ложится на шуршащую листву, смотрит в небо и улетает на белых облаках в царство, где все люди счастливы. Небо долго не отпускает ее, потому что тоже ее любит. Она это чувствует...

Незнакомый звук притягивает ее взгляд в то место, откуда вот-вот должно появиться что-то живое, роящееся – шмели или шершни. Она не боится их, но из предосторожности все же прячется за дерево. Ей интересно. Она радуется... Встревоженный ветерок принес дождь. Капли шлепают по листьям. Хорошо!

...Спускалась в овраг, а сама думала: «Зачем лезу?» Но мысль была какая-то далекая, глухая. И она все равно продолжала спускаться. Почему?.. Через речку пыталась перебраться вброд. И опять думала: «Зачем?» Не понимала опасности и шла в глубину, пока не сообразила, что может утонуть. С большим трудом выбралась... Потом была жутчайшая яма, где она чуть не погибла. И в нее полезла из любопытства. Дикое желание во что бы то ни стало вылезть, чтобы не опозориться перед малышами, заставило бороться. Наверное, так мир познавала.

Вспоминая лучшие моменты из дошкольного детства, те, что в своей несхожести и неповторимости укрепляли ее и радовали, она понимала, что это по большей части общение с природой, а не с людьми. Природа во всей своей бесконечности и непостижимости тогда принадлежала ей. Так казалось. А вот принадлежать к миру людей так, чтобы он радовал, восхищал, чтобы она любила его, у нее не получалось. Она ощущала сложность окружающей ее природы,

и это нравилось ей, а непостижимый человеческий мир пугал. От него не скроешься, не бежишь.

Ей была по душе простая логика общения с природой: я тебя не трогаю – ты меня тоже, я тебе помогаю – ты мне тоже. А с людьми так не получалось. На добро ей часто отвечали злом, обманом, не испытывая при этом угрызений совести. И ее удивление и возмущение только подтверждали странную тайну их неизбежности и непонимания ею причин таких взаимоотношений. Отторжение себя от плохих людей было единственно приемлемым способом общения. Она не смотрела в их сторону, отворачивалась, сжимала свое сердце в кулачок, чтобы мучительное чувство обиды не разрывало ее душу. А потом убегала в светлый березовый лес или в поле, где бесконечное, спокойное пространство растворяло в себе все плохое. Конечно, не полностью. Грусть всегда оставалась с нею.

Наблюдая за шумно играющими мальчишками, она думала: «Я одна такая тоскливая, или они умеют прятать свою грусть?» В дошкольном детстве она редко предавалась беспечным забавам, только внимательно наблюдала их со стороны, словно изучала.

...Перед отъездом в другой детдом было прощание с доброй няней. И тут она впервые почувствовала, что может любить кого-то из этого неласкового, непостижимо чужого мира взрослых. И в ее душе что-то стронулось, ей вдруг захотелось чуть-чуть соприкоснуться с тем миром, но так, чтобы вовремя спрятаться в свою скорлупу, если больно тронут, грубо зацепят... Няня, даря ей ласку прощания, разбудила в ней сначала слабую, а с годами все крепнущую способность не бояться будущего. Она увозила с собой ее сочувствие и любовь. Ее сердце согревалось няниными объятьями, омывалось няниными слезами. И ее собственные слезы стали в тот момент не слезами горестей и обид, а знаком любви и благодарности к этому доброму человеку. Когда горе расставания, страх неизвестности и радость ласки прощания в один миг сошлись, слились воедино, сердце впервые позволило себе допустить в душу удивительное незнакомое чувство... ощущение настоящего счастья. «Няня меня любила, когда я сама еще не умела любить», – вспоминала она позже.

...Но и в другом детдоме, а потом и в семье еще долго наяву и во сне ее преследовал яростно ненавидящий взгляд жестокой воспитательницы, в ушах оживал ее змеиный голосок. В голове вспыхивали страшные моменты. На смену одной картине являлись другие, не менее отвратительные... Воспоминания эти, часто бессвязные и бессмысленные виделись ей как живые. Она жутко пугалась, начинала непроизвольно сучить ногами, будто пытаясь убежать. Иногда от страха на время теряла голос... как в те печальные годы, уже кажущиеся далекими-далекими... Чаще всего это случалось в первые минуты пробуждения, когда тело уже бодрое, а рассудок еще в тумане. Когда давняя память выступала на передний план и мучила ее кошмарами, оставляя горький осадок на весь последующий день.

(Много-много лет спустя, оглядываясь на прожитую жизнь, она поняла, что никто никогда больше не жалел, не успокаивал ее, никто так не был с ней нежен и ласков, как та няня. Она больше никогда так остро не ощущала любви страдающей. Вот откуда в ней постоянная тоска и неожиданно бурные, вроде бы беспричинные слезы! Душа всегда желала тепла и любви, а их не было...)

Потом появился дедушка, потом бабушка. Но то было совсем другое... и по-другому...

Никогда в ней не было легкой беззаботности, которая дается человеку в детстве, в родной семье и остается с ним навсегда. В ней постоянно присутствовало настороженное, томительное отношение ко всему происходящему, которое накладывала и выказывала болезненная память о прошлом и никогда не исчезающая тоска... Отсюда в глазах грусть и безнадежность, так несвойственные ее возрасту.

– ...Я не задавалась таким вопросом. Не занимала меня эта проблема. Не берусь утверждать, что настал ее черед. – Голос Жанны прервал ход мыслей Инны, и они, вяло заскользив по узким каналам памяти, незаметно рассеялись.

И, тем не менее, немного поспорив с Жанной, Инна опять окунулась мыслями в воспоминания.

...Иногда рассказы Лены окрашивались в цвет сиюминутного настроения... Здесь, в деревне, ее тоже обижали, но никто не слышал ее стонов, и на лице ее ничего невозможно было прочесть. На людях почти всегда улыбка «рот до ушей»: она всем довольна. И никакой взрослый никогда не мог догадаться, о чем она думает. Правда, иногда взгляд грустных, недоверчивых глаз опровергал первое впечатление, не укладывался в привычную схему взрослых, но лишь я знала, что эта ее веселость продиктована глубокой внутренней трагедией, только я иногда видела ее редкие, но такие безутешные слезы. Отрвется где-нибудь за сараем или в огороде, и станет ей легче, хоть и не полностью. Чем еще заглушить свое иждивенческое горе? Чем остудить закипающие жгучие обидчивые слезы? Разве что представить, будто все, что вне ее, как бы отодвигается далеко-далеко и не касается никаким боком?..

А математичка ее сразу поняла. «Лена интроверт. Она только внешне веселая и бесшабашная. Она живет своим внутренним миром, стараясь не замечать неприятных сторон бытия».

Мать... Казалось бы, надо было рассказать ей про все эти девять лет. Но та боялась услышать правду, а сама она не могла начать столь болезненный разговор. (За всю жизнь так и не случилось того, что могло бы их сблизить. Не складывались у них отношения. Так и не стала она родной...)

Лена глубоко запрятала минувшее и стала жить настоящим: непонятным, не полностью осознаваемым, тяготившим ее, как досада или заноза. Непостижимость происходящего в семье беспокоило, больно задевало ее. Незнание распалало воображение. Без правильного понимания прошлого в ней не формировалось истинное настоящее. Каким-то временным казалось ей проживание в семье, в подвешенном состоянии себя чувствовала. Ей нужно было время, чтобы самой во всем разобраться. Еще этот отчим... его злорадные надсадные смешки с привкусом презрения и принижения. Он был в эти годы ее самым большим кошмаром. Из-за него период ее адаптации в этой семье так и не закончился. Ни укрыться, ни заслониться. А эти неопределенные, трудно расшифровываемые взгляды соседок, их невыносимо тягостная неискренняя жалость. В ней сквозили пошлость и непорядочность. Им всегда больше всех надо. К чему беречь запретную тему?.. Дай бог терпения, не природного, натренированного.

Только однажды она сказала бабушке как бы между прочим, мол, иждивенцев и незаконнорожденных детей матери не любят. На откровенность вызывала?.. Почему мать держала Лену в жесткой узде? Боялась ее прямоты? Боялась мужа?.. Вот и стояла Лена перед ней всегда как замороженная и молчала, уйдя, как считала мать, в свою неблагодарность. Что она понимала в Ленке!

...У нее был удивительно красноречивый открытый взгляд. Людям, которые ей лгали, он говорил одно и то же, но в каждом случае по-разному: «Зачем? Я же все понимаю». Взрослые не выдерживали и отводили глаза. Они неловко переминались или раздражались, но замолкали. «Понимаешь, – жаловалась она мне, – вижу, что нагло обманывают, злуюсь, но ничего не могу поделать. Будто в ступор вхожу. Не могу себя перебороть. Не умею «отбрить» обидчика как делаешь это ты». Она так искренне удивлялась непорядочности или неправильности взрослых! Никак не могла привыкнуть. Не хотела...

Возмущалась: «Говорю дяде Леше, мол, зачем вы мешок картошки с размаху на спину забрасываете? Так ведь спину можно сорвать. Мне когда тяжело, я сначала на табурет, потом на стол его взволакиваю, а потом уж на плечи беру и тащу». А сама думаю: перед кем он тут

выхваляется? Кто его тупость оценит? Я, например, за разумный подход в любом деле. И ты думаешь, он меня послушал? Как бы не так! Он же мужчина, а значит, по определению умный. А теперь, как приходит время сажать или убирать картошку, так он в больницу бегом. Жена одна управится, осилит, женщины выносливые. От силы без ума толку мало» Совсем как старушка рассуждала. Мне бы и в голову не пришло приглядываться, кто как работает, а ей до всего дело было, всё замечала, всё пыталась понять.

«А как-то иду на станцию за хлебом. Гляжу, мужики по реке за лещами гоняются. Большая рыба почему-то поверху плавает. А реку уж первый тонкий ледок прихватил. Я заволновалась, кричу, чтобы вылезали поскорее, пока почки не застудили. Куда там! Увлёклись, визжат от восторга, как дети малые. А потом с ними жены будут, как с детьми малыми нянчиться... Ну, не может же быть, чтобы у ребенка больше было рассудительности».

И на меня один раз очень даже рассердилась. Я посмеялась над «заскоком» своей бабушки, мол, каждый год сушит мешок сухарей и прячет в погребе спички, керосин и ящик соли. Так Ленка мне целую лекцию прочитала о жизни своей бабушки: как та с детства батрачила у жестокого помещика, про голод, про три войны. Совсем застыдила. Будто сама все это пережила. Никогда я не видела ее такой злоющей. Оказывается, ее бабушка тоже страдает тем же «недугом». В «печенке» у нее сидит страх перед голодом.

...Лена никогда ничего не просила у родителей. Сначала, сразу после детдома, она не знала, что можно что-то просить, но довольно скоро поняла, что она не тот человек в семье, который может себе это позволить. Конечно, поначалу не всегда ей хватало выдержки не зареветь. Случалось, что детское мужество покидало ее, и она убегала. Какой уж тут триумф воли?.. Научилась и этому. Причем первым делом. Кому охота играть на поражение, есть же самолюбие.

Лена всегда искала в себе созвучие с хорошими людьми. Бабушка для нее была воплощением справедливости и мудрости. Она очень любила, уважала ее подлинную, тихую доброту. Хотела заслужить ее одобрение, мчалась к ней по первому ее слову «в полной боевой готовности». Нет, чтобы как я: взбрыкнуть, отказаться. Говорила о бабушке с нежным чувством, вызывающим слезы. И она ее тоже любила, но внешне своих чувств не проявляла. Защищала. Мать начинала выговаривать, а она ей: «Как ты любишь все усложнять. Не бери в голову, не забивай мозги мелочами».

Не принято было в их семье произносить высокие слова, хвалить, громко восхищаться. Мать, правда, иногда смеялась, но как-то осторожно, скованно. И улыбалась натянуто, безрадостно; что-то ее тревожило, не давало в полную силу порадоваться. Позже Лена поняла: гуляет отец. Жалко ей было мать. И бабушка мало в жизни хорошего видела, оттого и не улыбочивая, но добрая. У нее печальные глаза, скорбно сжатые губы, глубокие морщины, как трещины на обезвоженной земле. Они от недостатка радости в жизни.

Лена рассказывала: «...Старательно орудую частым гребешком. С характерным шорохом падают на газету противные козявки. Я их с гадливым чувством давлю, не давая сбежать ни одной «заразе». У меня волос-то всего: ежик да чубчик. В детдоме не баловали разнообразием причесок, всех на один манер стригли. И где же они, гады, прячутся, где находят укромные местечки? Уж не в ушах ли? Каждый день их рьяно вычесываю, зло уничтожаю, каждую субботу их керосином морю, а они не кончаются. Мне неловко от того, что принесла в их семью этот факт нечистоплотности, поэтому не только не перечу бабушке, не пререкаюсь, когда напоминает, но и сама стараюсь не забывать по три раза на дню исполнять эту неприятную гигиеническую процедуру». Она панически боялась, что в школе заметят ее позор. Боялась слов матери: «Обвинят. Скажут, недосмотрела, запустила ребенка».

Потом еще рассказывала: «...Никогда не забуду, как тяжело болела. Температура далеко за сорок. А моему телу легко, я его совсем не чувствую, такое удивительное расслабление, будто каждая клеточка отдыхает и радуется. Я перестала ощущать боль и пришла в какое-то

одухотворенное возвышенное блаженное состояние. До сих пор его помню... Я не понимала, что умираю. Но мой ангел-хранитель спас меня. А потом была неделя жутко болезненного состояния, ночи мучений. И каждый раз, открывая глаза, видела бабушку, склоненную надо мной или на коленях молящуюся о моем выздоровлении.

Я всегда подчиняюсь бабушке с покорностью и радостью. Она никогда не повышает голоса, но я беспрекословно повинуюсь ее укоряющему взгляду. Я боюсь ее обидеть, сделать не так, как она просит, очень переживаю, если что-то не получилось. Бывало, хожу, опустив голову, и никак не могу извиниться. Язык не поворачивался. Боялась, заговорив о своей вине, заплакать и еще больше расстроить бабушку. Но она умела понять, простить и успокоить взглядом, словом или ласковым прикосновением к моему вихрастому затылку. И меня отпускало.

...Бабушка попросила меня помочь ей отрубить голову гусю, мол, руки ослабели, не удержу и топор и птицу. Какой ужас охватил меня, когда по моей вине этот красавец после совершения над ним экзекуции, вдруг побежал по двору без головы, растерянно хлопая крыльями! Бабушка приказала мне догнать беглеца и завернуть в мешковину. Потом посадила рядом с собой ошипывать. Я преодолевала себя и старательно училась новой работе.

...Но как-то хотела бабушка послать меня на рынок овощи продать. Я взмолилась: «Как угодно наказывайте, хоть на хлеб и воду сажайте, но торговать не пойду – и все тут». А в голосе – страх, что станет бабушка настаивать. Она ушла на кухню, чтобы я сама справилась со слезами. Мне трудно, очень трудно противоречить ей. Сгораю от стыда, что не оправдала ее надежд. Начинаю размышлять, и вовсе становится невмоготу. Ну, не могу я переступить через себя, через то, что протестует во мне и упорно твердит: не мое, не мое это! Я не хочу пересиливать себя, иначе во мне что-то произойдет, сломается. Я это чувствую. И бесполезно на меня давить.

Осторожно захожу в кухню. Бабушка с интересом смотрит на меня. Она что-то во мне понимает. Считает, что в умном благородстве больше достоинства, чем в излишней строгости?.. И я уже знаю – прощена. Я шепчу: «простите», срываюсь с места и бегу во двор. Внутри меня все дрожит. Чтобы успокоиться, я должна поплакать. Это несколько позже я научилась гасить слезы физическим трудом. Умственным – не получалось. Мысли и обиды переплетались, образуя еще бóльшие наслоения раздражения, они свивались жгутами и затягивали в темную бездну непонимания и обид.

...Как ни стараюсь быть хорошей, ошибки все равно совершаю. И не признаюсь. Наказания не боюсь, стыдно... Когда слишком долго откладываешь признание, его сделать становится все труднее и труднее. А потом и вовсе это оказывается невозможным. Пристыженная, я не смею поднять на бабушку глаз. Почему только на нее? Она для меня идеал чистоты и доброты. Стыжусь ее, потому что люблю. От отца вижу каждодневное незаслуженное презрение, от матери – страх за себя. Я ей тоже в тягость. Изводит меня ее страдальческое, упрекающее выражение лица, такое безотрадное, удручающее. А в чем моя вина? Не по своей воле я тут.

Я привыкла к одиночеству, к разговорам с самой собой, к постоянному анализу, перемазыванию и перетиранию любой ситуации, потому что страдания и разлад были моими постоянными гостями. Я не испытываю даже минутной мрачной радости от желания совершать подленькие гадости. Страшно боюсь стать плохой. «Глупо делать себе во вред», – рассуждаю я разумно. – Так почему же иногда попадаю в неприятные истории? Боже мой, Боже праведный! Так ведь по глупости, по неопытности. В детдоме смеялась над мальчишками, над тем, что они сначала совершают поступки, а потом думают. А сама? Но там, в мире детей, все было просто и понятно. Да, случается быть не на высоте... Как говорит учительница: «Это время, когда жизнь состоит из познаний, горьких и грустных уроков, из начал и начинаний. И конца им не видно...».

«Тот давний детский стыд за ошибки до сих пор не забылся. Не переболела я им до конца, не простила себя... Свои хорошие дела мы быстро забываем, а неправильные преследуют и мучают нас всю жизнь», – говорила Лена много позже, уже будучи взрослой.

А меня хранение маленьких тайн будоражило, а не беспокоило, как Лену. Тайны способствовали возникновению взрослого чувства собственной значимости.

«Наверное, многие дети проходят эти врата ада», – говорила Лена грустно, пытаясь усыпить свою взбунтовавшуюся совесть. А мне было странно слышать ее признания. Я проще относилась к подобным мелочам. «Я тоже ни в коем разе не сознаюсь. Бабушка даже в сердцах обзывает меня остервенело упрямой ослицей. Ну и что? Не вижу в том трагедии. Всегда можно придумать себе оправдание», – хотелось мне сказать Лене. Но язык не поворачивался успокаивать ее таким образом. Наверное, глубоко запрятанная совесть сковывала его. В эти минуты я уважала Лену, считала ее выше, тоньше, правильной себя. «Она ведь живет в мире чувств и эмоций, витает в облаках. Она такая романтичная и такая хорошая!» – думала я. Мне хотелось быть на нее похожей. А Лена восхищалась моей уверенностью, нечувствительностью к обидам, способностью легко и просто воспринимать житейские передрыжки. Она не знала, что я часто самым жалким образом отступаю от намерений и обещаний, и при этом самозабвенно навешиваю бабушке лапшу на уши. Сначала виной тому была жёсткая мать, потом привыкла к такому поведению, научилась юлить, изворачиваться.

...Как-то били мальчишки бродячую собаку за дело – курицу сожрала – и Лена занесла палку, но не смогла ударить. Ушла в кусты, чтобы ее нельзя было увидеть и в чем-то обвинить. Но кур и гусей, скрепя сердце, рубила, потому что бабушке одной было не справиться. А что поделаешь? Такова деревенская жизнь, где все всё делают сами. Даже скот забивают: телят, поросят, хоть и жалко бывает их до слез, потому что сами выращивают. Но ведь заранее знают: для чего и для кого... «Проще и добрее деревенских людей с их грубоватой, нежно-жалостливой душой я не встречала», – говорила мне Лена.

...Мать Лене казалась ростом выше отца, потому что была громогласна и строга с ней. У нее один с ней разговор: не умничай. Она боялась ее. Отец тих и каверзен. И, тем не менее, последнее слово во всем отдавалось отцу. В отношениях родителей постоянно чувствовалась недосказанность, будто скрывалась какая-то неприятная тайна. Часто говорили недомолвками. Это раздражало и пугало ее. Ссорились в семье, не доходя до крайностей, и редко. По-интеллигентному. Заканчивались ссоры длительным напряженным молчанием обеих сторон...

Свое школьное детство Лена воспринимала как вынужденное (по причине иждивенчества) тюремное заключение за высоким забором, заточение в четырех стенах. Ни свободы, ни беззаботности в нем и близко не было. Невозможно было изучать окружающий мир. Он был ограничен домом, двором, огородом и несчастными походами за продуктами. Тупая монотонная жизнь. А уж об играх с подругами или о прогулках по селу вообще речи не шло. «Неужели мать не понимает, что я ребенок?.. Все было бы терпимо, если бы не приходилось постоянно сравнивать два мира: свой, подневольный, и свободный – брата и сестер. И становилось невыносимо грустно. Но на них не обижалась. Они ни при чем... Грустила и с еще большим остервенением выполняла каждодневную, отупляющую работу по хозяйству, чтобы отвлечься, забыться. Но мысли-то, мысли-скакуны... их не запряжешь, не обуздаешь».

А работать она любила в одиночку. Смеялась: «Если получится, приятно, что дело быстро сладилось, а коли не выйдет сразу, то не на кого обижаться. Сама позже тишком переделаю и знать никто не будет». «И свалить неудачу не на кого», – подшучивала я. Лена всегда добивалась, чтобы у нее лучше всех получалось, даже если делать приходилось какую-то общую работу. Ценила она в себе достоинство труженика, слишком серьезно к нему относилась. Я не понимала ее, но не дразнила. Даже не знаю, что меня удерживало?

Наших деревенских подруг родители пугали привидениями. А Лену ими не напугаешь, она знала самое страшное – жить в ранние детские годы без родителей. А все эти приведения... такая мелочь!

Школа – вот где для Лены была настоящая жизнь! На уроках слушала учителей, держала весь класс в поле зрения, а руки знай рисовали рожицы. И ни одной одинаковой! Стишки писала и тихонько по классу «пускала». Всё успевала, всё у нее ладилось. Училась отлично, подругам объясняла трудные задачки. И с какой радостью! Она сразу заняла в иерархии класса одну из верхних строчек. Правда, подлинный интерес к учебе у нее впервые проявился только в четвертом классе, когда учительница стала рассказывать о строении вселенной. Зацепило так, что целый урок сидела молча, не шелохнувшись... Но и в школе она была под колпаком, под постоянным присмотром недремлющего ока непомерно строгой с ней матери.

А я плохо выносила пытку уроками. Для меня честь школы и честь ученика часто не совпадали и даже вступали в противоречие. Неписанные законы были мне важнее писанных, по которым сказать правду означало потерять друга. Они освобождали меня от панциря предубеждений. «Бывают моменты, когда дружба дороже истины», – считала я. Но друзья у меня были не из числа школьников, а уличные, потому что своим дерзким поведением я отвратила не только учителей, но и одноклассников. И, тем не менее, та деревня для меня до сих пор, хоть и навсегда потерянный, но милый рай детства.

А Лена не замечала моих фокусов. Когда ей было в них вникать? Ей же надо успеть сделать миллион мелких домашних дел и урвать минутки для чтения. Ведь в нем она видела единственную свою радость в семье. Я никогда не читала в охотку, в кои веки брала в руки художественную литературу, и то, если ее приносила и очень расхваливала Лена. Куда проще прикинуться дурочкой. Спросу меньше. Но я с интересом слушала Лену, когда она на переменах коротко пересказывала одноклассникам содержание книг, прочитанных ночью, под одеялом. И только после тридцати лет меня неожиданно охватила лихорадка приобретения и чтения художественной литературы.

Ленка считала необходимым учиться отлично, а я пыталась держаться крепкой четверки, что до девятого класса мне редко удавалось, хотя Лена, когда я не сопротивлялась, все перемены отдавала мне. А как-то, будто вскользь, заметила удивленно: «Гордишься незнанием и ленью?..» Это потом, в городе репетиторы два года восполняли пробелы, подтягивали мои знания до нужного уровня. Мать не слезла с меня, пока я не поступила в вуз. А Ленка сама как проклятая прорешивала все задачки, которые удавалось выпросить у учителей. Ей доставляло удовольствие получать правильные ответы в самых сложных примерах и задачах.

Было время, когда родители не позволяли Лене водиться со мной, потому что я будто бы плохо на нее влияю, мол, о ней люди по мне будут судить. Ясное дело, подавляли они ее волю, боялись, что выйдет из-под их рабского контроля. Им надо, чтобы она у них по струнке ходила. А она им тихо и сердито дедовы фразочки под нос: «У Иуды друзья были безупречными», «Настоящая дружба делает нас людьми». Вот как клеивала промеж глаз!

Нового своего отца Лена за многое не любила. Старалась проскочить раньше него или увильнуть в сторону, чтобы лишний раз не встретиться с ним, не получить незаслуженную, обидную колкость. Она замечала, как корчится он от злости с каждым ее новым достижением. Но и его ей бывало жалко. А он называл ее уродиной (и это при том, что старшие мальчишки негласно считали ее на мордашку самой красивой в нашем классе). Но что-то внутри нее сопротивлялось словам отчима, и она не придавала им значение. Не трогали они ее. Не нравился ему и ее высокий рост. И он презрительно изрекал, мол, располнеешь, станешь огромной тетехой. А она, оглядывая свое тощее телосложение, с беззаботной улыбкой отвечала: «Когда это еще будет?» И отправлялась во двор выполнять свои ежедневные обязанности. Помимо обычных каждодневных дел ей доставались и самые неприятные. Ее отряжали чистить курятник, тас-

коть вонючий навоз из-под поросенка. Меня начинало тошнить, даже когда я просто представляла, будто делаю это сама. А она спокойно отвечала на мое удивление: «Бабушка одна не справится. Я научилась преодолевать себя. Это совсем нетрудно: настроишься – «и вперед и с песней». Такая шутка у нее была на случай, когда ей было противно. Наверное, именно тогда она научилась укрощать себя и целенаправленно приучать каждый раз делать хоть на немного, но больше, чем делала днем раньше. Может поэтому взрослой она с легкостью управлялась с любой работой, будь она физической или умственной. А вот отдыхать она так и не привыкла.

Все она умела делать по хозяйству. Любая работа была ей по плечу. Никто никогда от нее не слышал: «не хочу», «не буду». То ли врожденное трудолюбие ей помогало, то ли привычка подчиняться старшим? Вот и брал ее отец собой повсюду. Как-то поехал к председателю насчет сена договариваться. По болотам и кустам, в овраге не больно-то много травы нашибаешь, а корове надо в зиму пять возов.

Стыдно было ей слушать разговор взрослых. Директор пищевого предприятия, парторг, депутат, уважаемый на селе человек, а председатель с ним как с провинившимся мальчишкой, пришедшим выпрашивать прощение и готовым чем угодно загладить свою вину. Зло ткнул ему самый захудалый участок за двадцать километров от дома. На нем и трех возов не наскоблишь, как ни старайся. А где остальное добирать?

Не хотела она, чтобы унижался отец и перед бригадиром, чтобы не пил с ним из-за сена. Он и сам не уважал бригадира. И себя в этот момент презирал. Противно было льстиво улыбаться, хвалить, дружелюбно похлопывать по спине. Но не одолеть ему двадцать возов сена. И нашему соседу не потянуть эту «барщину», – он с войны раненым вернулся и чахнет потихоньку... Не отменить крепостнический указ районного начальства, по которому из десяти возов заготовленного сена работнику причитался только один. Вот и пил отец с противным бригадиром, подобострастно кивал, а сам, наверное, в душе плевался, кривился, но терпел. Когда голову скидывал, приглаживая назад остатки своих черно-седых волос, она замечала, как прячет он глаза, избегая ее прямого взгляда. Век бы не видеть такого!.. Вот так и мучились оба от несовпадения души и реальности...

Начальники будто нарочно такой указ сочинили, чтобы унижать одних и давать возможность почувствовать свою власть другим. А отец, зло хмыкая, говорил матери, мол, пусть знает, как молочко достается. Лена молоко очень любила. Но слова эти ее обидели. «Я отработываю свое проживание», – беззвучно шептали ее губы. И при этом бледнело лицо и вытягивалась в напряженную струну и без того тощая фигурка.

Бабушка все понимала и просила ее не спешить осуждать людей, правильно истолковывать, прояснять. А что ей, слабенькой здоровьем, еще оставалось делать, как ни успокаивать, чтобы не ляпнула где-нибудь что-либо по глупости, по наивности да не навлекла беды на их семью... Бабушку она жалела и все приговаривала: «Не плачь, вырасту, выучусь, к себе тебя заберу». Не дождалась, бедная...

Дома и в школе ее вроде бы учили тому, что совпадает с ее сердцем, а в жизни она видела другое, поэтому ничего лучшего не могла придумать, как отгораживаться от реальной жизни, потому что попытки выступить против кого-то и чего-то всегда заканчивались плачевно.

Она молчала, но все равно испытывала стыд, будто врала. И тогда день уже не радовал, и дела не ладились, все летело вверх тормашками, путалось, смешивалось. И ехала ли она на возу с сеном по расхлябанной дороге, повисала ли на веревке, закрепляющей комель (бревно с насечками по концам для веревки, оно прижимало сено, чтобы его не растрясло по дороге), а сама все думала, думала. Лошадь маленькая, а вон какой воз везет... и она сумеет, всё вынесет, всего добьется...

Как-то жаловалась: «Взрослые сами запутывают свою жизнь, а потом говорят «се ля ви», оправдывая свою несдержанность или неспособность противостоять соблазнам. И детям жизнь портят. Они наворачают черте чего, а нам разгребай. От нас требуют честности, а сами

юлят, изворачиваются. Плохие люди затягивают в свои сети хороших, но слабых, ставят их в безвыходное положение. Порядочным можно остаться, если только ты носа не высовываешь дальше своего огорода. А если захочешь добиться большего – ныряй в общий котел». Порой мне кажется, что она в душе так и осталась той наивной девчонкой, не желающей прыгать в котел и отстаивающей свое право на полную независимость.

Никогда не хотелось ей быть как все ни во мнении, если оно не совпадало с ее собственным, ни даже в таких мелочах, как одежда. Только она еще в первый год своего появления в деревне уяснила, что если одежда не нравится, ее все равно придется носить, и если с чем не согласна, обязана будет молчать. «Жизнь заставляла внешне смиряться. А что в душе? Какое кому дело до души, до того, что по-прежнему болезненная память частенько по утрам глумливо откликается голосом гадкой воспитательницы, и шпыняет, шпыняет, пугая и надолго выбивая из равновесия; и что это темно-синее платье точь-в-точь детдомовское, и ее тошнит от него; и что по некоему молчаливому уговору она обязана никогда не заговаривать о... Да ладно, «замнем для ясности». Конечно, достаточно одним глазком заглянуть в ее душу, чтобы убедиться, что она не капризна, не своенравна, просто слишком чувствительна. И я уговаривала: «Не ищи одиночества. Прикладывай усилия, чтобы не остаться одной».

...У каждого ребенка рано или поздно разрушается идеальное представление о родителях или о других любимых людях. Это всегда страшно тяжело, но, наверное, неизбежно. Сложность заключается в том, что у ребенка даже мелкие разочарования оставляют слишком глубокие раны, которые, запрятавшись глубоко-глубоко, кровоточат всю жизнь. Что уж говорить о чужих людях, которых пытаешься полюбить и простить. А если оказывается, что они не чужие... это еще большая трагедия. Лучше бы сразу, наотмашь, если фантазии не хватило придумать интересную байку, похожую на правду... Мы же в детдоме придумывали и верили.

Наверное, можно простить отца и мать, если они оставили тебя большой, а в детстве растили... Трудно полюбить, если узнала их слишком поздно, когда раннее, беззащитное детство прошло без них. Хотя если любят, наверное, можно. Но это если любят... А может, они все-таки чужие?»

...Страхи ее теперь были более осознанные, а потому контролируемые. Раз шла из магазина через речку и напросилась к подружке покататься на лодке. (Очередь за хлебом была небольшая, и она могла позволить себе маленькое получасовое приключение, не опасаясь взбучки от матери.) Но когда очутилась на середине реки, темные, почти черные волны испугали ее. Ей показалось, что они готовы затянуть ее в глубину. Природа перестала радовать. Она уже не разглядывала золотой лес на берегу, не изучала излучины, проемы. Ветер стал резким и холодным, леденил спину. Она с опаской поглядывала на высокие волны и стремительно закручивающиеся струи и ждала, когда же наконец они причалят. «Небо и вода – не мои стихии. Мне нужна твердая почва под ногами», – решила она. Позже сшила себе из подручного материала спасательный пояс. За десять минут, которые давались ей на то, чтобы помыться на речке после работы в поле или огороде, плавать не научишься. Потом, прежде чем на что-то соглашаться, продумывала «детали», осторожничала.

...Дождь она любила с грозой. А «сухие» грозы ей были неприятны, она чувствовала в них что-то мистическое, непонятное, они – как не свершившееся чудо.

...Часто, очень часто случалось с ней такое: отправляется куда-нибудь, но уже знает, что напрасно идет, без пользы. С раннего детства такую особенность за собой замечала. А еще обращала внимание на то, что первая ее мысль всегда была верной, а все остальные ошибочны. И нечего было изощряться. Странное чувство спокойного знания и понимания предстоящих событий у нее само собой возникало. Знаки-подсказки приходили во сне, случались в виде спазмов в сердце, тяжелой головной боли или являлись будто бы чужой внезапной мыслью. Плохое всегда предчувствовала. Но она пугалась своим догадкам, сама, видно, в них не очень

веря. В ней постоянно тлела слабая тревога и неуверенность. А откуда быть уверенности? Со мной-то всегда рядом родная бабушка или мама были.

А простые вещи Лена часто не понимала. Ей первое время не приходило в голову, что при свидетелях не стоит говорить человеку открыто, прямо в лицо о недостатках его поведения – лучше потом, один на один или вообще помалкивать – и вокруг нее замыкался невидимый круг обидчивого молчания. Как-то пожаловалась: «Наблюдала, как компания мальчишек беспрекословно подчинялась одному хулиганистому переростку, выполняла его грубые неприятные приказания. Делать гадости только ради того, чтобы тебя заметили? Рисковать не от храбрости, а по глупости? Покоряться человеку, которого ненавидишь? Не понимаю причину такого повинования. Я презираю этих несамостоятельных ребят. Вырасту и никогда никому не позволю иметь над собой власть. Хватит с меня тирании взрослых в детстве... И эти же мальчишки, попав в компанию младших ребят, бесовестно хвалятся своими подвигами в гадких делах. Хвастаются пороками, грязью, подлостью по отношению к товарищам, неуважением к девочкам. Почему им интересно представляться плохими? Почему нравится хвалиться своей глупостью? Неужели этому можно радоваться? Я не хочу с ними дружить». «И правильно, – успокаивала я ее, – это далеко не лучшая часть наших мальчишек. И их не очень много». Не сразу она поняла, что пацаны врут, сочиняют себе подвиги, чтобы показать себя более смелыми и хитрыми.

«Сочинять можно интересно, красиво, а они...» – возражала Лена. «Чтобы сочинять увлекательно, нужно шевелить мозгами. К тому же их цель – запугать младших или хотя бы приподнять себя в их глазах», – объясняла я. «Уважать за непорядочность?» – не верила она. «Так ведь мальчишки...» – уточняла я. «Мальчишки имеют право быть плохими? Они же просто трусы! Почему ты пытаешься их оправдывать? Пусть хоть кто-нибудь из них посмеет сказать обо мне или о ком-то из моих друзей неправду! Я не успокоюсь, пока не поставлю обидчика на место. Я просто отлуплю его, если он не поймет моих слов», – горячилась Лена. Она не обманывала. Эта девчонка с отважным любящим сердцем на самом деле не боялась мальчишек. В душе она была «гордым, юным рыцарем без страха и упрека», как любили выражаться мои подружки.

Лена всегда выступала на стороне слабого. Когда некоторые мальчишки примыкали к сильным дружкам, ее это ужасно злило: «Мальчишки могут заявить о себе только сбившись в стаю?» С такими, которые теряют индивидуальность, она не дружила. «Что может быть глупее бить более слабого, чтобы понравиться девочке?» – возмущалась она. А еще ей не нравилось, когда ребята стремились победить «противника» исподтишка, обманом. Она утверждала, что хитрость необходима только с настоящим врагом, а со своими она непозволительна. Чудачка!

Как-то я удерживала ее от сумасбродного выражения чувств, а она рассердилась: «Не тормози меня, радость не приходит по расписанию. Сейчас мне весело, и я с ума схожу от счастья, на головах хожу!» «Когда ты в общественном месте, веселись только внутри себя. Может кому-то в эту минуту не очень-то сладко», – возразила я. Она задумалась. А скажи я ей, что так вести себя неприлично, еще не известно, как она отреагировала бы.

Громкий разговор Риты с Аней на некоторое время опять отвлек Инну, но, выслушав их, она продолжила копаться в антикварных развалинах прежних милых добродетелей детства...

...Маленькой она любила тревожащий и будоражащий запах полыни. Смешно объясняла, будто он горький, но интересный, как смелая жизнь. Любила, как пахнет влажная, теплая весенняя земля-матушка. Мол, в ней запах жизни и ожидание счастья. Странно говорила. Но мне нравилось. Я тоже вдыхала, хотела почувствовать, понять. Еще она знала запах снега, а я не могла его уловить. Босиком любила ходить, чтобы землю чувствовать. Относилась к земле с какой-то странной нежностью, благоговением. Откуда это в ней, она и сама не знала.

...Многое со временем и у Лены утратилось. Но кое-что закрепилось цепко, навечно. И это, так называемое «кое-что», отфильтрованное душой, оказалось самым главным, самым

важным не только для нее – ребенка, но и много позже для ее взрослой жизни. Те случаи из детских лет закладывали основу всей ее будущей жизни и всех ее чувств, которые потом обрастали знаниями, пониманием, умением.

А пока все в ней было на уровне первых ярких, чистых и, к сожалению, чаще всего грустных чувств. И как можно такой странной быть счастливой, если она, даже найдя деньги, не могла искренне радоваться, понимая, что они чужие, что их кто-то потерял и теперь горюет. И все же было в ней главное – желание солнечного восприятия маленького (пока маленького) мира, поиск тепла, красоты и радости. Она тянулась к доброте, собирала ее по крохам, воспринимала всем существом, впитывала каждой клеточкой еще не уверенной, полностью не осознающей себя души. И одаривала ею других... не всегда заслуживающих.

Маленькой ей хотелось покоя, тишины, надежности, и она долго принимала это за истинную суть своей души. Но внутренний зов, окрепнув, позвал ее по пути активных поисков яркой радости. Но грустное детство все еще боролось в ней с напорающими бурными эмоциями подступающей юности, заставляя задумываться о прошлом, а не о будущем. Она еще долго освобождалась от избытка энергии длительными размышлениями, хотя уже достаточно отчетливо чувствовала, что мир закрытого детства хоть и не рушится, но уже прячется в глубокие кладовые памяти. «Щадящий период невинного восприятия проходил, и наступало время напряженной готовности к настоящему познанию человеческого мира», от которого она так долго старательно отгораживалась.

И все же она очень медленно пробуждалась от летаргического сна, от всего передуманного, не по годам умного, слишком серьезного, неестественного в ней, причиной которому было ее раннее одиночество. Она еще не знала, что люди с сильными, нежными ощущениями, одухотворенные мечтатели (к которым она принадлежала) и поэты живут более полной жизнью, и подавляла в себе это странное сумасбродство чувств, нахлынувших на нее будто ниоткуда. Будто с небес. И мне казалось, что я знаю ее лучше, чем она знает и понимает сама себя.

...Потом, когда заканчивался учебный год, Лена снова торчала за забором, как прикованная цепью собака. Это я с восторгом бросалась в лето, где были друзья, лес, река, свобода!

А в шестом классе Лена вдруг странно изменилась. Была безмятежная, нежная, ранимая душа – и вдруг проявилась дикарская, невоздержанная. Она сделалась не в меру решительной, острой на язык. Спорила напористо, высокомерно, ехидно. Будто прорвалась плотина, и вся разнообразная накопленная годами энергия выплескивалась наружу. Неудержимая – таким словом я могла бы охарактеризовать тот ее период взросления. И я уже не боялась, что со своей трогательной чистотой и наивностью она не сможет существовать в этом не всегда справедливом мире.

...И вдруг помимо колкостей ей захотелось осторожно попытаться говорить пошлости и непристойности, про любовников и про все такое прочее, не особенно вникая в смысл, не понимая, просто на уровне интуиции осознавая в них что-то запретное. Произошло это у колодца, того, что рядом с клубом. Так сказать, принародно. У нее это получилось виртуозно, с какой-то мальчишеской лихостью. Но гогочущий смех слушателей шокировал ее, ей сделалось гадко. Шуткой она попыталась откреститься от только что произнесенного. Увидела соседку, втайне довольную ее поведением – та даже кривую злорадную улыбочку скрыть не успела. И добрая соседка бросила на нее косой, подозрительный взгляд. А тут еще старшекласник, которому она нравилась, как-то особенно грустно сказал: «Метишь в теории разврата? Не твое это». Она залилась краской и больше «не упражнялась» в пошлости. Долго после этого инцидента я не могла к ней подступиться. Она презирала себя, изничтожала... Что поделаешь. Мы познаем себя через стыд, через преодоление в нас дурного... Много позже говорила с болью: «Почему я так долго и мучительно взрослею?.. Я же всегда хочу как лучше...»

А раз смотрю: бежит по прилеску сломя голову, врывается на поляну и кричит от радости и восторга, подняв кверху руки: «Ура! Три дня свободы!! И у нее такое прекрасное лицо! И закружилась, закружилась... А сама такая тощая, нескладная... и такая нелепо счастливая. Я чувствую легкий укол сожаления: со мной такого не бывает. Мне почему-то тошно и жалко себя... Мне бы догнать, спросить куда намылилась, а я убегаю, на ходу обламывая ветки молодых кустов орешника... Зато у меня есть бархатное платье потрясающего малинового цвета. Ленка с ума сходит по нему. Ей нравится все яркое, сочное, праздничное. Наверное, всегда очень нравится то, чего нет.

...Как-то сказала мне грустно: «Я тупею от этой ежедневной, монотонной сельской жизни. Если бы не школа, мозгами сдвинулась бы. У мамы и бабушки нет времени, чтобы «соблюсти в себе человека». Как заведенные: работа, хозяйство, заботы всякие. Некогда задуматься о себе. Они никогда не отдыхают на природе, не развлекаются. У них нет времени думать о чем-то другом, помимо хозяйства. Они вынуждены жить как животные, в вечной погоне за пропитанием. И при этом утрачивают теплоту взаимоотношений – удручающий недостаток, которой ведет к ощущению исчезновения полноты чувств к тем, кого любят. Они, как машины. Их жизнь похожа на обработку участка земли, не дающего прибыль, на уборку бесконечных авгиевых конюшен. Как в условиях катастрофической нехватки времени стремиться к вершинам духа и творчества?

Отчим, стараясь убежать от забот, от семьи, позволяет себе расслабляться на стороне. И я, беря на себя часть мужской работы, сама того не желая, помогаю ему в этом. Только женщинам в семье от этого не легче. Я еще не знаю, какая жизнь пришлась бы мне впору, но не хочу в будущем для себя чего-то подобного. Я привыкла и даже люблю «вкалывать», но хочу радоваться не только хорошо выполненной работе».

«Все ясно: она мечтает уехать в город. Недобровольное приспособление к нежеланным обстоятельствам требует невероятных усилий. По себе знаю. Так вот почему она учится отлично, – поняла я. Взрослым часто приходится скрывать в душе тяжесть, которой хотели бы поделиться. Но у Лены есть я. И никогда после откровений мы не испытываем ни малейшего чувства неудобства, ни ощущения неполноценности».

...Лена стала такой разной, особенной, замечательной, точно смесь нескольких уникальных личностей. То как дикий мустанг носилась, выполняя какое-нибудь поручение бабушки, то, выгоняя скотину на выпас, как легконогая козочка, скакала по дорогам и канавам, наслаждаясь полной временной свободой и напевая что-то восхитительно нежное, придуманное на бегу. И вдруг совершала головокружительные прыжки с высокого берега в реку или кубарем скатывалась по крутому откосу на самое дно оврага. Ни минуты на месте не могла усидеть. Ела обычно очень быстро, глотая пищу, чуть ли не на ходу. Время для общения экономила, минуты выгадывала. Стала верной сообщницей тех моих подростковых проказ, которые укладывались в ее строго регламентированное время. Приобретенная осторожность не мешала ей «ходить на головах» в школе и верховодить в классе. Просто она делала то же самое, что и мальчишки, только с умом. О чем ни разу не пожалела. Такой она мне нравилась... А как-то сказала смущенно и радостно: «Я в восемь лет была меньше ребенком, чем в тринадцать».

А участвовать в набегах на чужие сады и огороды категорически отказывалась. «Мне было бы неприятно, если бы кто-то отряс мою любимую яблоньку или вытоптал грядки, на которых мы с бабушкой целое лето «пахали», – говорила она, упрямо отвернув от меня свое раздраженное лицо. – Я сразу представляю, как чужая бабушка, увидев безобразие в саду, охнет, опустится на ступеньку крылечка, уронит свои тяжелые руки на колени – и так ей будет горько и обидно». Она всегда чужие беды примеряла на себя и жалела людей. Может, поэтому никаких ее серьезных проказ моя память не сохранила. В ней не было обычной детской бесшабашности, безоглядности, легкости. Она не умела мстить, ненавидеть. Могла только сочувствовать или не любить.

Мне казалось, что она малость отмякла душой, и все грустное в ней ушло, или она навсегда похоронила его в себе глубоко-глубоко и наконец-то стала сама собой. Оказалось, не совсем ушло... Долго еще она смотрела на чужой праздник жизни; своего не ждала. И хотя дух и сознание ее разносились все дальше и шире, детство пробивалось из глубин ее души и заставляло страдать, тем более что поводов тому в ее семье было предостаточно... И все равно улыбалась. Говорила: «Глупо открыто дуться. Не стоит давать лишний повод позабавиться или поиздеваться на мой счет, если кому-то придет такая охота. Уступая мудрому соображению, разумнее не нарываться». А передо мной ей не надо было притворяться.

А как она в редкие минуты свободы была благодарна чуду жизни, как радовалась солнцу, дождю, хрустальному воздуху, как наслаждалась брызгами воды! Я чувствовала ее тесный контакт с природой, которая помогала ей раскрепоститься. Ее душа в эти моменты открывалась миру, и она была такая нежная, ласковая и такая счастливая! Ей хотелось радостно жить, искренне восхитительно мечтать. Она, сама того не замечая, говорила в рифму что-то нежно-восторженное, прелестное, и я в эти минуты не позволяла себе ее прерывать. А дома постоянное подчинение выливалось у нее в грустно-горестное осознание себя ночью, на бумаге. И в нем она не терпела постороннего вмешательства.

...Помню день рождения Лены. В школе ее все поздравляли, за уши драли. Хохоту было! Шла она домой не спеша, опьяненная радостью, восхищенная прекрасной погодой, дышала всей грудью, песню какую-то напевала. И я радовалась за нее. Вдруг остановилась и говорит мне, что хоть раз в году имеет полное право никуда не торопиться. А тут ее бабушка из-за плетня кричит, руками машет, домой зовет. В голосе Лены слезы: «У меня же праздник...». Бабушка просит: «Коровушка отелилась, теленочек замерзает в сарае. Сегодня, как нарочно, минус десять. Помоги, детка, одной мне его в хату не затащить». Глянула Лена на меня грустно и молча пошла домой.

...Ленин восторженный образ поселился в моей памяти и уже не позволял находиться там тому другому: грустному, безнадежно-тоскливому. Но я знала, что за всей этой смелостью, уверенностью, бесшабашной бравадой или внешним спокойствием все равно скрывались сомнения и неуверенность и что все равно она часто замыкалась, отрезая себя от внешнего мира, казавшегося ей очень неправильным.

...Один раз иду я в магазин. Гляжу, Лена стоит с бабушкой в своем дворе за плетнем с истерзанным, заплаканным лицом. Та выговаривает ей за что-то насчет отца и, повторяя свои наставления, приглаживает на ее затылке разлохмаченные патлы. А она, терпеливо и уважительно слушает, не поднимая глаз, смущенно бормочет что-то невразумительное, и фартук, который она теребит в руках, темнеет от слез. Я так и застыла от удивления. Такая ершистая и вдруг... За что ей бабушка пеняла? Чему же я стала немой свидетельницей?.. Осторожно, чтобы не выдать себя и не выглядеть в глазах Лены идиоткой, я отошла от плетня... Умела бабушка подбирать ключик к ее поведению и настроению. Мать к ней боялась прикоснуться. Между ними всегда стояла стена непонимания. Отец вообще ее игнорировал.

Как-то открылась: «Глаза у бабушки к вечеру в темных провалах, взгляд тяжелый, стылый. Видно, сильно болеет, но молчит, терпит, поблажек ни в чем не просит, сама справляется. Нет, чтобы вытребовать. Мать – дочь ее – за своей работой совсем махнула на нее рукой. («Свои проблемы еле успеваю разгребать. Вся во власти нервов». Так моя бабушка говорила.) Вот и помогаю ей во всем, не отлыниваю, угадываю каждое ее намерение и бегу выполнять. Ведь она каждый божий день в пять часов поднимается корову доить, а я дрыхну до семи. Я бы тоже вставала ни свет ни заря, да на уроке боюсь заснуть. Стыда ведь не оберешься. Перебарывать сон под монотонный голос учительницы очень трудно, получается только, когда вожусь по хозяйству... Жалею я бабушку, потому и слушаюсь.

Вот обедаем мы раз с братом и сестрами, суп молочный едим. Высунули изо рта макаронины, представляемся курящими. И такие мы довольные собой! «Не играйте едой. Грех. Так и разбирает вас за столом!» – возмутилась бабушка. Я не обиделась. Сама знала, что такое голод, и слышала, как бабушка горбатилась за кусок хлеба. Но и подурачиться хотелось. Дети ведь еще»...

И ведь до сих пор хранит бабушкин ситцевый, белый головной платок с голубой каймой. Старенький такой, линялый...

А у меня «лекции» моей бабушки в одно ухо влетали, в другое вылетали, ничего не проясняли. Я умела подыграть, чтобы она отстала. Цель достигнута, я довольна. Чего еще надо? С матерью я считала за благо понуро отмалчиваться. Она и врезать могла. А это тебе не фунт изюму. Мне за глаза ее нотаций хватало.

...А как-то увидела Лену рядом с обидчиком. Взвилась она не на шутку. Кровь бросилась ей в лицо. На мгновение глаза зло сверкнули. В ее тихом яростном голосе было столько сдержанной силы, что он ушел. Побежал, опасливо оглядываясь. Не пустилась она за ним вдогонку, только презрительно фыркнула. Мальчишка не отличался особым умом, а тут сообразил, что в такой момент с ней лучше не связываться, иначе ему несдобровать. И я поняла, что защищая себя или кого-то другого, ей дорогого, она могла и ударить.

Потом она на самом деле научилась защищать подружек. Городской задохлик, милая мордашка, ясный, открытый, простодушный взгляд создавали впечатление слабости и безволия. От нее не ожидали получить сдачи. Вот тут-то и крылась заковка: ловились чужие мальчишки на ее бесхитрость и якобы незащищенность. Подобный обманный маневр для мальчишек – ее коронный номер, но не преднамеренный.

Она не визжала, как многие девчонки. Действовала молча, спокойно, не опускалась до оскорблений и унижений. Не терпела улюлюканья. Из ее цепких жилистых рук вырваться было невозможно. (Не могла она себе позволить быть посмешищем.) Как в тиски брала запястья нападавшего и жестко спокойно смотрела в упор... Она никогда не плакала от боли.

Это быстро подняло ее на вершину подростковой иерархии. Лично меня удивляла не сила – тут все ясно: ежедневные тренировки если не с топором, то с лопатой или с десятками ведер с водой, с цементным раствором творили свое надежное дело, укрепляли здоровье, – а ее недетское бесстрашие и стойкость. А вот от обиды могла расплакаться... и очень даже легко.

(Инна чуть не расхохоталась вслух, вспомнив вдруг выпученные от изумления и страха глаза подвыпившего назойливого молодого человека, попытавшегося в порыве неукротимого вождения позволить себе на ходу слегка приобнять Лену за плечи. А она спокойным движением отвела игривую руку и резким толчком препроводила нахала к стене выставочного зала, в который мы направляли свои стопы, притом так, что тот влип в нее, как приклеился. Мутные глаза его зло полыхнули. Но Лена еще крепче притиснула его и, мгновенно подложив ладони под нижнюю челюсть, крепко прижала его голову к шершавой поверхности фигурной панели и... медленно демонстративно подняла колено для удара.

Наверное, любвеобильный ловелас-неудачник сумел оценить железные тиски нежных ручек моей подруги. Он быстро протрезвел и, поняв с кем имеет дело, как бы шутя поднял руки кверху, демонстрируя свое поражение. А я испугалась, что выцарапает Лена зенки обидчику, и не была готова соответствовать «торжественности момента». Пронесло. Не слышала я, что Лена шепнула молодому человеку на прощание, но через стеклянную входную дверь я видела, что он еще долго стоял столбом, «изучая» выносную афишу, призывающую ознакомиться с масштабной экспозицией шедевров столичного художника, и все колупал, колупал свой наморщенный непосильными мыслями низенький лоб... А было тогда нам с Леной за сорок. Я приезжала в то лето к ней в гости.)

...Раз нашла Лена в подвале разрушенной церкви клад старинных медных монет. Отдала в школьный музей. И другие дети стали приносить деньги из сундуков своих бабушек. Осо-

бенно впечатляли огромные, бумажные деньги, дореволюционные. Но хулиганы разбили стеклянную витрину и по всей деревне разбросали монеты. Ей было обидно и горько. Для всех хотела... Она всегда старалась для всех. Долго не могла успокоиться. Не понимала тех мальчишек.

Помню, случай с коровой меня рассмешил, а она рассказывала о нем как о чем-то серьезном, очень важном для нее. «Обычно я корову гнала из стада домой веселым свистом, и она слушалась меня. Хворостину применяла лишь в том случае, если ее несло за компанию с другими животными на чужой огород или на колхозное поле, и то лишь когда она не подчинялась моему грозному окрику. А в тот день я раздраженно хлестнула коровку со зла, сорвала на бессловесном животном свое плохое настроение, потому что родители меня незаслуженно наказали.

Марта приостановилась, оглянулась и посмотрела на меня таким обиженным взглядом своих огромных грустных глаз, что мне стало жутко стыдно за свой поступок. На удивление выразительно поглядела, осуждающе. Мол, я слушаюсь, а ты... Даже длиннющие, белесые ресницы ее вздрогнули... До боли в сердце жалко ее стало. Не ожидала я от коровы такого осмысленного поведения. И так нехорошо мне вдруг сделалось, когда вспомнила, что режем мы кур, гусей и поросят в ее присутствии. А если она все понимает? А если и те... тоже... Отбросила я хворостину в сторону, руки сзади замком сцепила, иду, голову повесив. И коровка моя тоже идет домой задумчиво, ни на что не отвлекаясь...»

«А за что тебя наказали?» – не утерпела спросить я.

«Пастух почему-то слишком рано оставил стадо, не довел до деревни. И тогда те коровы, что были в конце стада, не слыша щелканья кнута, почуяли волю и ринулись на клевер – известное коровье лакомство.

Я сразу сообразила, почему нет моей буренки в стаде, и бросилась на поиски. За потраву правление колхоза крепко наказывало рублем. Отловила я свою милую хулиганку на клеверном поле, схватила за рога и пригнула ее морду к земле. Знаю, что только в этой позе я смогу ее одолеть. Она упирается, взбрыкивает задними ногами, а вывернуться из неудобного положения не может. Продержала я буренушку, кормилицу мою в такой позе пару минут, и она сдалась...

В общем, лишили меня родители воскресного фильма, который я зарабатывала целую неделю. Не пустили с девчонками в кинотеатр. Наказали самым желанным. «Сами не выпускают пораньше, чтобы я погуляла немного с подружками за селом и корову не упустила, а потом винят, – грустно возмущалась она – Других детей родители не наказали, а мне мои не спустили. Ничего мне с рук не сходит... Не привыкать. Я не имею права ни послушаться, ни высказать своего мнения... Вот и стеганула Марту. Дура я, конечно, беспардонная, гадина. Скотина-то безответная»...

Лену мать часто ругала за то, что ей казалось, а на самом деле не было, потому что не верила ей и не понимала. Трудно понять душу ребенка, если он столько лет жил вне семьи. Ее никогда не хвалили. А ведь похвала, как солнечный лучик, – и радует, и греет.

Лена была вылеплена в божественном саду своей души, но огранку ее и доводку производила реальная жизнь. Учителям казалась, будто ее воспитали в спешке – сплошные пробелы. (Не знали о детдоме. Родители сказали, что она раньше у деда в городе жила.) Она была в чем-то ниже, а в чем-то выше нас, ее подруг. А как-то смущенно, стыдясь, сказала мне по секрету, что иногда чувствует свое некоторое превосходство над ними. Но никогда не проявляет его. Я не обиделась за это ее странное ощущение. Мне самой порой так казалось.

Непостижимо добрая, наивная, без жеманства, чистая, открытая и очень доверчивая, Лена не умела лгать. Не было в ней никогда злого умысла, мелочности, ревности, зависти. Ненависть и злоба – несовместимы с ее солнечной натурой. Она часто переживала разочарования, потому что считала, что все должны вести себя, как и она: всё принимая, с доверчивой

серьезностью. Это типа того: слушала «Рио-Рицу» и хотела, чтобы все танцевали. Она не принадлежала к той реальности, в которой жила, но ей приходилось принимать правила игры. То ли это были последствия детдомовской жизни, то ли такова была ее суть, но ребячий опыт, усваиваемый домашними детьми с молодых ногтей, она постигала с трудом даже уже будучи взрослой. Тяжело переносила эти уроки, дорого платила за наивность.

Но в ней для меня было главное: она умела понимать. Она могла объяснить, почему я плачу, почему дерусь, привередничаю и многое другое. Я, полагаясь на взрослых, о многих вещах просто не задумывалась, а ей поневоле приходилось. «Я чту людей, если они меня любят. Я лгу, чтобы их осчастливить. Правдивыми, откровенными и ласковыми могут быть только девчонки, да и то не все. В основном дуры», – смеялась я. А она мне отвечала: «Я достаточно быстро поняла, что «пай-девочкой» быть намного проще, чем лгать, изворачиваться или проявлять агрессию. Воюй не воюй – никому из взрослых дела нет до причин, вызывающих твое раздражение. Накажут, не разбираясь, и все. Тогда какой смысл бузить? Свою энергию можно и в мирных целях очень даже неплохо использовать». Дурное не прививалось и не закреплялось в ней.

А как она любила музыку! Музыка господствовала в ее душе. И это, как она считала, при полном отсутствии голоса и музыкального слуха. В музыке для нее не было границ. Она безошибочно в любом жанре находила лучшее, гениальное. Музыка преображала ее. Как она органично сливалась с тем, что слушала с удовольствием! И меня рядом с ней переполняла красота, и я, попадая под ее чары, пробуждалась, приходила в состояние экстаза и рвалась к вершинам и мечтам без пафоса, но с любовью.

Мне казалось, что музыка для нее – не только подпитка положительной энергией, но и процесс общения с высшими силами. А вот лет до шести тишина для нее была выше любой музыки, ее она больше всего ценила. Музыку научилась понимать с тех пор, как она стала рождаться в ее собственной голове. Первый раз у нее это случилось за год до школы. Музыка неожиданно заставляла ее в самых неподходящих местах: за мытьем полов, на верхушке яблони, за работой в поле. Она до слез сожалела, что не может записать услышанное и поделиться со всеми неземной красотой. А много ли мы слышали красивого из хрипящего и окающего радиоприемника?..

Может, именно за эту восторженность ее некоторое время называли актрисой. Она не потакала этой кличке. А одна-единственная фраза о том, что для того, чтобы актрисе подняться на пьедестал славы, ей надо сначала низко опуститься, категорично отвратила Лену от желания слышать ее в свой адрес.

Как-то задумчиво и очень серьезно рассказывала об отчима. «Красивым и непутевым был. Девушек соблазнял. Сын у него родился вне брака. А тут война... Знаешь, почему он не погиб на войне? Мама сказала ему: «Не будешь грешить – выживешь. Бог тебя спасет и мои молитвы». Так он за всю войну ни одной девушки не тронул и за четыре года ни одного письма не написал сокурснице, которую полюбил перед самой войной. Все письма и деньги отсылал родителям и той женщине с ребенком». Потрясла ее эта правдивая история. «Зато теперь отыгрывается на твоей мамаше с полным удовольствием», – зло заметила я тогда Ленке. Я ненавидела ее отчима.

О книгах – особый разговор. Тут совершенно другие чувства подхватывали ее и уносили в необъятное пространство фантазий. Она забывала обо всем на свете, кроме содержания книги, наполненного ее мечтами, ее смыслами. Пространство и время то растягивались, перебрасывая ее в неведомое, то сжимались в точку, заставляя хоть на миг вернуться к реалиям и осмыслить прочитанное.

Лену изумляли чудеса словесного строя. Она непонятным образом чувствовала музыку слов. Нет, не только музыку странствий, которую в книгах слышала и я, а именно музыку слов.

Она говорила восторженно: «Ты понимаешь, как к месту здесь стоит «но», а не «и»? Если здесь поставить «и», то нарушится гармония и даже смысл сказанного». А мне было все равно – «но», «и» или вообще без них. Чудачка! Ну ладно бы в стихах, а то в прозе! Она восхищалась: «Ты обрати внимание на слово «задействовал». Как оно здесь здорово подходит! Я пробовала заменить его другими словами и убедилась, что оно самое точное при описании этого события. Интересно, автор подбирает подходящие слова или у него это получается само собой? Может, именно в этом и состоит талант писателя?» Позже я узнала, что это называется обладать вкусом к слову, чувствовать слово.

Лена сочиняла по просьбе учителей стихи в стенгазету, могла зарифмовать любой разговор между людьми, любой текст – все это было из головы. Но стоило ей написать строчку по велению сердца, остановиться она уже не могла. Рука еле успевала записывать и тогда она просто начинала говорить вслух торопливо, захлебываясь словами. Звенел звонок и ей приходилось бежать на урок. Но еще долго она не могла успокоиться, потому что во время написания этих стихов, она приходила в неимоверное возбуждение. Все внутри ее дрожало и трепетало. Глаза сияли, рот пересыхал. Она ничего не замечала вокруг.

«Слова, – говорила она, – это магические формулы, которые позволяют открыть врата познания и развития, ведущие к высотам духа». Ей нравилось говорить красиво. В этот момент она и представить себе не могла, до какой степени эти слова могли бы изменить всю ее дальнейшую жизнь, вникни она в них со всей глубиной и серьезностью своего юного возраста и поставив их во главу угла всех своих желаний. Но она была иждивенцем и должна была заботиться о материальной стороне своего будущего. Тут не до высоких материй.

Когда она читала, то и время счастливо летело, и мысли радостно теснились в голове, и душа наполнялась восторгами, каких не бывает в реальной жизни. От этого ей хотелось делать что-то особенное, прекрасное. И хорошо, если рядом никого при этом не было, никто не отрывал от книги, не рывкал, не гнал. Но как редки были такие минуты!.. Как-то родители застучали ее с братом. Они до полуночи с механическим фонариком «жим-жим» читали книжку... Ох уж эти незатейливые детские хитрости! Наверное, все через них проходят.

И все-таки самым ее счастливым временем были минуты перед засыпанием, когда она была истинно свободна. Она мечтала, чтобы в сутках было сорок восемь часов и половина из них – для ее счастья, чтобы уходить в параллельный мир, где настоящее детство: много свободы и радости. На этом ее фантазии заканчивались. О большем она не осмеливалась мечтать.

И вдруг влюбилась. То был всем годам год! Ей открылось очарование первой невинной любви. Влюбилась ярко и нежно, с присущей ее бескомпромиссной, слишком правильной натуре оголенной беспомощностью. Она в любви была так мила! Ее взросление в этом плане проходило легко и просто. Ее мечты были честны и чисты. Эта любовь была искренняя и счастливая. Ей ничего не надо было от предмета обожания – только иногда видеть его. Не было касания рук, только смущенные взгляды, редкие неловкие фразы о пустяках и еще – «Мне бесконечно жаль своих несбывшихся мечтаний» Цфасмана, и самое грустное на свете «Албанское танго».

Любовь осветила ее жизнь радугой радости, которой у нее раньше было слишком мало. Она была благодарна этой влюбленности, как никакой другой являвшейся впоследствии. Она нашла рай, о существовании которого прежде не знала, о котором не мечтала. Она вся находилась во власти настоящего счастья. Влюбленность разбудила ее, открыла ей чудный мир. На нее повеяло предвестием прекрасного будущего. Ей так хотелось жить! Может, поэтому каких-то особых потрясений в подростковом возрасте она не испытала. На ее счастье юноша, в которого она влюбилась, был милым, целеустремленным и очень порядочным. Он все понимал, но, как и она, не позволял себе подходить к ней ближе, чем на два метра.

Через год еще один молодой человек ей понравился. Взрослый, избалованный девушками. Но была паника, страх перед его распушенностью. И она преодолела себя, вышла побе-

дательницей. Не поддалась красавчику. Самолюбие спасло. А меня доконал мой изматывающе долгий безнадежный роман, начавшийся в преддверии выпускных экзаменов...

Потом один мальчик подарил Лене открытку, на которой был изображен Московский университет, и всё в ее мечтах, а позже и в судьбе на многие годы определилось. И она говорила мне: «Я бесконечно благодарна родителям. Хватило ли бы мне силы воли в детдоме учиться на отлично? Может меня отправили бы в ремесленное училище?» ... Но Андрей все равно сломал ей жизнь...

Я отдаю себе отчет в том, что душа Лены никогда не была Армагеддоном. Она никогда не взрывалась, потому что слишком много размышляла, анализировала внутри себя. Это моя была постоянным местом бурных вспышек битвы добра и зла. Такой я зародилась.

... При первой же встрече в нас что-то пробудилось. Но отношения сложились не сразу. Лена долго ко мне присматривалась, пока не нашла во мне то, что долго искала: простоту, искренность, верность. И я в ней, смею надеяться, увидела то же самое. Выслушает, ничего не требуя взамен, не осудит, не предаст. Она не покидала меня ни при каких обстоятельствах, как другие. Детские обещания и клятвы обычно не налагают обязательств. Только Лена не старалась от меня отделаться или отгородиться под разными предложениями, если я наломаю дров. Мы тяжело расставались, когда я уезжала в город.

Она меня выбрала. И наши души оказались слитыми воедино. Только мы с ней осознавали глубину и необходимость нашей дружбы. Мы такие разные. Что нас притянуло тогда и всю жизнь связывало, я до сих пор не пойму, только лучшей подруги мне не встретилось... Ее слова всегда имели для меня решающее значение, хотя тогда я этого толком не осознавала. Мне просто хотелось быть рядом с ней, учиться, работать вместе. С ней всегда было просто и ясно... Теперь мне кажется, если бы не Ленка, еще неизвестно что бы из меня выросло...

Вот так и росла Лена, на самом деле и виртуально «набивая шишки, подхватываясь и снова падая», оставаясь чистой и на удивление правильной.

И я, помнится, открывалась Лене.

«... Я, как ни силюсь, не могу ничего вспомнить из своего самого раннего детства. Говорят, так бывает со счастливыми. Потом две жутких трагедии случились одна за другой. Сначала ушел от нас папа. Я тогда чуть с ума от горя не сошла. Чем я его обидела?.. Сквозь злые обидчивые слезы, казалось, долго еще видела спину навсегда уходящего отца.

Ребенок должен, пока ему мало лет, верить всему самому фантастическому, самому невероятному и чудесному. А отец, оставив меня, разрушил тонкую связь между иллюзией и действительностью. Он лишил меня детства, лишил возможности гордиться им. У меня и так было не очень много веры в людей, а после развода родителей она окончательно пропала. Отец ее уничтожил. Этого он добивался, покидая меня? «Как он мог?.. Очень даже мог... и все так просто, буднично». Нервная я стала, издерганная. Все не по мне. Все с криком, с истерикой. «Как же мне жить дальше, на что надеяться? Господи, помоги и вразуми!.. Да святится имя Твое», – молилась я перед сном совершенно искренне и яростно.

У мамы появился сожитель. Так называли его соседки. Я звала его дядей Гошей. Его никто не любил. Я это чувствовала. В тот день мама и бабушка на него кричали, в чем-то упрекали. Я не вникала. Мне было противно слышать: «Заслужил, ну так получай на полную катушку!» «Чересчур усердствую? Пощадить? С какой стати!» А дальше – больше... «Устроили показательную порку, стерли в порошок. Получалось, на его долю доброты в них не хватало. Другой давно преспокойненько смылся бы, а этот слушает, интеллигентность проявляет, что ли?» – хмыкнула я, и раздосадовано махнула рукой, проходя к себе в спальню. Еще и дверью демонстративно грохнула.

Дядя Гоша сидел на диване напряженный, застывший, как статуя. Мне казалось, он сдерживается, чтобы не ответить женщинам тем же, а он, отталкивая ругань каменной непроницаемостью, оберегал свое сердце. Потом он вышел на улицу подышать. Я, гонимая неясным чувством опасности, выскочила ему вслед, удивив тем самым маму. Была ли в этом поступке еще и доля любопытства – не помню.

Некоторое время я просто смотрела в направлении удаляющейся сторбленной фигуры, потом пошла за ним. Я не понимала, куда и зачем он направлялся. Это меня беспокоило. Долго, в метрах в пятидесяти от меня маячила нескладная тощая фигура дяди Гоши. Он шел неуверенно. Ноги слегка заплетались и волочились, как у пьяного, хотя он был на этот раз трезвым. Дышал прерывисто, подрагивая плечами. Его поводило из стороны в сторону. Мне сразу припомнился мой восьмидесятишестилетний деревенский дед, шедший с сенокоса. Его тоже шатало и заносило от усталости.

Дядя Гоша шел, широко расставляя ноги и выставляя в стороны острые локти, как это делали новорожденные цыплята в коробке, куда их помещала бабушка обсушиться. Выглядел он неловким и нелепым, но что-то удерживало меня от смеха. Во мне почему-то нарастала тягостная непонятная тревога. Вдруг он забеспокоился и суетливо, мелко-мелко переступая, направился к газону. Его еще больше закачало. Я догадалась: боится падать на асфальт, земля все-таки мягче... Упал, неловко скорчившись.

Я никогда раньше не видела кончины, но почему-то догадалась, что сейчас на моих глазах умирает человек. Детская паника сменилась недетским ужасом. Я остановилась, чувствуя, что следующий мой шаг к нему уже не нужен. Поздно. Ему уже не поможешь. И все-таки подскочила, схватила за руку. Еще услышала расплющенный до неузнаваемости голос, предсмертный хрип... Наверное, я должна была заорать, но я молчала. Страх перед смертью пережал мне голосовые связки. Дядя Гоша ничего не просил. Он пытался справиться сам. Он еще не верил, что началось то, чего никто не может изменить...

– Люди! Скорую! – заорала я, придя наконец в чувство.

Мальчик, по всей видимости, школьник-старшеклассник, поддернув плечом тяжелую сумку, метнулся к телефону-автомату. Я продолжала сидеть на коленях, не в силах сдвинуться с места. Мое тело мгновенно ослабло, как от болезни. Вокруг нас толпились набежавшие откуда-то люди. Они тихонько переговаривались между собой. Кто-то трогал больному пульс на запястье, кто-то поднимал веки. Какой-то ребенок, не поняв происходящего, не к месту хихикнул. Женщина в струящемся длинном платье вытолкнула его из круга.

А дядя Гоша лежал на животе, неловко подвернув под себя правую ногу и выставив локтями вверх свернутые руки-крылья, будто делал слабые тщетные попытки взлететь. Сразу осунувшееся лицо смотрело в мою сторону полуприкрытыми неподвижными глазами. Оно, как всегда, ничего не просило...

Зачем-то вспомнился мой вопрос отчиму: «Вы воевали и все знаете. Американцы лучше немцев?» Он криво усмехнулся, и я сразу все поняла. Взгляды и мимику взрослых я понимала лучше слов. Слова могли лгать, изворачиваться, быть неточными...

Поддавшись неожиданно накатившей на сердце тяжести, я откинулась навзничь на траву, закрыла лицо руками и взывала громко и горестно. Наверное, в этом бессловесном плаче слышалось людям что-то смутное, может, до конца не представляемая детская невнятная просьба к кому-то для нее по-настоящему еще не существующему... Вдруг услышала свой собственный голос и, словно испугавшись чего-то, умолкла, и уже только тихонько всхлипывала... Это была моя вторая утрата... И этот меня оставил. Навсегда...

Почему плакала? Я не успела полюбить этого нескладного беззащитного человека, а может, – останься он в живых – так и не полюбила бы, но мне было очень жаль его. Ему было пятьдесят два, мне – десять. Явился как бы ниоткуда и ушел в никуда... и все же оставил болезненный, чувствительный след. Может, я не только его, но и себя жалела. Тогда эта трагедия

притушила многие мои детские обиды. И в жизни нашей семьи надолго наступило затишье... А я перестала на лето приезжать к матери в город. Лена сразу все поняла. Другие понимали лишь какую-то малую часть меня, а вот Лена – доподлинно и полностью».

Накрыла меня сегодня горячая волна воспоминаний детства...

...Зато взрослую Лену, я думаю, никогда не одолевал страх того, что не приживется на новом месте, потому что, наверное, не держал ее, как многих дом и постоянное желание в него вернуться. Кто ее ждал, кто в ней нуждался? Разве только бабушка. Но та сама там была словно не на месте, будто не родная. Вроде как по необходимости... Способность приживаться – слишком малая компенсация за отсутствие любви.

А может, эта старая хата, где прошло несколько лет ее жизни, именно из-за бабушки стала ей родной? Ведь она хранила в себе заботы, беды и радости ее школьного детства. Она помнила ее первую счастливую наивную влюбленность, слезы разочарования в людях, первое осмысленное понимание ценности человеческого ума, надежности, трудолюбия. И много еще чего...

Ведь говорила же, что больше нигде не испытывала того покоя, который окутывал ее в хате, когда оставалась в ней одна, вольная в своих желаниях фантазировать, слушать по радио музыку и не думать ни о чем грустном. Могла без страха вбирать в себя остатки звуков усталого дня, благодатную тишину вечера и мечтать, мечтать... Это только кажущаяся сродненность со студенческим общежитием может постепенно исчезать, потому что в нем не оставались те, кто тебе стал дорог. Все со временем разлетались. И то ведь какой глубокий след оставило! Долго еще трепетала душа при одном упоминании о нем...

...Вот и провела я прямую линию от Лениного непонятного грустного детства до взрослой жизни. Непрерывную? Скорей всего, пунктирную. Или изобразила что-то типа азбуки Морзе с черточками разной длины. Где точки – там уверенное знание, где пробелы – там невозможность понять и предпринять осмысленные действия. А отрезки прямых и есть те самые случаи из жизни, о которых рассказывала мне Лена.

Линия жизни не бывает прямой. Она – из непредсказуемых зигзагов. Только время жизни не повернешь вспять, можно только изменить скорость ее истечения. Всякому известно, что когда чего-то ждешь, время тянется мучительно долго. Мое время идет только в связи со мной, а для других оно течет иначе, согласно их мироощущению и даже настроению. Для кого-то оно проскакивает поездом без тормозов, для кого-то тянется улиткой. Скорость течения времени разная в течение года и даже в течение одного дня. Избежать однонаправленности времени можно только воспоминаниями. Тут возможны скачки, перебежки, повороты на сто восемьдесят градусов...

Воспоминания Инны хаотичны, стремительны и немного печальны... И промелькнули они быстро-быстро, как фильм в ускоренном режиме при перематке пленки.

Каждая о своем...

Женщины молчали. У каждой перед глазами стояли свои прекрасные или опасные моменты жизни. Кире припомнились первые очень тяжелые роды, счастье появления сына. Жанна смотрела в окно, и в ее глазах почему-то блестели слезы. Лера вспомнила их с Леной беседы в МГУ. Она к ней в гости приезжала. Лена еще не привыкла к новому коллективу, очень грустила, и поэтому, найдя в ней понимающего человека, делилась глубоко личным.

«В раннем детстве я часто была грустна и одинока. Постоянно находилась в ожидании чего-то непонятного, неосознаваемого, в смысле доброго, злого или печального. Томимая этими чувствами, в лесу, парке, во дворе одна подолгу сидела в темноте, пытаюсь что-то осмыслить, до чего-то докопаться своим несформированным детским умишком. Не любила шумных

игр, пустых разговоров, не несущих информации. Пыталась нырнуть в глубину жизни, выудить оттуда что-то хорошее, близкое моему чувствительному сердцу. Вспоминала теплые моменты общения с детьми и взрослыми. Любила подолгу смотреть на людей, слушать их речь, проникать в смысл.

Иногда меня занимали травинки, жучки, облака, ветер. Я прислушивалась к его порывам, подставляла ему руки, лицо, чтобы лучше почувствовать. Запахи вдыхала, разделяла на составляющие, радовалась. Ходила медленно, задумчиво, будто присматриваясь, прислушиваясь к жизни вокруг себя, готовая в любой момент защититься, скрыться, исчезнуть из поля зрения неприятного. Лишь иногда бывала порывистой. Не сказать, что была пуглива. Нет. Просто все вбирала в себя и мало выплескивала. Душа была открыта миру, но не людям. Природа всегда радовала во всех проявлениях. Я улыбалась солнцу, облакам, цветам...

Люди часто печалили, раздражали грубостью, несправедливостью, непорядочностью. От них я ждала беды и боли, их страшилась, избегала. Каждый жестокий случай безжалостно резал по сердцу, оставляя долгий болезненный след, заставлявший прятаться в глухую скорлупу неверия, нежелания общаться. Я представляла, что их, этих плохих, для меня уже нет. Отворачивалась, прикрывала глаза, проходя мимо. Мне даже казалось, что притуплялся слух и другие ощущения, когда я находилась рядом с людьми, обижавшими меня или моих друзей. Никто не учил меня этому. Моя натура всегда выбирала доброе, светлое, красивое. Может, у всех детей так. Не знаю... Это потом, немного повзрослев, дети по-разному отвечают на зло взрослых: кто звереет, кто приспособливается, хитрит, юлит, а кто отгораживается. Выбирают, кому что ближе или проще.

А я, взрослея, постепенно училась выискивать хороших людей и улыбаться им, потому что интересны они стали тем, что в разных ситуациях проявляют себя не одинаково. Трава растет, и я всегда знаю, что с нею станет весной, летом, зимой, а с человеком непонятно, какой он будет уже в следующую минуту: гневлив ли, ласков ли, угрюм. Ведь не будет же молодая женщина заигрывать со стариком, улыбаться, счастьем светиться, как если бы с молодым. И вдруг она за старого идет замуж...

А директриса детдома, может, и бывала когда человеком, но я не видела. Только столбом гордым и пренебрежительным, да овчаркой бешеной являлась перед детьми. Вот и все. А какая она со своими детьми, с мужем, с мамой своей старой? Тоже вепрь? Тогда их жалко. Людей всегда жалко больше травы и животных. Сердце сильнее за них болит. Почему? Наверное, потому, что я тоже из этого «стада». Бывает же стадо коров, косяк рыбешек, стая птиц...

Муравья я могу обидеть, даже съесть, когда хочется кисленького. Почему? Потому что он маленький или потому что вкусный? Я же рву и ем дикую лесную грушу и не переживаю. А муравей живой. Его жалче. И рыбешка живая, а я ловлю ее и тоже ем, когда голодная. Все едят, и я ем. Так жизнь устроена. И курицу ем, хотя и редко. Очень люблю, даже слюнки текут, когда праздники вспоминаю...

Взрослого человека я могла обидеть словом, взглядом. Помню, ох как я зло посмотрела на воспитательницу! Так было за что. А чужак даже сплюнул, увидев меня такой. Мол, мелюзга поганая. Брысь отсюда. А за что? Не я же виновата. Обидно было. А когда я научилась обижаться? Думаю, очень давно, когда стала различать взгляды, интонации, когда получала первые шлепки. Ждала теплых, мягких, добрых прикосновений, а получала раздраженные оплеухи. Я их помню. Удивлялась, возмущалась громким ревом. И за это тоже доставалось. Терялась, скулила щеночком...

Почему ждала доброты? Откуда знала о ее существовании? Я думаю, все дети изначально запрограммированы на добро, рождаются с желанием любви и ласки... Любить себя просто, а вот любить другого надо учиться. В этом я не сомневаюсь ни на йоту. Но почему же я мало

себя люблю? Когда наказывают ни за что, у ребенка сбивается программа, и он ищет разные пути-выходы. Вот тут-то и возникают варианты характеров, правда, Лера?

На луну и звезды любила смотреть. Притягивала неземная прелесть ночного неба. Не страшила, а звала таинственно, ласково, трепетно. Не будоража, умиротворяя. А иногда погружала в нежную грусть, тонкую возвышенную печаль, звала в неизвестное, в далекое-далекое и потому не пугающее.

Когда одиночество сжимало сердце, я представляла себя одной из маленьких звездочек, на короткое время опустившейся на землю. Я чувствовала себя в их вечном хороводе уверенно и спокойно. Они всегда со мной. Если даже скоротечная тучка на время прикроет их, они не бросят меня, как бросали люди... Я долго не выросла...

Метели не боялась. Она – зимний дождь. Одно плохо – холодно. Мне всегда не хватало тепла и внутри, и снаружи. А когда нашу хату, – я тогда уже жила в семье, – засыпанную до крыши снегом, откапывали, я не осознавала ужаса и с восторгом воспринимала это редкое, неожиданное, особенное событие. Взрослые не охали, а только ахали – наверное, отсюда мой взгляд на это интересное явление. Мне не хотелось, чтобы нас быстро спасли. Я хотела продолжить игру. И только потребность в воде заставила смириться. Может, на мои эмоции положительно повлиял рассказ бабушки, что такое в ее детстве было не раз.

Процесс спасения людей из-под снега всегда в моем сознании выливался во что-то шумное, веселое, праздничное. Он сопровождался разного рода новыми познаниями. К примеру: наружные двери хаты надо навешивать так, чтобы открывались внутрь коридора или что разумно рыть траншеи к воротам и сараям, а не норы. Я представляла лабиринты, по которым ходят люди, а вокруг безлюдье, потому что их не видно. И это казалось мне удивительно увлекательным, фантастическим или сказочным. Игра, а не жизнь!..»

Я понимала, грустит Лена без своей подруги Инны. Я слушала рассказ Лены и со своим детством его сравнивала.

«Я тогда думала: жизнь не богата радостными событиями, и счастлив тот, у кого есть добрая веселая семья, в которой все дружно работают, помогают друг другу, не требуя ничего взамен, не выпячивают свою значимость. Вместе отдыхают, радостно смеются, не вредничают, не завидуют, не лгут, не хитрят. Хорошо, когда в семье все просто и естественно, открыто и честно; где музыка, книги и поделки, где все уважаемы и любимы в равной степени, а не безразличны, злобны и алчны. И тогда каждый день, как праздник нежности, душевной щедрости. Где не сюсюкают, не ахают-охают. Любят просто, спокойно, ласково, без дерганья, ревности, неверия и ничего не делят. Мне легко было этого желать, я видела и знала другое...»

Я тоже посвящала Лену в свое каникулярное деревенское детство... Иконы жмутся в углу. Рядом иконостас из фотографий. Здесь дед молодой, а тут обомшелый совсем. Сидит сгорбленный, угрюмый, как урытый. Бабушка – красавица писаная. Не гоже им рядом висеть. Вдосталь насмотрелась. Бабушкины рассказы о дедушке помню. Он был хорош, импозантен. Знаток всего, что связано с лошадьми, бегами, скачками. В молодости он бабушку превозносил, боготворил. Ее популярность росла, его же все дальше отступала в тень. Он ревновал ее к успеху, испытывал злорадное наслаждение, представляя, как приятно было бы ему, если бы она исчезла с горизонта славы. При этом без всякой видимой причины и повода расточал вокруг себя благосклонные улыбки. Его спрашивали, когда он появлялся в компании один: «Чьим заботам вы доверили супругу? Кого вы удостоили чести проводить ее домой?» А потом он вовсе пропал. Оставил ее с двумя детьми. Бабушка скрывала сей факт. Только подлинное положение дел разве утаишь? Оно немедленно выяснилось. Иначе на что у нас досужие тетушки...

Припомнила приезд деда через много лет отсутствия, желание бабушки показаться молодой, красивой, в блузке и юбке из молодости, которые странно смотрелись на ее теперь уж полноватой фигуре и при сильно постаревшем лице. Хотя, надо заметить, эта одежда все-таки

молодила ее. Взволнованное и смущенное лицо матери тоже помнила. И еще свое удивление, непонимание. Зачем нарядилась перед чужим мужчиной? Закралась смутная догадка, что он бабушке не чужой. Пыталась связать концы двух непонятных нитей: «Он – отец моей матери, она – мать матери. А жена у деда другая. Вторая? Тогда он не вдовец, а разведенный. Но разве мог он оставить такую прекрасную женщину? Он же хороший. Боже мой, бабушка его первая жена?! Не может быть!»... Глупая, маленькая была...

Мать тоже чувствовала неловкость за бабушку. Что она думала? «Бабушка всем видом показывает, что веселая и счастливая?» А мне казалось, что взволнованная, возбужденная, даже взбудораженная, как от встречи с первой любовью своей юности. Видно, так оно и было. И дед какой-то встрепанный, тоже смущенный, растерянный, неуверенный. Места себе не находил. Тыркался туда-сюда, то ко мне повернется, то к дочери. То нож в руки возьмет, то рюмку по столу подвигает, то откроет следующую бутылку при недопитой первой. Всё вроде приятно и радостно, все возбуждены встречей, а если присмотреться, глубже копнуть, тайна какая-то проглядывала из тумана прошлого.

Тайна была для меня, а не для взрослых. Нет, чтобы объяснить ребенку. Мучайся тут, разгадки сочиняй. Две бабушки при одном дедушке. Получается, это обычная, хотя и неприятная житейская драма? Наверное, для моей бабушки это жутко тяжелая встреча с прошлым. Но как держится! Может, радость встречи затмила боль долгих лет разлуки? Зачем дед приехал? Неужели захотел увидеть свою давнюю любовь, мать своих детей? Может, совесть замучила или что-то наподобие ностальгии с возрастом проснулось?..

Тянет же меня увидеть деревенских друзей, хочется знать их судьбы, заглянуть в переулки детства, окунуться в былую наивную радость, вдохнуть, пусть измененный, но все же воздух тех мест: лесов, лугов, огородов. Это воздух не такой, как в городе. Он роднее, слаще, теплее, гуще. Насыщенный душевностью, событиями, ласкающими душу... Теперь он уже почти без боли, обид, горечи, потому что он из прошлого. И поэтому настоян на радостях, на тумане забытья, на добрых выжимках хороших моментов...

Ах, бабушка! Милая бабушка. Всем в любом возрасте хочется помнить только о хорошем, надеяться на лучшее. В тот день она открылась мне другой гранью своей души: искренней, трогательно детской, незащищенной, любящей раз и на всю жизнь, такой странно хрупкой. Вспомнила рассказ о любви ее родителей между собой и к ней. Вот она откуда, ее вера, любовь к мужу до гроба. Она винила только ту женщину, потому что без памяти любила. Она не могли винить любимого. Он для нее, несмотря ни на что, безгрешен и прекрасен. Вот такая арифметика. Ее любовь до сих пор идеализирует его, не позволяет признать недостатки, поверить в греховность его помыслов и действий...»

Лере другой рассказ Лены вспомнился.

«...Посылая мое фото своей дочери, дед на обороте надпись сделал: «Папы и мамы от Лены». Я уж тогда поборник грамотности, не только не исправила ошибки, но даже сделала вид, что не заметила их. Мне было девять лет. Детское чутье подсказывало, что это будет выглядеть грубо, бестактно, безжалостно. Старик ведь писал. И с таким старанием выводил большие, чуть дрожащие буквы! Может быть, с любовью. Конечно, с любовью... А я ведь тогда вообще ничего не знала об этой новой семье, но понимала, что меня в нее отправляют. И откуда у детдомовского ребенка чувство такта? Может, природное, от тех самых малограмотных, но таких тонких, умных и порядочных?..»

Понимали мы с Леной друг друга...

Опять Лена о деревне вспоминала.

...Приехала я в деревню. Вышла из поезда. Прелестное тихое утро. Под лучами на удивление яркого августовского солнца искристо серебрились лиственные деревья лесополосы, через которую проходил мой путь. Деревья выглядели так нарядно, так празднично, что, каза-

лось, в душе у меня вот-вот запоют соловьи. «Блажен, кто посетил сей чудный уголок», – мурлыкала я бездумно. Сразу ощутила, до чего неторопливо течет время в деревне, как оно успокаивает и умиротворяет!..

Пересекла росистый луг с низким густым мощным травостоем, столь плотным, что при всем желании не добраться сквозь стебли пальцами до жирного, влажного чернозема. «Такого, как у нас, луга не сыщешь в других краях», – улыбалась я. – А вот знакомая мне с детства копань, по-местному копанка. Увидела, и мороз по спине продрал. Я даже зябко и нервно передернула плечами. Вспомнилось из детства: «Ой, гиблое место, засосет!» Здесь у меня впервые пробудился страх перед жизнью, точнее, перед смертью. Остро, проникновенно ощутила. Поразилась слабости человеческой. Помню, цепляясь за кусты и траву, молилась все откровеннее и отчаяннее. И после благополучного завершения «выползания» из топи продолжала нервно бормотать схваченные общей мыслью обрывки молитв.

...Деревенская жизнь воспитывала меня сменой болей и радостей, острыми, рвущими душу впечатлениями... Почему копань странным образом притягивала меня? Говорят, будто влечет к себе страшное, таинственное. А меня, как и в детстве, оно больше пугает...

Иду дальше и вспоминаю, как, возвращаясь из школы, мы часто катались по этому пахучему ковру, наслаждаясь природными пуховыми перинами, мягче которых не бывает во век, а намаявшись, запыхавшись от избытка эмоций, останавливались и замирали, замороженные розовым закатом, быстро сгущавшимися теплыми спокойными сумерками. И в тот момент мне казалось, что это райское место, где вся земная доброта, тишина и красота собрались вместе, чтобы радовать, восхищать и умирять рвущиеся вдаль и вширь души маленьких сорванцов с их детскими, а подчас и недетскими мыслями, заботами, мечтами.

...И вдруг вспоминала островок бед, страхов из очень раннего детдомовского детства и не понимала: зачем он нужен мне здесь, в долине счастья? Чтобы напоминать о том, что не все в этом мире нам на радость, что всюду подстерегает каждого из нас неизвестное, тайное, опасное, которого мы должны бояться, чтобы не забываться и всегда помнить: зло существует, оно всегда где-то рядом? Оно тянет, требует познать его, испытать, преодолев себя, или избежать, обойти его. Поэтому во мне просыпался страх? Чтобы оградить, уберечь от ненужных бед? Ведь существует разум, чтобы решать: бежать или побеждать. Бежать надо от пустого соблазна, глупого геройства, от искушения легкой победы. Да мало ли еще от чего. Конечно, без риска не взорлишь, высоко не поднимешься. Но инстинктивный страх заставит задуматься, и тогда разум и совесть встанут на охрану человеческого, порядочного во мне... Эко меня повело на размышления! Видно копань – место такое, располагающее к философии...

Вот старая школьная аллея – живая память юных лет, место милых секретов. Под этим дубом и я прятала записки, вложенные в коробку из-под зубного порошка. У нас считалось постыдным выставлять напоказ свои «сердечные раны». В этой аллее эхо уже нашего прошлого, потеснившего в ее памяти пережитое родителями в войну.

Картинки детства одна за другой выстраиваются в моей памяти... И они вполне узнаваемы. Но как заросла аллея. Как сцепились ветвями дубы и тополя. Кусты проросли щиром, лебедой, крапивой и лопухами. Все переплетено диким виноградом и повиликой. Не пробраться сквозь джунгли.

А вот и прогалки. Нет теперь моих любимых тополя и березки, как нет уже моих лучших друзей детства Лили и Толика. Во имя чего они так рано ушли, вознеся себя на алтарь Добра и Света? Всевышнему нужна была эта крестная жертва? Разворошила, растревожила я бесконечные нетленные кладовые своей памяти... И каждой весной в этой аллее по-прежнему цветет белая акация, опьяняя других мальчишек и девчонок, и также неумолчно гудят деловитые пчелы...

А вот эта улица заставила сердце забиться учащенно. Первая влюбленность, первое свидание. Вот его дом. Но живут там незнакомые мне люди. И от этого сделалось ужасно грустно

до слез. «Никого из родственников у него здесь не осталось. Не приедет. Никогда больше даже мельком не взглянем друг на друга...» Помню, в один из приездов кто-то опустил руку на мое плечо. Я вздрогнула от неожиданности. Его соседка. Поняла мои мысли. Деликатно, тактично помолчала, повздыхала...

Лера более поздние слова Лены к месту вспомнила:

«Меня измена Андрея сразу вернула с облаков на землю. Я не стала искать ему оправдания, хоть и любила его... Возможно, твоя бабушка хотела сохранить ранний образ мужа, когда он еще любил ее, потому что его все годы не было рядом? Она сберегала свою душу его и своей любовью, чтобы не сломаться, не превратиться от обиды и боли в мегеру. Она не казнила память о нем, не хаяла, а несла его образ перед собой по жизни как икону, как факел веры, как путеводную звезду. Она всю жизнь ждала его. Ведь без надежды на любовь смысл жизни теряется, радость жизни исчезает и остается только работа ради существования.

...Мне иногда кажется, что у животных тоже есть любовь. Может, неосознаваемая, но есть. Ведь что-то держит их рядом. Некоторые виды одной парой до конца жизни идут. Что их притягивает? Только ли инстинкты да рефлексы? Ну, бог с ними, с животными. Тут с людской породой не удастся разобраться сполна, во всю глубину, бесконечную, бездонную.

...Я бросила на весы судьбы свою любовь и наши отношения в будущем. Взвесила и сама себе выбрала дорогу. Правда, тогда я еще не знала, что уже ношу под сердцем свое счастье. Но вряд ли это что-либо изменило. Минусов много больше и для меня, и для ребенка... Жить рядом, ежедневно видеть, мучиться... это выше моих сил». – Так считала Лена...

Эмме вдруг свой подарок деду вспомнился. Туфли купила ему по окончании вуза. Он так смутился. Я думала, что не понравились или он понял, что они очень качественные, дорогие, а я студентка. Так нет же. Я его жене не купила подарок! Он знал мою нелюбовь к ней, и, тем не менее, не хотел, чтобы я открыто ее выражала. Наверное, его задел, обидел мой поступок. Он растерянно и неловко совал мне в руку деньги и тихо бормотал: «Комбинашку, комбинашку купи, шелковую». Сказать, что я была не в восторге от его просьбы, это значит ничего не сказать... но я, не желая обидеть деда, пересилила себя, взяла деньги, купила, и скрепя сердце, подарила... Горькое чувство стыда и внутренней несовместимости не исчезло. Оно до сих пор царапает.

Я о его второй жене даже не вспомнила, покупая подарки всей родне, потому что не любила. По ее милости моя родная бабушка несчастлива... Но я могла бы подумать о нем. Она же его жена, и ему, конечно, хотелось, чтобы я не обижала ее, не оскорбляла. Да, она не стоила его, моего любимого деда, да, она намного хуже по душевным качествам моей родной бабушки. Но он худо-бедно прожил с ней много лет. И я должна уважать его выбор, не перечеркивать своим поведением его жизнь. Это его жизнь и, наверное, в ней было что-то хорошее, раз он не расстался с этой женщиной. Не по инерции же он катил все эти годы? Не только же чувство мужского самолюбия не позволило ему вернуться к бабушке. Наверное, была у него к той женщине любовь в каком-то там ему только понятном виде и отображении. Я не имела права ни корить, ни осуждать его. Он сам выбрал свой путь, и то, что я считаю ошибкой, для него может быть благо.

По отдельным репликам в семье я замечала, что дочь – мою мать – дед любил сильнее, делился с ней заботами, проблемами, жаловался на что-то. Они хорошо понимали друг друга. Сын был рожден, когда дед вернулся к бабушке после годичного «отсутствия». Но видно, прежняя любовь в нем угасла. Он уже тогда был на распутье, пытался разобраться в себе. Долг и новая женщина разрывали, растаскивали его сердце в разные стороны. Не так был любим сын, зачатый в смутное время его души. И нечего самой себе доказывать, что, мол, ничего подобного. Факт есть факт...

А может, дед будней не выдержал? Вторая жена чаще праздники устраивала. Наверное, была спокойна, легка, нарядна, весела. А бабушка под гнетом забот, которые взвалила на себя, стараясь угодить любимому мужу, была всегда усталой, измотанной. И дети были сыты, и в доме чисто, и пироги всегда на столе горячие. Да видно не то ему было важно... Из последних сил весела, энергична. Но не было в ней той беззаботной легкости неработающей бездетной женщины, живущей только для улаживания мужа.

Бабушку я любила как никого на свете. И сейчас, когда ее уже нет, люблю. Жалею ее бессильные старческие слезы. И деда, несмотря ни на что, люблю, потому то жалею и оправдываю. Не по своей воле ушел, заставили, а потом привык, телом был с той женщиной, но душой рвался к детям. Судя по рассказам, стыдился своего слабого поступка. И мать, видно, давно простила деда.

Быть несчастливými – наша наследственная судьба? Просматриваю, прослеживаю родословную. Мать моя, проглатывая стыд и обиду, несла крест измен мужа, пока не заработала шизофрению, я, глупая, любила недостойного, и кончилось всё тяжелой болезнью. Всевышний спас. Дочь моя разумнее нас оказалась, вовремя ушла от мужа. Может, счастливее будет? Хотя какое счастье без любви? Милая бабушка, что ждет твою правнучку? Если душа твоя на самом деле витает где-то над нами, подскажи. Там, наверху, говорят, все умнее становятся...

Сколько нас таких... несчастливých?.. А теперь странные отношения (интеллигентные?) вижу я в семьях своих родственников и друзей. Расходятся, мужья женятся, а первые жены – если не замужем – поддерживают дружеские отношения с их новыми семьями, с их новыми женами. Ну, только что не гарем. Ох, наверное, дорого им обходится эта дружба! А может, они таким образом, по-другому, чем моя бабушка, сохраняют в себе свою любовь и не дают развиться ненависти? Вроде бы он, бывший муж, еще остается немного ее? Уважает, ценит, советуется (если не смотрит сычом). А вторая жена разве не ревнует, не боится, что вернется он в первую семью? Наверное, не боится, если терпит этот «союз». А может, боится, потому и терпит? Такая вот многозначная система уравнений. А говорят, раньше редко расходились. Видно, это верно только для деревенских жителей».

Усилим воли Эмма переключилась на разговоры подруг.

Вина

Лере вдруг вспомнилось, как она приезжала в деревню к Лене, и та делилась с ней впечатлениями одного студенческого лета. Они тогда лежали на диване. Дождь хлестал за окном. О прогулке в лес не могло быть и речи. Все располагало к задушевым разговорам.

– ...В тот приезд домой чужая судьба навсегда запечатлелась в моем мозгу. Из памяти изгладились многие события того печального лета, смутно припоминались лишь отдельные моменты, а это сохранилось. Не хотела вспоминать, да вот вспомнилось...

...Тропинка тогда тоже вела меня мимо ремонтных мастерских. Из ворот вышел высокий, крупный, плотный мужчина лет так под сорок пять-пятьдесят. Я сразу узнала его, вернее, догадалась, кто он, и почему-то не сомневалась в своей догадке, хотя видела его в прошлом году всего лишь один раз со спины.

Я заметила соседа издали, когда черты его лица были еще расплывчаты, неясны. Выделялись только темные волосы и поразившие меня два чистых, ярко-синих огонька на белом, неожиданном для деревенского жителя лице. Странные глаза: очень крупные и словно подсвеченные изнутри, лазурные. Никогда не встречала таких по мощности излучения, по теплоте. Они смотрелись как два маяка или этикие частички солнечного майского неба, от которых трудно оторваться.

Еще меня поразило его удивительно доброе лицо, которое, когда наши взгляды встретились, в секунду стало неподвижным, каменным. В глазах застыли боль и страх. В них читалось:

«И она уже знает...» С трудом отвела взгляд. Попыталась сделать вид, что не узнаю или ничего не знаю. Я же только из писем мамы черпала информацию о соседях...

Внезапно нахлынули слова утешения, поддержки. Хотелось назвать его сильным, верным своим детям, поблагодарить за терпение, за надежную опору, за горькие, но прекрасные страдания во имя их счастья. Хотелось сказать, что горжусь его мужеством, победившим самолюбие и глупый мужской гонор, людскую жалость, непонимание и презрение некоторых мужчин, хотелось объяснить, что уважаю за умение разумно расставить жизненные приоритеты.

Хотелось закричать: «Вы достойны великой любви! Любовь к детям держит вас рядом с ними, придает силы. Дети пока не в полной мере понимают ее, но они повзрослеют и оценят. В моих глазах вы герой, настоящий человек. Вы во много раз лучше тех, кто кичится силой тела, потому что вы сильны душой. Я восхищаюсь вами». (Ты же помнишь, какой восторженной я была в ту пору.)

Боже мой! Сколько теплых, ярких, искренних слов признательности застряло в моем горле.

А я ничего не сказала. И мои глаза больше не встретились с его взглядом. А все почему? Побоялась вторгнуться в чужую жизнь и навредить. Подумала, что не поймет, обидится, если вынесу на поверхность его души то, что он прячет в самую ее глубину. Боялась сочувствием нарушить зыбкое равновесие сил и чувств, которое ему удастся столько лет сохранять в себе во имя семьи. Вдруг я явлюсь той последней каплей в его терпении и толкну его на безрассудный поступок? А он такой красивый, добрый, редкий...

Изобразила безразличное лицо. И этим тоже могла обидеть. Поздно, я не подготовилась, не успела сделать вид, будто не догадываюсь, кто передо мной. Я не смогла быстро принять разумное решение, не справилась со своими чувствами. Немудрено, что растерялась. Слишком мало было времени на размышления. Ведь сначала я ощутила лишь свое волнение, а когда захлестнули эмоции, не удалось мне направить мысли в нужное русло. «Не представилась возможность не спеша, трезво оценить ситуацию», – оправдывала я себя.

Я медленно прошла мимо, опустив глаза, с трудом пересиливая желание оглянуться, а потом заторопилась, чтобы скрыть свое запредельное смятение, разброд чувств, щемящую боль за несправедливо обиженного, жестоко наказанного судьбой человека. Быстрой ходьбой я старалась заглушить ноющую боль неуверенности.

«Что сказал ему растерянный взгляд посторонней девушки, опешившей от неожиданной встречи? Понял ли он мое смятение или его в данный момент обуревали свои более сильные, скорбные мысли униженного человека?» Он шел медленно и тяжело, онемевший, под грузом своей непосильной, многогранной беды. Но от меня не ускользнуло, что он тоже не подал виду, что узнал меня. А может, мне это только показалось или то был результат его нервной заторможенности? Стараясь совладать с волнением, вопросами к себе я пыталась загасить фонтан своих все разрастающихся эмоций.

Я сразу представила себе бестактных, подчас пьяных работников МТС, их грубые насмешки, грязные, ежедневные намеки, то громкие, то затихающие при виде его, пошлые рассказы о поведении его жены с очередным, кратковременным «хахалем». Сердце мое сжалось до спазм от непосильного давления чужой беды. Чувства поглотили меня. Я остановилась, прислонилась к березе, чтобы прийти в себя.

Обидно. Ни у кого из его детей нет небесно-чистых, удивительно добрых глаз, у всех серо-зеленые, наглые – матери. Так писала мне мать... Какой же он все-таки молодец! Не пьет, не устраивает потасовок, чтобы не пугать детей. Пытаясь сохранить семью, переезжает из района в район. Все надеется, что жена перебесится, ей ведь уже далеко не двадцать лет.

Опять склонилась к березе: задохнулась его горем и уже осознаваемым его старшими детьми позором. Две его дочери уже старшеклассницы. Женщины меньше язвят. Сочувствуют своим «подругам по несчастью», вот и помалкивают. Мужчины более жестоки. Почему? У

них крепче собственнические чувства, приправленные уязвленным мужским самолюбием и неуверенностью? А может, я, наивная, ошибаюсь, меряя мужчин своей женской меркой? Не доросла еще до понимания их психологии, не имея личного опыта.

Женщины часто терпят позор мужских измен, потому что чувство ответственности перед детьми у них превосходит все остальное. Им приходится терпеть, если муж единственный кормилец в семье и если к тому же они не имеют своего жилья... Может, зря терпят? Соседка, что напротив нас живет, после смерти мужа-алкаша расцвела, четырех детей подняла. А ведь как бил...

Почему же этот мужчина терпит унижения? Должна же быть какая-то веская причина. Желание обладать такой темпераментной женщиной, любовь к ней? Любовь к детям? Это более чем достаточные основания для объяснения факта верности семье. Но, говорят, мужчина не может испытывать к детям такую же гамму чувств, на которую способна женщина. Видно, могут. В своей, пока еще короткой жизни, я хоть и очень редко, но наблюдала такие примеры.

Сосед видел, что я поспешила скрыться. А вдруг он счел мою торопливость презрением к нему, нежеланием даже одну минуту находиться рядом с «прокаженным»? Слезы побежали по щекам. Вернулась. У ворот МТС пусто. Не заходить же в цех-сарай. Зачем? Выслушивать насмешки, ставить соседа и себя в неловкое положение, вызывать домыслы, сплетни мужчин? Глупо. Не вернешь того упущенного мгновения, когда можно было сказать честные, сердечные слова. Не смогла, не сориентировалась. Смутилась, растерялась, струсила.

Сложное это дело – лезть в чужую душу. Невозможно предвидеть реакцию. Не по отношению ко мне. Его к себе. Сама я переживу и резкость, и грубость. Не навредить бы бедняге. А может, как раз мое слово и помогло бы ему? Пока он сам справлялся. Что бы он сказал мне? «Со свиным рылом, да в калашный ряд?» А может, сочувствием размягчила бы, расправила зажатое бедой сердце, уважением укрепила бы его веру в себя, в правильность его христианского пути – терпения? Мол, Бог терпел и нам велел, мол, терпение окупится сторицей хорошими детьми. Ведь хоть и в усеченном виде, но любовь у них к нему существует.

А вдруг ему нельзя расслабляться, чтобы вытерпеть незаслуженную кару, нельзя разжимать сердце, сжатое в тугую пружину. Многие мужчины считают его вахлаком, лопухом. А может, только внешне? Ведь он выделяется среди них, по многим статьям их превосходит. А вот большинство женщин – я уверена – хотели бы иметь такого работающего, стойкого, терпеливого, незлобного мужа.

Вспомнила о его жене, и мое сердце ожесточилось. Мать сообщала в письме: «Высокая, стройная, ладная. Не поверишь, что кучу детей родила. Лицо простое, ничем непримечательное, обыкновенное. В чертах нет строгой классической правильности. И только иногда в голосе отдельными нотками прорывается сила и уверенность, а в движениях внезапно проявляется то хорошо скрываемая увертливость хищной самки, то кошачья грация, то напористость и власть. А так женщина как женщина. Пройдешь мимо, не оглянешься».

Почему она ради похоти жертвовала судьбами своих детей, калечила их психику? Душа ее червивая, темная, страшная в своем безобразии и жестокости? А зачем тогда рожала? А может, была причина такому поведению? Когда приглядываешься к человеку, то обнаруживаешь в нем много неожиданных черт, разрушающих уже сложившийся образ...

Нет ей оправдания! Была бы одинокая – твори что хочешь. Сама за себя в ответе. А тут дети... Я ненавидела ее с остротой и едкостью личного чувства, презирала без тени даже брезгливого сочувствия. Во мне еще плакало не такое уж далекое детдомовское детство. «С нее станется, она еще не такое может отколоть, стерва», – зло думала я о незнакомой еще мне соседке. Ее семья переехала в наше село меньше года назад.

Вдруг перед моими глазами возникло зрелище содрогающегося в петле тела... О господи, зачем это... Закружилась голова, все поплыло. Я очутилась в какой-то нематериальной реальности. Затошнило... Видение быстро отступило, исчезло, остался горький осадок в душе,

дрожь и неуверенность в ватных ногах, а вокруг какая-то раздражающая туманная оболочка... Но и она постепенно растаяла.

Мысли снова вернулись к отцу многочисленного семейства. Может, он в моих глазах прочел жалость к нему? Наверное, он уважает себя, может, даже втайне гордится своим подвигом, каждодневно совершаемым ради детей, так, как гордимся мы, женщины, своим самопожертвованием, а я своей жалостью оскорбила, унизила его... Именно такой возможности мне следовало бы избежать любым способом при встрече с ним. Ведь знаю, у меня слишком честный взгляд. Я оголяю им души людей, поэтому часто его прячу, чтобы не задевать, не будоражить, не злить.

...А на следующее утро по селу прокатилась волна страха и сочувствия: Дмитрий Старков свел счеты с жизнью – повесился. Шептались у колодцев женщины, молчаливо, угрюмо курили на лавочках мужчины.

Сердце мое ухнуло в яму ужаса. Неистребимое чувство вины захлестнуло меня. «Неужели это я подтолкнула его к самоубийству? Ведь он же жалел себя. И именно моей порции жалости не хватало ему, чтобы решиться умереть. Может, добрым словом, хвалой я могла бы предотвратить беду? Я не знала, как поступить, я слишком молода и глупа, чтобы выбрать правильное в таких случаях поведение, – оправдывала я себя, стараясь заглушить страх вины. – Может, он еще кого-нибудь встретил после меня? Боже мой, неужели мой взгляд был той самой последней каплей? Но я же опустила глаза... Господи, прости, прости, если...» Совсем извелась я со своими мыслями.

Возможно, он на самом деле уже давно и абсолютно сознательно принял решение уйти из жизни, давно думал о неотвратимости этого поступка. Наверное, в его случае, доведенный до отчаяния человек перед тем, как покончить с собой, не говорит сам себе пафосных слов. Он готовится, свыкается с мыслью о смерти, сомнения уже не одолевают его, думает о ней спокойно, без надрыва, как о чем-то, к нему не относящемся...

Нет, не мог он не думать о семье, о детях, как не мог он уйти к другой женщине и тем самым предать их. А разве, уйдя из жизни, он не предал их? Может, поэтому говорят, что грех самоубийства не замолишь? Нет, все-таки у этой мысли религиозные корни. Вроде бы против Бога пошел, который определил ему другую меру нахождения на земле. Верующие люди, наверное, реже убивают себя. Неужели атеисты проще идут на такой шаг?.. А был ли он атеистом?

Я читала библию в детстве. Бабушка потихоньку ее мне подсовывала, когда родителей не было дома. По христианским заветам получалось, что если плохого человека накажут (допустим, убьют) на Земле, то он уйдет к Всевышнему уже безгрешным, а тот, убивший, попадает в ад за самый страшный из всех грехов. Казуистика какая-то. Может, я своим малым умишком что-то не так поняла? Может, смерть соседа – его приношение, его дань любви к Богу?.. Нет, нет, в религию мне лучше не окунайтесь... там исходят из других посылов...

Может, Старков устал и хотел, чтобы его пожалели хотя бы посмертно? Нет. Не думаю. Могла ли его успокаивать мысль о смерти, как о решении всех его личных проблем, как избавление от постоянного унижения? В критических ситуациях на самом деле кажется, что смерть – единственный выход. Устал слушать от людей одно и то же, отвечать одно и то же, убеждать, просить, чтобы оставили в покое, выслушивать за спиной ядовитые шепотки: «Что-то с ним неладное, что-то он скрывает...». Трудно бороться с собой в одиночку.

А вдруг он в какой-то миг обнаружил в самом себе еще одну неожиданную слабость – низкий порог восприятия жизни, и поэтому, пусть даже с отвращением, обратился к простейшему, с его точки зрения, способу ухода, который подсказывала ему его измученная фантазия. Посчитал, что многого хотел, но мало чего добился. Готовился долго, озабоченно, но бестолково, полубессознательно...

Может, в этом поступке проявилась его сила? Он личность?! Нет. На такое способен человек со слабым «я». У меня тоже случались минуты слабости... Как же так! Сумел пробиться сквозь голод, равнодушие и страх – в детстве, сквозь смерть на войне. (И об этом тоже писала моя мать.) Медали за храбрость получал и вдруг такое... Какие тайные силы – сильные, острые, цепкие – удерживали его столько лет... А вдруг не простился с миром, а обрел его... Прошло время сказок! Не обрел... Я не спасла...

В какой момент и почему он выпустил из рук судьбы дорогих ему детей? Когда упустил этот самый важный аспект бытия? Они же смысл его жизни! Почему потерял способность мыслить? Как нашел силы отказаться от жизни? Разве человек вправе принимать такие решения? Ведь не юнец, не ведающий, что творит. Может суицид – умственное заболевание, что-то вроде навязчивой идеи, которая возникает, когда у человека заканчивается запас моральных сил? Можно понять готовность человека к чуду, но никак не к смерти.

Наверное, не так страшно уходить из жизни, когда не оставляешь людей, которых любишь. Но у него они были, и такие маленькие! Почему в возрасте после пятидесяти самоубийства чаще раз в десять именно у мужчин?..

Я читала, что существует мифология мостов и скал, с которых падают, будто есть в них заманивающая красота последнего полета для тех, кто стремится театрально закончить жизнь. А тут такая проза – веревка... В глубине души люди хотят, чтобы их спасли, и на мост приходят за помощью. Но любопытные до сенсаций, безразличные люди не выручают их, успокаивая себя: «В конце концов меня это не касается. Он по своей воле, без принуждения идет на этот безумный шаг». Нет, чтобы спросить, что, черт возьми, с вами случилось? И крикнуть: «Стой! Только не это!» Главное отвлечь, а уж потом попытаться вернуть человеку желание жить. Нельзя оставаться в стороне от чужого несчастья...

Что происходит в головах тех, кто собирается погубить свою жизнь? О чем они думают и думают ли вообще? Что проходит человек, готовящийся к самоубийству? Он делает выбор, мучается, страдает? Видит смелость в своем последнем прыжке?.. Или просто подходит такая минута, бессмысленно странное мгновение, когда будто что-то на миг затмевает его разум, и только упрямое чувство обиды руководит его действиями. Будто не он сам, а кто-то другой ведет его по пути жутко тоскливых эмоций. Эта непредсказуемая неконтролируемость, ступор, что-то вроде кратковременной болезни, забытья, когда все делается неосознанно, без понимания последствий. Это минутное лишение разума. Зачем эти моменты даны человеку? Они же губят его.

И вздрогнуло во мне прошлое. Память вернулась к тому дню, когда...

...Я бежала из читального зала университета. Опоздала. Вахтер не пустила в общежитие. Милиционер за шиворот вышвырнул с вокзала, где она пыталась согреться, на двадцатиградусный мороз, причислив к проституткам. Еще и ногой пнул... Его не убедили университетские учебники в ее руках. Он грязно обзывал, он презирал... Первый раз в жизни так грубо словесно оскорбляли... Ее, такую тонкую, нежную, такую порядочную... Ей было всего семнадцать... Где же справедливость? Где человеческая доброта?! Потрясенная, простуженная, голодная, холодная и жестоко униженная, бродила она по ночному городу и в какой-то момент сказала себе: «Такая жизнь мне не нужна». Наверное, она находилась в состоянии прострации. Желание погибнуть было искренним. Она была честна перед собой. Она помнила свое спокойное равнодушное ожидание смерти, после того как выпила две упаковки таблеток от простуды. Из-за них-то и опоздала... Вдруг бабушку вспомнила...

Ей повезло. Таблетки, слипшись в комок, не растворились в желудке. Ее тошнило, земля уходила из-под ног. В общественном туалете промыла желудок ледяной водой. В шесть часов утра открылись двери общежития. А в восемь, измученная тяжелой ночью, бледная до зелени уже сидела на экзамене, пугая педагога своим «больничным» видом. Потом лежала в общежитии на своей койке под теплым одеялом и анализировала произошедшее: «Почему не было

страха смерти? Умирать легко, просто и не страшно, но глупо. Нет в такой смерти ничего интересного. Есть только постыдное... Нет! Только не позорная смерть, не пустота и вечность...» Она не умела себя любить. Бабушка напомнила о себе, она отвела от нее беду. Господи, вразуми и прости меня, неокрепшую умом и сердцем...

«Священник, наверное, назвал бы это неконтролируемое состояние богооставленностью. И если верить религии, эта минута стоила отцу семейства отказа от вечности. Совершенно очевидно, в Старкове на равных правах существовало самопожертвование, терпение и слабости. Наверное, у него закончился запас прочности, и нить его жизни оборвалась. Как бы ни было тяжело, человеческая жизнь должна всегда торжествовать», – думала я, слушая Лену.

– ... В то памятное лето это трагическое событие наполнило меня чувством невозвратной утраты чего-то легкого, радостного. Сколько раз после той беды беззаботность то появлялась во мне, то вновь исчезала. Откуда она возникала, что являлось источником моего оптимизма? Жажда счастливой, радостной жизни заложена во мне и понемногу расходуется, убывая, уничтожаясь своими и чужими бедами? «Надолго ли хватит мне запаса терпения, данного с рождения, или я опять когда-то сломаюсь, если не морально, то физически, если этих бед будет слишком много?» – думала я с тоской. И тут же зло возражала себе...

Другого соседа вспомнила. Это в то же лето случилось. Было парню двадцать лет. И жил он на нашей же улице, только по другую сторону от моей хаты. С какой тоски, с какого отчаяния он ушел из жизни? Почему не извлек урока из опыта Старкова? Влюбился. Женился. Общение с женой, их совместный труд доставляли ему острую радость. Он жил в созданном им самим простеньком, добром, честном мире своих фантазий. Он не хотел быть похожим ни на мать, ни на отца... Откуда у этих грубоватых людей – его родителей – явилось столь нежное душой дитя, не сумевшее приспособиться к реалиям жизни, отторгавшее всё грязное, мелочное, пошлое, подлое, чувствующее себя в своей семье, как на чужой планете?

А может, и его отец когда-то был другим, потом ошибся по молодости, по глупости, в тюрьму попал. Катя, жена его, говорила, что в нем порой проявляется столько нежности и ласки! Только не умеет он выразить доброту, по-дикому вырывается она из него, дурью оборачиваются хорошие желания. Не воспитано в нем что-то очень нужное, без чего нельзя быть хорошим человеком. Раз сбившийся с пути, вечно заблуждающийся, отвергающий добро, он как зверь в клетке. И сына часто ни за что наказывал... А может, жена просто пыталась оправдать себя?

И вдруг у этого парнишки с лицом и фигурой деревенского увальня удивительная, прекрасная любовь! Его, казалось, поняли наконец... А потом причислили к ворам, гадам, которых он ненавидел всей силой своей неопытной душой. Обвинили его – чистого, доброго, идеального! Сначала друг предал. А ведь пришел тот во власть – в милицию – вполне приличным человеком, но недолго им оставался. Быстро сумел освоиться в новой роли. Обвинил. И он, Ленчик, невинный, как в ледяную воду ухнул.

Жена кричала, настаивая самому всё отнести назад: «Не держишь слова. Сколько можно с такими цацкаться?.. Страшно сказать, но подло промолчать. И если уж на то пошло, не стану миндальничать, фразы подбирать... назову вещи своими именами... И если врежу промеж глаз, так врежу. Высплю, только держись. Скажешь, вынужден был играть навязанную тебе игру? Мы доскребем до сути, мы сорвем с тебя покров и сбросим его тебе под ноги... Правда часто чудовищна... Я раскусила тебя! Уйди, оставь нас в покое!»

«А казалась легкой, искренней, ласковой в своей белой блузочке с матросским воротником. Вот чем оплачена радость моей первой любви. Хорошее всегда хрупко, оно погибает первым... У нее все это идет от головы... у меня от сердца. Вот к кому я торил дорогу...» – стонал он на весь двор.

Ее обвинение было точной калькой с речей парторга. «Обращаю ваше внимание на то, что... я на этом настаиваю, предоставляю возможность озвучить...» Она договорилась до того, что требовала публичного покаяния, считала, что он такой же, как его отец. Комсомольским секретарем была. Привыкла по поводу и без повода говорить высокие слова, боясь нарваться на неожиданное, несогласованное мнение.

Ему хотелось с болью крикнуть: «Поверь мне на слово, оставь свой менторский тон. Ты не на собрании. У тебя клиническая картина мании величия, – так говорил об их прапорщике его армейский друг, бывший студент, бывший безоблачный оптимист. – Дался тебе этот мешок. Я не брал...»

Потом все кому не лень его критиковали... Все дружно забыли его первоклассную работу на летней жатве без выходных, с дневными и ночными сменами. Красный выпел на его комбайне. «Почему я иду к людям с добром, а меня воспринимают с подозрением, ждут от меня подвоха? Из-за отца? Это мое вечное клеймо? Когда при мне плохо говорят о каком-то человеке, то первое, что приходит мне в голову, – не верю. Надо же разобраться... А ей нравится развенчивать, командовать, чувствовать свое превосходство?.. Глупенькая еще... А я не брал, не знал, что отец положил в мой мешок. А она не поверила...»

Он думал, что нашел в новой семье рай, что покончено с резким, колючим, никогда ни к кому не подлаживающимся отцом, который в детстве избивал его, веруя в единственный способ воспитания, который и с матерью вел себя совершенно непотребно. К тому же без стеснения приворовывал, считая это «естественным приработком»... Он думал, что энергичная, подавляющая и командующая им мать не станет больше травить его душу, когда он придет из армии. А все осталось по-прежнему... И вот появился светлый лучик – Галочка... (Как ее не отпугнула «такая» семья?) Но и этот лучик потух... Не поверила, опозорила.

Это потрясло его... Он ловил ее яростные руки, целовал их и кричащий гадкие обвинения рот. Он умолял и плакал, он искал у нее защиты. С горечью и стонами говорил тронувшие меня слова о людской низости, о том, что такое происходило и будет происходить всегда, но надо бить во все колокола... А она не вникала... Я все это доподлинно знаю. Я видела их, собирая на ужин огурцы на своем огороде, отделенном от их участка стеной высоких подсолнухов. Я устыдилась своего неявного присутствия при их ссоре и потихоньку улизнула в хату.

«Я с раннего детства стремился уйти от трафарета своей семьи, быть другим. Самим собой. Не вышло. Жена, как оказалось, верила кому угодно – только не ему!.. Я никогда не буду счастлив! Ни в ком нет понимания! А этот вечно постный взгляд и поджатые губы Галиной бабушки. Она читала мне из Нагорной проповеди, что «кроткие наследуют землю». Подземелье они наследуют, а не землю! Зачем такая жизнь? Какой в ней смысл, если будущее беспросветно, если даже любимая женщина не верит в его чистую душу...» Так он думал.

Выбежал из хаты, вскочил в сарай. Минутное состояния аффекта – и все! Нет человека... Не погнались за ним, чтобы успокоить, ни мать, ни жена, ни суетливая, крикливая соседка. Не случилось... Разве была его смерть неумолимо неизбежна? Ведь нет же...

Да, «богата» была моя жизнь на жуткие события. В одно лето от маньяка дважды удалось остеречься, в другое – дважды пережить смерть добрых, ни в чем неповинных взрослых людей. А сколько глупых детдомовских судеб за это время сломалось? Зачем мне все это? Сделалась ли я от этого крепче духом, как утверждала моя учительница? Вряд ли. Хотя, конечно, добра хотелось делать больше, чтобы компенсировать горькое, чтобы уравновешивать в себе баланс чувств... Нет, лучше, чтобы доброе перевешивало. Когда балансируешь на грани – это слишком рискованно для души...

Я не заблуждаюсь на свой счет. Знаю, что смогу себе помочь. Учительница утверждала, что человек учится осознавать себя человеком, когда начинает задавать себе вечные вопросы. А я бы тут добавила: когда начинает делать добрые дела и при этом ощущать радость. Мне так кажется...

Несколько месяцев прошло, а я все задавала себе этот ужасный, отчаянный вопрос: «Может, зря маюсь, может, нет на мне вины?» Тогда мне стоило немалых усилий вернуть себя к прежнему, ясному умиротворенному состоянию и быть способной полноценно продолжать учебу, – тяжело вздохнув, закончила свой рассказ Лена. – Теперь страшные воспоминания переместились на задний план. На смену им пришли многие другие, но нет-нет, да и всплывет в моем сознании тот тяжкий день, то страшное лето. И сожмется в горькой тоске мое усталое сердце той далекой юношеской болью... всего лишь возможной, непреднамеренной вины...

Костер

У Киры замелькали перед глазами, будто театральные сцены из спектакля, моменты ее собственной жизни. Шаг за шагом просматривала она их. Остановилась на одном.

...Дивная майская ночь. Огромные звезды праздничным салютом застыли на совершенно черном полотне неба. Одиннадцать молодых людей, утомленных многокилометровым кружением по лесу, сидят на поляне тесным кружком и заворуженно смотрят на огонь. Тихо. Задумчивый костер шипит, потрескивает дымным пахучим сосновым лапником. Из сырых веток – прошел теплый кратковременный дождь – выстреливают трассирующие багровые искры. Колеблются тени. Кусты отступили в темноту к черной стене леса.

Они, отдавшись тихой радости огня и чувству сопричастности с чем-то таинственным, молчат. В такую ночь невозможно говорить. Ей кажется, что все они погрузились в прочтение своего будущего. Пятый курс, защита дипломов, распределение. Последние дни учебы были отмечены неподражаемой восторженностью, волнением и грустью, радостным трепетом предчувствия новой жизни. Что дальше? Разбросает их жизнь. Встретятся ли когда? Сроднились за пять лет.

Вот одна пара: Лана и Георгий. Оба высокие, светловолосые. Она – нежный василек с распахнутыми грустно-наивными глазами, с милыми ямочками на щеках, всегда такая заботливая, шустрая, деловая. Он – кареглазый нарцисс. Наверное, потому, что всегда держит свой красивый, с легкой горбинкой нос на полярную звезду. «Чтобы очки не соскакивали», – объяснял он важно, делая характерный жест рукой. Вот, мол, какой я умный, интеллигентный. И еще выше, картинно, поднимал свой мягкий подбородок с еле наметившимся золотистым пушком. В его глазах мелькала тайная потребность поразить мир, желание риска, упоения в бою, так необходимого людям его склада. «Знаете ли, понимаете ли», – любил он повторять, толкувая какую-то свою заумную мысль друзьям.

Как ни крути, они самая прелестная пара в нашем кружке. Они были удивительно милы, всегда по-детски держались за руки, всегда улыбались. И всякий встречный видел в них влюбленных второкурсников или молодоженов. И сегодня в своем искреннем, радостном счастье и в этих брезентовых, цвета хаки туристических костюмах они совсем не «тянули» на выпускников университета.

А слева от них тогда сидела на вид более зрелая, фантастически красивая пара – Лена и Андрей. (Они на три дня приехали из Москвы в гости к друзьям.) Он темноволосый, крепкий, спортивный, уверенный в себе. Она – стройная, изящная, голубоглазая, чернобровая блондинка. Поэтому и удивляло всех это, казалось бы, столь не шедшее к ее яркой внешности занятие альпинизмом. Лена рассказывала, что их любви завидовали девчонки всех трех рядом стоящих общежитий. Тайком оглядывались они на них, когда, провожая ее, Андрей стоял перед ней на коленях и целовал ее руки, когда засыпал цветами, когда кружил на сильных уверенных руках...

Гитара Андрея не умолкала в этот прощальный вечер. Сначала отзвенели бойкие, спортивные, веселые студенческие песни, потом потекли лирические мелодии, затем романсы защипали души. Боже мой, какая гармония стиха и мелодии! Романтика этих песен безотказно действовала на наши сердца.

Все загрузили. Тихо дышали чуть пламенеющие угли костра, под пеплом вздрагивало их последнее дыхание. Ветер шуршал, перебирая листья камыша на берегу реки. Все говорили полупшепотом, словно придавленные тяжестью тьмы...

Ирина и Борис. Она шепчет ему: «Люблю минуты совпадений моих чувств и настроений с внешним миром, когда душа лишается тревоги... Такой необъятный общий покой поселяется в неоглядное пространство моих чувств! Тогда я боюсь шелохнуться, боюсь нарушить гармонию своих ощущений. Чаще всего это случается на природе и совсем уж редко в городе. Пожалуй, еще когда слушаю классическую музыку и душа поет в унисон с оркестром...

Бесконечность, неопределенность выбора не мучила меня. Я будто знала тебя еще в далеком детстве, а потом долгие годы ждала твоего появления снова, потому что только с тобой возможно мое счастье».

Алла и Александр. Он круглолицый, плотный, я бы сказала, достаточно упитанный молчун. Она быстроглазая, насмешливая. Они сидели, держась за руки. Она говорила, а он, заглядывая ей в глаза, отвечал молчаливым горячим пожатием...

Громко выстрелила в костре сырая ветка. Пары притихли, плотнее прижались плечами, образовав неподвижное кольцо, внутри которого догорала их студенческая жизнь под стук одиннадцати молодых и таких разных сердец. Высокие, темные сосны шатром склонили над ними мохнатые ветви, а ели будто уплотнились и приблизились к костерку, к маленькой полянке, где на сухих, полусгнивших стволах сидели утомленные дальним переходом и яркими впечатлениями дня теперь уже бывшие студенты, такие милые, добрые, ранимые, сердечные, неопытные, необстрелянные. Потому что, несмотря на солидный опыт голодной студенческой жизни, еще не хлебнули они самой сложной части своей жизни – жизни в своей отдельной семье или с родителями. Они еще не понимали, что самое трудное для них еще только начнется.

Какое-то легкое волнение присутствовало в них, но оно витало, не касаясь сердец. Всем им предстояло начать новую и тем уже трудную жизнь. Но неизвестность не пугала их. Они верили в себя, в свои возможности, в свое счастье, доподлинно не осознавая трудностей, которые встречаются на пути всякого человека. Жизнь, как они считали, не сулит им больших сюрпризов, все распланировано на десять лет вперед. Не ждали ничего худого. Они еще не понимали, что самое трудное – выстоять в быту, не закопаться в мелких проблемах, не потонуть в них. Не потерять себя и своего близкого, теперь уже родного человека...

Она-то уже многоопытная. У них со Славой за плечами четыре года семейной жизни и трехлетний сынок. Пока нет детей – все молодожены. Свидания, праздники, развлечения. И только в семье с детьми проявляются истинные характеры молодых людей, их способность жертвовать ради детей многим – сном, временем, увлечениями, их умение подчинять свои желания необходимости, правильно расставлять приоритеты. Быть ответственным друг за друга и за малыша – это так много и так важно для семьи...

Лена и Андрей в тот вечер были так удивительно трепетны и нежны! Андрей шептал ей: «Скользнешь взглядом по мне из-под ресниц – и все, я счастлив! Коснешься кончиками пальцев моей руки или просто рядом постоишь несколько минут и для меня весь мир возвышенно-восторженный, прекрасный. Я хмельной от переполняющих меня чувств, бесконечной радостью наполняется грудь, мозг творит чудеса вдохновения. И что это за эликсир счастья такой вливается мне в сердце? Он способен вызвать во мне бурю положительных эмоций, равной которой по силе и накалу мне не приходилось испытывать. Душа то трепещет, то замирает от восторга, то поднимает меня на божественную высоту. А тут еще сегодня такое сумасшествие весенних запахов, красок, кристально чистые родниковые глаза озер вокруг нас. Я схожу с ума от счастья. Я рад, что это происходит со мной, и нисколько не смущаюсь своего чувства...»

В глазах Лены искорки, как восклицательные знаки.

«Это любовь», – говорила она, застенчиво и доверчиво улыбаясь, потрясенная открытым проявлением чувств жениха, и сердце ее заходило от переполнявшей ее радости, и могучая волна нежности охватывала ее и разливалась по всему телу. «Как это чудесно – сидеть вот так рядом, неловко и слегка смущенно и радостно улыбаться своему счастью и верить любимому, как самой себе, – думала она. – Постоянное ожидание главного чувства – любви – теперь исчезло, растворилось, рассеялось. Будто стронулся с места лед и пронесся по реке жизни мимо. Любовь во мне навечно...

Его пытливые глаза будто заглядывают внутрь меня, жаждут ответа, просят говорить, говорить... Смешной! А мне хочется молча прижаться и бесконечно долго ощущать радость прикосновения к нему. Слова в этой ситуации кажутся легковесными, простоватыми для такого особенного дня. Невозможно ничего выразить ими...

Почему я так счастлива сегодня? Почему все во мне ликует? Ведь пять лет рядом... Это огромное непостижимое чувство, этот дар богов – навсегда! Он мой! Голова кружится от счастья, верится в самое невероятное! Кажутся возможными простые разрешения любых самых сложных проблем. И по-другому не может быть. Ведь мы любим друг друга!..»

Та трогательно-грустная ночь еще теснее связала их души, соединила объятия и они, забыв осторожность, всецело отдавались своему чувству, отправляясь навстречу своему бесконечному счастью. В ее душе было такое пространство, такая широта! Весь мир распахнулся перед ней, и она готова была без страха вместить его в себя. Ей чудилось, что в своей любви они поднялись над землей и находятся вне пространства и времени. Ее охватило странное чувство бестелесности.

От ощущения счастья она казалась себе невесомой. Душа ныла от мучительного, сладостного желания... В какой-то момент ее пронизал толчок сладко-острого блаженства, и внутри нее разлилось горячее ни с чем не сравнимое божественное ощущение физического счастья, которого она раньше не знала. Оно поднималось все выше и выше, охватывая ее полностью. В глубинах сознания забилося изумление перед тем, что с ней происходило. Хмелела и кружилась голова. Дух захватывало от ощущения сокровенной радости. Как бесконечно глубока и непреложна их любовь, как трепетна и завораживающе притягательна ее тайна!.. Ей казалось, что ее любовь слила их сердца, и они зазвучали одной мелодией...

Лена еще не знала, что эту ночь будет вспоминать всю жизнь. Ей было суждено первой из их компании ощутить смертельный удар судьбы – уже в первое прекрасное утро после той волшебной ночи прощания с юностью, со студенческой жизнью...

Ей было двенадцать лет, когда она впервые поняла, что отчим предает не только маму, но и ее. Это было первое предательство в ее жизни и, она считала тогда, что последнее. Не предполагала, не думала, не гадала, что ее могут ожидать такого же рода разочарования. «У меня все будет иначе, лучше, чем у мамы», – думала она тогда. Но судьба уготовила ей испытание, какое не дай бог никому пережить.

...Утро было восхитительное, лучезарное. Лена осторожно, чтобы не потревожить Андрея, поднялась с койки, окинула взглядом его сильное красивое тело, и горячая волна нежности затопила ее сердце. Она только на секунду, чтобы не «завестись», прижалась губами к его щеке, вдохнула его мужской запах и помчалась на речку. Трава на берегу в лучах восходящего солнца была серебряной от росы, золотой от цветов, а вода ледяной.

Лена нырнула, взвизгнула и выскочила как ошпаренная на берег. Быстро растерлась полотенцем и, бодрая, свежая, легкой походкой счастливого человека пошла к своему двухкомнатному домику на университетской базе отдыха.

На пороге встретила Иру. На лице подруги блуждало изумленно-растерянное выражение, она невидящими глазами смотрела куда-то вдаль. Лена не рискнула ее окликнуть и обошла

стороной. Но что-то дрогнуло в ее сердце, почему-то с невыразимым страхом подходила она к неплотно прикрытой двери своей комнаты. Странно знакомые звуки доносились из-за нее. Вздогнуло, екнуло сердце. Зачем-то растеряно прикинула к двери. Сквозь узкую щель ей сразу бросился в глаза колеблющийся кусок синего казенного покрывала. Задохнулась от волнения, мгновенно маму вспомнила. Невольно подалась вперед, чуть не ударилась лбом о дверь. С гневом и отвращением отскочила...

«Ксюшка? Подружка обрекла ее на невыносимые адские муки?! Серенькая малозаметная мышка без надежды на личное счастье. Все пять лет жила впритирку с ней. Сколько раз она плакала у нее на плече, кляня свою неудачно складывающуюся жизнь, сколько раз приходилось выручать ее из нелепых и даже глупых ситуаций! И в этот раз она упростила взять ее с собой на встречу друзей. И теперь она той же неприметной мышкой юркнула в ее еще не остывшую постель. Почему потакала, почему жалела? «Не любви ради, дружбы для...» И вот результат... Преданная, любящая подруга – змея подколотная? Хоть на час, но мой!? Ослепленная любовью, она не замечала ее черной неприкрытой зависти? А он!! Ни в грош не ставит ее любовь? С деловитой торопливостью воспользовался ситуацией... Он всем женщинам говорит: «Я ваш покорный слуга»...

Этой ночью начался наш медовый месяц! Этой ночью я впервые ощутила волнение и страх, связанный с близостью... Он ни к чему не понуждал ее, даже не уговаривал. Она доверилась ему. И сейчас она еще не утратила ощущения благодати, снизошедшей на нее этой ночью... Через три дня свадьба. Белое платье уже висит в общежитии на гвоздике в изголовье ее кровати...

Счастливое состояние мгновенно исчезло, уступив место обиде, злости, судорожным рыданиям. Она обреченно сжимала виски ладонями. Душа разрывалась. Она сидела в тоске и в недоумении, уставившись на пустую стену соседнего домика. Случившееся казалось ей каким-то нелепым, невозможным кошмаром, дурацким розыгрышем, злой глупой шуткой. Оно не укладывалось в голову. Андрей низверг ее с солнечной высоты радости в черную пропасть отчаяния.

«И что прикажете делать в этой ситуации? Искать альтернативные выходы из положения? Жизнь иногда преподносит такие парадоксы, что задумаешься: может, и правда у каждого из нас есть заранее предназначенная и выверенная кем-то судьба? У нее она такая же, как у мамы? И как тут ни обратить внимание на их сходство?..»

Лена сразу положила конец их взаимоотношениям. С трудом сказала несколько ничего не значащих фраз и удалилась. Может, внутренний голос и шептал ей, что в сложившихся обстоятельствах разумнее всего было бы не торопиться с решением, но был взрыв негодования, была растерянность, непреодолимая обида. Может, и был соблазн простить, забыть, выбросить из головы его гадкий поступок, но перед ее взором тогда стояло скорбное лицо матери, постоянно терпящей унижения от мужа. Она понимала, что этот прискорбный факт с Андреем – не случайность. Он будет иметь далеко идущие последствия. И нечего надеяться, что все переменится. Она не сможет постоянно прощать, потому и подавила в себе остатки сомнений. «Я не хочу вздрагивать от каждого телефонного звонка», – повторила она фразу, оброненную мамой много лет назад, когда она еще верила, что муж опомнится, изменится к лучшему. И как это она вдруг пробудилась в ее памяти?

Андрей же не пожелал пускаться в объяснения. Ни слова не проронил. (Надеялся, что она простит?) Он не видел в своем поступке ничего предосудительного?.. Его друг, «жалая» беременную жену, ходил к другой женщине. Мол, без любви это не предательство... Женщина узнала о «походах налево» – «добрые» люди просветили – и родила мертвого ребенка. А муж не посчитал себя виновным... И Андрей такой же?.. И между ними пролегла пропасть. Что будет дальше, ей не хотелось думать...

Она любила и поэтому замечала в нем только хорошее, – каждый видит в любимом только то, что хочет видеть. Многие девчонки были ей благодарны за советы. Почему же с ней произошло такое? В чем ее вина? Он же любил! Кто же за него ответит, раз он молчит?.. Внезапный разрыв с Андреем опустошил ее. И это сделало их общение невыносимым... Одумается, придет, покается?..

Втроем, а по сути дела, поодиночке, они вернулись в Москву. На следующий день предстояло распределение. Многие ее подруги заранее озаботились внушительными животиками, желая остаться в родном городе. Она, имея, как отличница, право выбора, отказалась ехать на заранее намеченное общее с Андреем предприятие (по распределению им выходило работать в Киеве), согласна была ткнуть пальцем в любую точку на карте страны и отправиться в любой заштатный городишко. Не понимая странного поведения всегда уравновешенной студентки, комиссия, стараясь не затронуть ее самолюбия, сама предложила несколько предпочтительных мест... Она молчала. Ее оставили в городе. Местный завод тоже нуждался в кадрах.

И все же она надеялась... На что?.. Найти лучшего?..

Кира знала, что недоумение от измены Андрея у Лены не развеялось с годами, что и после многих лет одиночества она еще испытывала к нему любовь, ту первую и единственную. Допустила ли тогда Лена ошибку, оставив Андрея? Нет. Никогда себя не корила. Такой ее стержень, такая у нее особенность – рубить с плеча раз и навсегда. Что было дальше в ее жизни? Все было: и насмешки – как же, мать-одиночка! – и притязания мужчин-коллег, и подозрительные взгляды их жен... Все это мелочи. Главное – был сын, ее радость, счастье...

Антошка

Из роддома Лену с Антошкой встречали подруги. А принял малыша из рук медсестры двадцатидвухлетний Александр, двоюродный брат Яны, соседки по палате, поэтому со стороны сцена была трогательной и прекрасной. Приятно было видеть, как неловко и неуверенно новоявленный «папа» пытался пристроить белый «кулечек» на своих длинных, неуклюжих, негнувшихся от волнения руках. Примерял ли он на себя эту ситуацию, или просто новая маленькая жизнь взволновала его? Некоторая комичность положения «отца и мужа» смущала его и радовала? Ведь это же не тот жестокий студенческий розыгрыш с куклой.

Александр помнил свое испуганное до дрожи лицо, когда ребята внесли ему «ребенка», будто бы от девушки, с которой он знался всего-то один вечер, огромной болезненной занозой засевший у него в мозгу. Вспомнил он, как в панике пулей вылетел из комнаты, не желая даже прикасаться к «результату» той первой и единственной пьяной ночи в его жизни, которая надолго отбила ему охоту встречаться с девушками...

Тут же совсем другое. Почему-то приятно, трепетно дрожит тело. Ему даже показалось, что он не против иметь сына, но обязательно похожего на него. Он втайне гордился, что его выбрали для такой серьезной мужской миссии, и ему казалось, что медсестра с большим уважением смотрит на него и даже с какой-то материнской любовью, вот, мол, какой молодец, какой молоденький, серьезный папа!

И опять наплыли черные воспоминания. «И занесло же меня тогда в рабочее общежитие! Никогда в жизни больше туда не пойду». И маме побоялся рассказать. Только с друзьями-старшекурсниками поделился. Совета испросил. Те предложили забыть, успокоиться и не торопиться искать себе подругу жизни, повзрослеть.

Именно тогда он заметил разницу в поведении студентов. Первокурсники появление каждой девушки встречали бурным гомоном, расшаркиваниями, все свое обаяние направляли на то, чтобы понравиться, а пятикурсники (если женаты) спокойно лежали на своих койках, уткнув носы в конспекты, и разговоры с девушками вели с достоинством, без суеты, без заинтересованности...

Мытарства с Антошкой у Лены начались с первых дней выписки из роддома. Ни ванны, ни туалета в рабочем общежитии – куда ее после распределения вселили будто бы на время – все удобства во дворе. В кране только холодная вода, и та с перебоями. К девчонкам, с которыми жила в комнате, ребята постоянно шлындали с папиросами, в грязных ботинках. Никакой гигиены! Дверь беспрерывно грохочет, сквозняки. Как ни старайся – не углядишь за всеми: то окно не закроют, то дверь не притворят. Девчонки добрые, но грубоватые, иной раз помогут, а то вдруг зло напакосят. А когда праздник – дым коромыслом. И ничего не скажи. Свою личную жизнь из-за ее ребенка никто ломать не станет.

Чуть оправилась от родов, ясли у высокого руководства по недомыслию запросила. Долго не отваживалась заговорить, переминаясь с сыном на руках у огромного обитого зеленым сукном стола. Там встретили ее немым безучастием, раздраженно отмахнулись и отправили к начальнику цеха, считая, что он исполнит свой долг.

– Сколько у вас, Степан Иванович, детей? – спросила у начальника цеха.

– Двое, – ответил.

– Вот и у меня перед страной обязанность хоть одного вырастить, – с улыбкой сказала, мягко.

А он сердито ворчал:

– Теперь начнутся больничные. На два года из плана тебя вычеркнуть придется. Кто за тебя работать будет?

– Не сорву планов, по ночам дома программы буду писать и отчеты составлять, только ясли дайте. Матери-одиночке в первую очередь положено, – тихо, со стоном в душе, напомнила, стыдливо содрогнувшись при произнесении позорного словосочетания.

«А что поделаешь, придется обернуть себе на пользу факт Антошкиного безотцовства. Для меня иметь ребенка – счастье, а что посторонние скажут – мне безразлично», – успокаивала она себя, сдерживая слезы, терпеливо выслушивая нотации о том, что «вот не думают, рожают, а другим расхлебывай».

– Теперь вот на льготную очередь тебя надо ставить, – сердито бубнил начальник.

– Но все равно надо давать квартиры. Строит ведь завод. Чем я и мой сын хуже?

Наивная еще была, не знала, что люди десятилетиями ждут жилья.

– Понаехали тут, давай им садик, квартиру, – не унимался Степан Иванович.

– Я же по распределению, – напомнила Лена.

«Все вытерплю ради сына, посижу с позорно поникшей головой, пусть унижает, ругает, только бы дал место в яслях», – думала молодая мама.

Степан Иванович предложил подождать в коридоре, пока он переговорит с членами местного комитета. Вышла, увидела девушек, которым было в чем-то отказано. Одна дрожала от гнева:

– Как он смеет так грубо разговаривать! Он же видел мои документы. МГУ, аспирантура. Мне надо на заводе перекантоваться пару лет. Мужа-военного сюда распределили. Не по своей воле я сюда приехала!

Другая улыбнулась:

– А я-то переживала! Если с вами так разговаривали, чего уж мне ожидать с ВГУ и опытом работы в НИИ. Тут завод, и наши «высокие научные материи» им не нужны.

– Ну хотя бы вежливость проявили, интеллигентность. Ведь видят, кто перед ними! (Дочь генерала. Это она имела в виду или собственные заслуги?)

– При чем тут наши личности и образование, он обязан план во главу угла ставить. Ему работники нужны, а не наши больничные листы. Его понять и оправдать можно, – защитила начальника Лена.

– Ни понять, ни оправдать! – возмущенно крикнула первая девушка.

Лена промолчала. Ей мечталось, что когда-нибудь женщины будут рожать по пять детей, и время их воспитания станут зачислять в стаж. И детсадов хватит на всех, потому что госу-

дарство сможет всем родителям помогать растить достойную смену, а не только остро нуждающимся. А пока надо кланяться, унижаться, терпеть и верить в лучшее.

... Антошке два месяца. Пора выходить на работу, а послезавтра местком обещает решить ее вопрос. Пришла на день раньше, но слова вымолвить не смогла – слезы градом. Ушла, постыдилась своей слабости. На следующий день, перед тем как зайти к председателю профкома, положила в рот таблетку валидола. Она еще пощипывала под языком, когда Лену вызвали «на ковер».

– Отец-то где? – прямо в глаза спросил председатель месткома, седой, усталый человек.

– Он изменил мне, и я забрала заявление из загса, – коротко ответила она, почему-то не постеснявшись правды. Наверное, как старшему, как отцу сказала.

Председатель опустил глаза.

– Родители? – уточнила молодая женщина, член месткома.

– У меня отчим. Меня дедушка воспитывал, потом бабушка. (Про детдом ни гу-гу).

– Понятно, – спокойно сказала другая, та, что постарше.

– В комнате с девушками ладишь? – поинтересовался еще один член месткома.

– Деваться некуда, приходится, – ответила, грустно усмехнувшись.

Пожилая женщина протянула ей направление. Валидол не помог. Слезы все-таки хлынули на пеленки Антошки. Кто-то обнял ее за плечи и молча вывел из кабинета. Она шла и думала, как внимательно и предупредительно отнеслись к ней люди из профкома: ни словом, ни намеком не напомнили об ее положении.

Беспокоило Лену развитие Антошки. Полный, светленький, кудрявый, с огромными голубыми глазами, он не хотел двигаться. Ласковый, улыбчивый ко всем, кто бы к нему ни потянулся, он лежал, довольный и счастливый. Игрушку дадут ему, он ручкой махнет и уронит ее, будто не нуждается в ней. Врачу пожаловалась. Та, не глядя на ребенка, пощупала ему животик, головку и поставила диагноз: «Толстый он у вас, не перекармливайте».

– И сидеть не может, а пора бы, – подсказала Лена.

– В подушки сажайте, – категорично потребовала врач.

– А ножки и ручки почему бледные?

– Наверное, температура у него.

– Нормальная, я мерила, – возразила Лена.

Врач промолчала. Лена ушла, не удовлетворенная посещением специалиста. Одно успокаивало – веселый Антошка, значит, здоров. «Был бы больной, кислил бы», – ободряла она себя, вспоминая, с какой счастливой улыбкой встречает сынок телевизионных дикторов-женщин, как восторгается ритмичной музыкой и как его пухленькое тельце раскачивается в такт ритмичным аккордам. Народные мелодии не воспринимал и не подыгрывал им.

Когда Антошке было девять месяцев, занес в комнату гость одной из девушек грипп. (Он три дня лежал на соседней койке с температурой под сорок.) И Лена с Антошкой вслед за ним свалились. Неделью ничего не ели, только пили. Лена на дрожащих ногах вставала, грела воду и опять падала на кровать. Антошка, будто чувствовал, как маме тяжело, не кричал, только стонал, хрипел и спал.

Лена быстро выздоровела, а у Антошки обнаружили осложнение – воспаление легких. Десять дней она сама колола ребенку антибиотики, но температура упорно держалась на отметке тридцать девять. Врач приказала: «Отправляйте в больницу, иначе я за его жизнь не отвечаю». В больницу с матерями не клали категорически. Лена умоляла, объясняла, что ее мальчику требуется особый уход, обещала ухаживать за всеми детьми в палате. Бесполезно! Написала доктору записку, чтобы всем сменным няням сообщили, что малыш еще не сидит, не стоит, чтобы учитывали эту особенность. И, ослабев от волнения, еще целый час простояв

у окошка, откуда была видна кровать сыночка, окончательно промерзшая, побрела на остановку с тяжелым сердцем, с тяжелым предчувствием.

И потом еще неделю после работы каждый вечер дотемна стояла под окном (благо первый этаж), плакала, глядя на неподвижное тельце, уткнувшееся лицом в подушку. Все дни сынок лежал ничком и ни разу не поднял головку. А она все стояла и стояла, дрожала, синела, костенела, но надеялась хоть на миг увидеть его глаза, хотела, чтобы и он увидел ее.

А сынок лежал, неподвижный, безразличный, бесчувственный. О ком и о чем думал ее малыш? О покинувшей его маме? Скучал ли по ней, помнил ли ее руки? Он так любил, чтобы она прикасалась к нему, и никогда не капризничал, когда она его переодевала или купала.

С трудом оторвалась от окна. Но уйти, пока окончательно не стемнеет, не получалось. Там, за стеной, так близко и недосыгаемо находится ее сыночек, которому ничем, совсем ничем не могла помочь. И эта беспомощность в борьбе с буквой глупого приказа «нельзя» раздавливала... Еще она боялась, как бы огромные дозы антибиотиков окончательно не обездвижили сыночка.

На восьмой день врач сказала:

– Забирайте малыша, пока он тут еще чего не подхватил.

Лена, заливаясь слезами радости, взяла на руки сына. Жуткие одинокие ночи закончились. Он рядом, и живой. Он не узнал ее, но он был с ней, и это давало ей силы жить и надеяться. Принесла Антошку в общежитие, раскрыла одеяло, сняла рубашечки, чтобы выкупать, и ужаснулась. Вся спина у ребенка – черно-синяя. Осторожно, сантиметр за сантиметром ощупала тельце сына. Он не реагировал, но стоило положить его на спинку, начинались жестокие судороги. Малыш извивался, сучил ручками и ножками и плакал осипшим, скрипучим голосом.

– Почему промолчали, отдавая ребенка? Вы хотя бы диагноз мне сообщили, чтобы я знала, что делать дальше, как лечить, – возмущалась Лена в больнице.

Врач, пожав плечами, дала направление на рентген.

– Другого способа нет? У него же судороги, четкий снимок все равно не получится, – сомневалась Лена.

– Не задерживайте меня пустыми разговорами. В рентгеновском кабинете разберутся, – был ей резкий ответ.

Доктор четыре раза облучала извивающегося от боли ребенка, пытаясь получить качественный снимок. Лена вырывала сына из рук медсестер, пытаясь объяснить бессмысленность процедуры, плакала, а ее ругали, грозили пожаловаться в цех. Наконец, самая старенькая из медсестер тихо и горестно пробормотала:

– Что же вы делаете с грудничком? Что из него потом вырастет?

Лена воспользовалась заминкой, схватила сына со стола и бросилась в коридор.

Антоша не улыбался, не шевелился и только тихонечко скулил. Он не реагировал на мокрые пеленки, не просил есть, днем и ночью лежал пластом на животе, безучастно глядя в подушку полуоткрытыми глазками. Не откликался он ни на маму, ни на приветливо улыбающихся, красивых телеведущих в постоянно включенном телевизоре.

Девушки тоже заволновались. Антошка редко плакал, мало им досаждал, они искренне сочувствовали Лениному горю, поэтому часто подходили к малышу. А однажды прослышали, что в соседнем городке объявились молодые доктора, знаменитости в области ортопедии и что они будто бы помогают избавиться от болезней каким-то новым, ими изобретенным способом.

Лена поехала. Простояла в очереди в узком холодном, сыром, вонючем коридоре, до отказа забитом взрослыми и детьми (в основном грудничками), около семи часов. Никто не роптал, все терпеливо переминались с ноги на ногу. Женщинам, приехавшим с мужьями, было чуть легче. Мужья подменяли жен, пока те перекусывали и дышали свежим воздухом, потом опять уходили на улицу, чтобы не поглощать кислород. Стоны, плач детей, тихий, нервный

шепот, скрип сапог на усталых ногах, ломота в онемевших руках. В Антошке семнадцать килограммов, да еще ватное одеяло, а в Лене-то самой всего сорок пять.

Подошла ее очередь. Развернула сынишку. Над ним склонились два доктора. Один поднял, подложив ладони под животик. Обессиленное тельце неподвижно зависло, не шевельнув ножками. Положили на бочок – тихий стон вырвался из бледных полуоткрытых губ. Перевернули на спинку. Мучительный крик сопровождал судороги и не скоординированные, крученные движения малыша. Его усталое обиженное личико словно просило не трогать, не беспокоить, пожалеть. Один из докторов с сочувствием посмотрел на Лену, и тихо сказал:

– Зачем вам такой? Он не полноценный, за что тут бороться? Оставьте его у нас в институте.

Кровь прихлынула к лицу матери:

– Для экспериментов оставить? Диссертацию еще не защитили? Сама вылечу и выращу. Вот увидите!

Быстрыми нервными движениями рук схватила Антошку и, обливаясь слезами, уехала. По ночам читала медицинскую литературу, но без диагноза не могла сориентироваться в массе материала. Опять пошла к участковой. Ничего нового не услышала. Сходила к невропатологу. И тот не нашел отклонений от нормы (!). Совсем растерялась Лена. В общежитии старенькая кастелянша сказала сочувственно:

– Не трожь малыша. Корми и не ломай голову, само срастется, дай Бог. Дитё ведь.

Через месяц, когда Лена попробовала выложить сынишку на спинку, он вздрогнул, но не закричал, а только нервно задергал ручками. Она до слез обрадовалась, отметив явное улучшение, и понесла сына к невропатологу. Вместо любезного молодого мужчины ее встретила очень красивая, строгая, волевая, резкая женщина. Взглянув на мальчика, она приподняла свои высокие, черные брови и сказала с долей брезгливой иронии в голосе:

– Мамаша, кого вы мне принесли? Он же ни на что не реагирует. У него отсутствуют почти все нормальные реакции!

Лена кинулась в слезы и поведала всю историю ребенка, начиная с неудачно принятых родов. Доктор открыла карточку и побледнела то ли от бессильной злости, то ли от жалости к мамаше и малышу. Она вдруг стала похожа на пантеру, готовую в любую секунду защитить ребенка. Решительным толчком открыла дверь, схватила Лену за локоть и потащила к участковой. Там что-то долго и резко объясняла на латыни, потом закончила монолог словами:

– Еще один запущенный больной и я определю вас в тюрьму! У этого ребенка вы отняли год жизни.

Участковая что-то лепетала насчет того, что не виновата, что это в роддоме упустили ребенка и потому у него куча болячек.

– Но вы обязаны были сообщить мамаше о проблемах ее сына. Что вы сделали, чтобы восстановить утраченные в тяжелых родах функции? Чем вы лечили ребенка? Где массажи, уколы, ингаляции, где современная терапия вашего физиотерапевтического кабинета? Ничего не проведено!

Позже Лена узнала, что Елена Владимировна только что приехала из Африки, где была главным врачом огромной больницы, в которой русские врачи не только лечили, но и учили местных врачей. Теперь Лена после работы каждую свободную минуту целенаправленно занималась лечением сына. Научилась делать массаж, потому что медсестра халтурила, если не присутствовать на сеансе или не приплачивать. Она тщательно растирала пухленькое тельце сына, начиная с пальчиков рук и кончая ножками, неукоснительно выполняя указания врача, по секундомеру через каждый час проводила специальную гимнастику и ни разу не пропустила ни одного занятия, если здоровье сына позволяло давать ему нагрузку. А по ночам продолжала изучать медицинскую литературу. Она уже никого не обвиняла, ничего ни от кого не требовала. Понимала, что здоровье сына теперь зависит только от нее.

Много в поликлинике было мамаш с больными малышами. У одного ребенка была послеродовая кривошея, у другого ножки отнялись от прививки, у многих был родовой вывих нижних конечностей. Вот тут-то, в очереди на массаж и другие процедуры, Лена и познакомилась с Оксаной. У нее тоже был сын и те же проблемы. То ли одинаковые болезни детей их сблизили, то ли просто сошлись душами, только теперь, увидев одна другую в очереди, они, как сестры, обнимались и начинали торопливо делиться наболевшим. Лена выяснила, что обе рожали в одном роддоме. Еще узнала, что Оксану ненавидит свекровь, не хочет, чтобы у нее были дети, что свекровина подруга загубила ее сына не по халатности, а по злему умыслу, по злобе не подходила к ней во время тяжелых родов. Не понимала Оксана, что такое плохое могла придумать о ней ее свекровь, чтобы вызвать столь яростную ненависть.

И стали они, как говорится, не разлей вода. Легче жилось обоим, когда душу могли облегчить друг перед другом, не боясь непонимания и осуждения. А ведь как это иногда бывает нужно! Может, впервые в те дни они оценили необходимость этого общения, его благотворность. «Будто исповедовались», – шутили они, не стесняясь своих слез.

Когда через месяц Лена пришла к Елене Михайловне, то заметила перемену в ней. Нет, у доктора был тот же независимый вид, уверенность, достоинство, но взглянула она на Антошку с какой-то грустью. Лена не ошиблась. Елена Михайловна сказала ей тихо и задумчиво:

– Садитесь, мамаша. У меня есть все основания предполагать недостаточность знаний вашего участкового врача. Вот я вам уже и ручку приготовила, записывайте все, что обязаны делать с сыном до двадцати пяти – двадцати семи лет. Его здоровье теперь только в ваших руках.

Она сообщила, что у малыша из-за родовой травмы произошло длительное кислородное голодание организма, результатом которого, возможно, будет слабое сердце, плохое зрение, косолапость, плоскостопие, проблемы с позвоночником и все такое прочее, и продиктовала, как и чем все это нужно лечить. «Если пренебрежете указаниями, – получится у вас на всю жизнь лежачий больной, выполните все условия, – будете иметь, нормального, может только несколько болезненного молодого человека. Это что касается физического здоровья. Насчет головы пока ничего сказать не могу. Будем надеяться, что болезнь не затронула мозг. Молитесь», – на прощанье сказала Елена Михайловна.

Лена поняла, что они больше не увидятся. Она хотела встать перед доктором на колени, но та то ли поняла ее чувства, то ли так уж совпало, но повернула ее за плечи в сторону двери. Сердце Лены защемило, она еле сдержала рыдания.

Позже узнала, что травили доктора сотрудники поликлиники, как свора собак, выживали, подставляли, оговаривали. Гордая женщина не хотела ввязываться в сплетни, понимала, что все равно не дадут ей работать плодотворно. В ее знаниях здесь не нуждались, она мешала руководству жить спокойно. Оказывается, у этой участковой была «мохнатая рука» в горздраве... Доктор сама ушла. Нашлось место, где она была востребована. Она только переживала за тех детей, которых не могла спасти, и понимала, что на всех ее не хватит, особенно если будет тратить время и энергию на борьбу с бездарями. О переживаниях Елены Михайловны Лена узнала, когда случайно встретила ее через много лет в театре.

Десять лет ежедневного терпеливого труда Лены принесли свои плоды. Благо сынок по природе оказался покладистым и веселым. Участковая постоянно запугивала ее наличием слабоумия у ребенка, указывая на густоту волос на затылке и большой интерес к быстро-вращающимся предметам, грозила школой для слабовидящих, брезгливо косилась на обувь, стертую «неправильным» образом, намекая на возможность остаться ребенку на всю жизнь калекой. Много слез пролила Лена, живя в постоянном страхе за здоровье ребенка, но все болячки они вместе с сыном преодолели. Заведующая областной больницей, осматривая ребенка, сказала: «Памятник вам надо ставить, мамаша!»

Талантливым оказался сынок во многих областях. Радовал своими знаниями, оригинальным мышлением, неожиданной интуицией, педагогическими способностями, стремлением к самостоятельному изучению интересующих его наук. Не понимал он, как это можно болтаться по улицам без дела, мечтал, чтобы в сутках было вдвое больше часов для его многочисленных увлечений...

Детсад

А Миле почему-то первый день Антоши в детском саду припомнился и то, как она Галине о нем рассказывала. (Лена тогда после аспирантуры и защиты диссертации по распределению приехала в их родной город.)

Лена с Антошкой из коридора-лабиринта попали в тесную комнату, по периметру которой были расположены персональные шкафчики с красивыми картинками на дверцах. Низкие, длинные лавочки были заняты детьми, вокруг которых суетились родители. Воспитательница стояла в дверях другой, основной комнаты и как дирижер уверенно руководила маленьким беспокойным муравейником. Вид у нее был деловой, спокойный, говорила она тихо, но требовательно. Даже взрослым хотелось ее слушаться.

Ее Ганночка не обратила внимания на нового мальчика. Она торопилась к подружкам хвалиться новой куклой. Антоша прятался за спину мамы, но в его глазах светилось любопытство. Лена догадывалась, что именно оно спасет ее, победит в сыне горечь их временного расставания, и он одолеет слезы, вот-вот готовые хлынуть безудержным потоком.

С расписной лавочки встал плотно сбитый, круглоголовый темноволосый малыш с огромными карими глазами. Он по-хозяйски сложил в шкафчик свои вещи, сам развязал шнурки на туфлях, надел тапочки и, поцеловав маму на прощание, помахал ей рукой. И тут глаза мальчиков встретились. Антоша склонил голову и, не выпуская из рук подола Лениной юбки, весь подался вперед, с интересом, но с какой-то рассеянной улыбкой разглядывал мальчика. Пауза длилась минуты две. Лена не мешала им. Малыш протянул Антоше свою пухлую, но крепкую, загорелую ручку. Антоша взглянул на маму и, увидев одобряющую улыбку, сделал шаг навстречу новому знакомому. Но только один шаг, не отпуская юбки.

Следующим движением мальчик достал из нагрудного кармана рубашки малюсенький пластмассовый грузовичок. У Антоши загорелись глаза – у него такого не было! Он сделал еще один шаг, пытаясь при этом не разорвать связь с мамой, отчего хвост ее юбки натянулся. Но Лена не сдвинулась с места, желая, чтобы он сам оторвался от нее. И когда мальчик вытащил из кармана шорт горсть разноцветных камешков, Антоша мгновенно оказался рядом и застыл с открытым ртом, весь превратившись во внимание. Мальчик вроде бы с безразличием смотрел на горку блестящих «драгоценностей» в центре ладошки, а сам ждал, каковы будут действия новичка. Прошла еще одна минута. И тут Антоша подскочил к маме, сунул руку в ее сумку и вытащил мешочек со своей любимой игрушкой – пластмассовым конструктором, из которого можно было собрать что угодно: подъемный кран, тележку, машину, жирафа, собаку и даже обычную скамейку...

В следующий момент мальчики уже стояли в игровой комнате друг против друга, крепко прижимая к груди свои богатства. Воспитательница позвала Лену. И пока они разговаривали, я искоса поглядывала на ее сына, который развязал пакет, достал красное колесо и стал прикручивать к нему соединительный стержень. И тут мальчик, внимательно следивший за действиями Антоши, сказал:

– А у меня в конструкторе ключ есть. Я умею им гайки закручивать.

Он хорошо, с удовольствием и с гордостью произносил букву «Р».

– У меня тоже есть ключ, но мне пальцы надо тлениловать. Так мама сказала, – строго объяснил Антоша.

После этих слов мальчики сели на пол, высыпали содержимое карманов и пакетов на ковер, и больше для них ничего вокруг не существовало. Ни общий шум, ни тонкие взвизгивания девочек не отвлекали их от важного дела – конструирования. И даже окрики грубой нянечки не мешали им играть.

...Антошка – полноватый, добродушный бутуз. Мысли его витают в облаках. Он улыбается сам себе, не слышит, что ему говорит мама, чем возмущается нянечка. Снял один ботинок и опять «улетел» высоко и далеко. Его треплют за плечо, с большим трудом «возвращают на землю». Мальчик виновато улыбается и опять начинает старательно раздеваться. Только ненадолго хватает его усердия. На третьей пуговице курточки он замирает, поднимает лицо к потолку и, радостно шевеля губами, что-то восторженно и неразборчиво бормочет. Воспитатель не выдерживает и требует:

– Мамаша, разденьте ребенка. Он к завтраку опаздывает.

А в конце дня вышел Антоша в раздевалку, чуточку, но по-особому взволнованный. Что-то его беспокоило. В нагрудном карманчике носовой платочек сильно выглядывает уголком. Обычно у мальчишек он скомканный. Лена вытащила платок и увидела розовый карандаш. Красивый. Такого у них дома нет. Видно очень захотелось Антоше иметь именно такой. Лена взглянула на сына. Он зарделся, как-то весь напрягся и говорит:

– Он нечаянно в кармане остался.

Не стала Лена ругать сына, только предупредила:

– Поиграешь вечером, а завтра принесешь назад в садик. Всем детям хочется рисовать таким красивым карандашом. Ты что им хотел раскрасить? – Мягко так спросила.

– Не знаю, не думал, он просто мне нравится, – сознался сын.

– А в следующий раз не забудь спросить разрешения у воспитательницы, ведь она очень волнуется, когда что-нибудь в группе теряется.

– Обязательно! – весело, с облегчением сказал Антошка.

Он был рад, что «пронесло», не поругали. А может, радовался тому, что не совсем осознаваемое маленькое воровство сильно тревожило его своей непонятностью. Он чувствовал, что не стоило брать карандаш, но желание иметь его пересиливало. Мальчик не мог себе объяснить, что плохого в том, что он поиграет им вне садика, но что-то внутри него царапало душу и тихонечко укоряло. Он с беспокойным волнением шел мимо воспитательницы, с тревожным чувством подходил к маме.

Но мама поняла его: велик соблазн красивой вещи. Ей самой было приятно смотреть на какой-то особенный, редкий оттенок розового карандаша. Она проникла в наивную попытку сына скрыть свой поступок, оправдать себя, поняла его волнение, борьбу чувств и отнеслась к ним осторожно. (Видела она, как один папа накричал, обозвал, отшлепал при всех своего малыша за малую провинность и как тот испуганно сжался...)

Лена не наказала сына, чтобы в следующий раз у него не было желания спрятать какую-либо вещь подальше, соврать естественней, хитрее. И все же заставила задуматься и о воспитательнице, и о детях, которым плохо без красивого карандаша.

...Миле вспомнился Вова, как он вдруг впервые понял, что его отец начальник, что его уважают и даже, может быть, побаиваются. Как это интересно отразилось в его сознании! Сначала это был неловкий, несобранный, но добрый ребенок. Его обманывали мальчишки, дурно подшучивали над ним, рассказывая пошлые анекдоты, которых он не понимал, и из-за которых его осмеивали дети и ругали взрослые. У него отнимали или выманивали игрушки, вкусные вещи. Но если папа приводил его в садик, он начинал вести себя совсем иначе: уверенно, даже нагло, сам пытался принизить более слабого, заставить убрать за ним игрушки, небрежно, даже по кличке обращался к своему обидчику, быстро находил нужные слова. Мне казалось, он делал это бездумно, так руководило им подсознание.

– Странно, – говорила его мама, – мне было плохо, когда меня незаслуженно оскорбляли, обижали, но никогда не хотелось в отместку сорвать зло на ком-то, не хотелось издеваться над более слабыми. Мне было жалко их. Почему же мой сын так поступает? Он же хороший. Для мальчиков такое поведение – норма? Это стремление утвердиться хотя бы на время заложено только в них или это свойственно всем детям, независимо от пола? Это следствие влияния ген, родительской закваски или воспитания? За старшей дочерью я такого не наблюдала. Она просто не общалась с теми, кто ее обижал, и все.

...Как-то услышал Антоша в садике смешной анекдот, идет домой, рассказывает его маме и нам с Ганночкой и хохочет. Только мне показалось, что смеется он как-то не от души, не так заливисто и радостно, как обычно. Я спросила его:

– Ты понимаешь суть анекдота?

– Нет, – ответил смущенно.

– А почему смеешься? – удивилась я.

– Так все смеются.

– Боишься выглядеть глупым? Ты всегда рассказывай маме о том, что происходит в садике. Она будет объяснять тебе непонятное, и тогда ты на самом деле станешь умным, и тебя все будут уважать. Представляешь, как ребята станут издеваться над тобой, если почувствуют, что ты чего-то не понимаешь? – объяснила я сыну Лены.

– Я думаю, многие ребята не понимают анекдотов, но стыдно сознаться, скажут, дурак, – задумчиво сказал Антоша.

– А тебе важно мнение ребят о тебе?

– Конечно.

– Чье мнение тебе важнее – ребят или мое? – задала Лена «коварный» вопрос.

– В садике – ребят, дома – твое, – честно ответил Антоша.

Я тогда поразились его ответу. У мальчиков уже не проходит: «мама сказала», это девочки могут позволить себе так выразиться. Даже «мне папа сказал» в этом возрасте не всегда спасает. Они уже пытаются свое, пусть не всегда правильное (чаще всего навязанное детсадом) мнение высказать, да еще с таким апломбом! Хорошие ребяташки!..

Каждый день что-то открываешь в детях и складываешь в свою родительскую копилку.

...А вот еще малыш, которому никак не удается застегнуть пуговицу на брючках. Он сопит, испуганно поглядывает на сердитого отца – тот торопится на работу – и его пальчики нервно скользят по жесткой ткани в поисках как бы нарочно ускользающей петли.

Рядом с ним садится Алеша – плотный, круглолицый, белобрысый, очень подвижный. Он быстро раздевается и идет в игровую комнату. Алеша ходит напористо, «бычком», голову выставляет чуть вперед, будто бодаться собирается. Слышу визг. Оглядываюсь. Худенький, бледный Петя заливается слезами и рукой указывает на Алешу. Его мама удивленно и испуганно разглядывает четкий кровавый след двух рядов зубов на руке своего сына. Она резко поворачивается к матери Алешы и говорит возмущенно:

– Вы бы объяснили своему сыну, что он человек, а не собака. Я не верила, что он кусается, пока сама не увидела. Воспитывать ребенка надо. До чего он может докатиться, если уже в садике с ним сладу нет.

– Мы живем в зверином обществе. Нечего скулить. Пусть дети уже сейчас начинают учиться защищаться.

– И что же это будет, если все дети станут друг друга бить и кусать? Мы же вырастим жестоких людей! Не знаю, как вас, а меня в детстве учили добру и взаимопомощи. По-вашему, получается, что если мой ребенок слабенький, так пусть над ним издевается более сильный мальчик? – возмущалась мама Пети.

– Вы его тренируйте, закаляйте, – не сдавалась мама Алешы.

– Вам хорошо рассуждать, ваш сын родился крепким, и развитие у него нормальное, а моему при родах вывихнули ножки, так намаялась я с ним, пока лечила, да учила ходить. Мне его теперь лет до 18 по поликлиникам водить.

– Ваши проблемы, вы их и решайте, – резко ответила мама Алеши и, горделиво подняв голову, удалилась.

Знала себе цену жена большого начальника. В комнате воцарилась тишина. Даже детвора притихла, наверное, пыталась что-то понять из разговора двух мам.

Появился Илюша. Поразительно, как маме удается растить сына без обычных для детей болячек! Может, наследственность хорошая? Маленький, худенький (в родителей), серьезный и спокойный, он зимой ходил в ботиночках, в продуваемых ветром полушерстяных штанишках и легком пальто. Никогда я не слышала, чтобы он кашлял, или пользовался носовым платком. Мальчик ни с кем не ссорился, ни к кому не приставал, все делал самостоятельно, неторопливо, четко. Говорил, когда видел в этом необходимость. А мама у него обыкновенная, ничем не выдающаяся, дед заботливый, деньгами помогал молодой семье.

А вот рыженький Витя. Он уже два года ходит в музыкальную школу и при случае не забывает вернуть в разговор какой-либо музыкальный термин. Видно, что гордится своими успехами. Очевидно, родители хвалят его. Очень деловой, собранный и ответственный мальчик! Весь в папу, даже веснушки на лице у них похожие. Маму один раз только видела. Очень милая. С маленькими дочками-близняшками дома возится. Витя их обожает. Он очень заботится о сестричках и всем с восторгом рассказывает об их проделках.

Вот Шурик – худенький, нервный, вялый, с черной родинкой на впалой бледной щеке. Плечи опущены. Сидит так, будто вот-вот сложится втрое. Когда к нему пристают, сердито отмахивается, уныло вскидывает голову, как двухдневный жеребенок, и опять «опадает» плечами вперед.

«Какие они будут лет через десять-пятнадцать?», – думала я тогда, вглядываясь в их милые личики.

Горький опыт

Инне было что вспомнить и из их взрослого прошлого с Леной: теплые встречи, откровенные и деловые разговоры.

...После университета, имея красный диплом, терпеливо сносила на заводе издевки и постоянное насмешливое презрение мужчин. Ты же помнишь, я была не бойкой провинциальной девчонкой, а цветочной феей из мира сказок. Отчаянно верила в справедливость, поэтому сразу не сумела вписаться в реальную взрослую жизнь.

Первые признаки недовольства коллег обнаружила сразу же, как только переступила порог лаборатории. Мое появление было встречено единодушным, настороженным молчанием. Мужчины не желали видеть в своем коллективе женщину и, наверное, надеялись в скором времени выжить меня. Сначала я в это не верила, пыталась обнаружить хоть что-нибудь, способное опровергнуть мое мнение. Но бесполезно.

Мужчины быстро оценили преимущество большинства и эффективное воздействие на женскую душу грубости и бестактности. Они подмечали мои малейшие промахи, чтобы использовать их для давления на меня. А я, воспитанная на идеалах Николая Островского, на «тонких и высоких материях», до этого понятия не имела о подобных отношениях в коллективе. Душой я жила в тургеневском времени, а грубая современная реальность меня унижала.

В своей студенческой подгруппе я тоже была единственной девушкой, но всегда ощущала уважительное внимание, какое-то легкое, приятное возбуждение и чарующую приподнятость в настроении сокурсников при общении со мной. А эти нет чтобы помочь в чем-то – постоянно топили. И я боялась сделать какую-нибудь оплошность, разоблачающую недостаток моего

опыта. А он, естественно, был у молодого специалиста, делающего первые шаги в применении своих, пусть даже прекрасных, теоретических знаний.

Не заботясь о приличиях, с пугающей прямолинейностью коллеги унижали меня за то, что я будущая мать-одиночка, открыто демонстрировали мне гадкое злорадство, с наслаждением изводили пошлостью. Не умом брали, пакостливостью.

Приходилось терпеть: обязана была после учебы отработать два года по месту распределения. Мужчины прекрасно понимали, что происходило в моей душе, но это их только подстегивало. Добрых слов заслуживал лишь молодой инженер Евгений. Он единственный, кто попытался оградить меня от прямых посягательств. Но шквал насмешек не обошел и его. К тому же эта защита вышла ему «боком». Когда стал вопрос о его повышении, начальник выразился достаточно откровенно: «Вы не готовы стать руководителем группы. Мне безразлично, кто прав, а кто виноват. Мне не нужны склоки. Для меня главное, чтобы взаимоотношения в коллективе не влияло на производительность труда, на показатели».

Я вызывала в мужчинах патологически враждебное раздражение. Для них не было большей радости, чем нагло оборвать, не дав мне раскрыть рта, подвергнуть осмеянию, воображая, что ведут себя остроумно. Еще любили с пренебрежительным снисхождением объяснять мне прописные истины, не позволяя им возражать, а потом грубо утверждали, что я отняла у них массу времени. Эффектно, зрелищно обставляли свои нападки и, похоже, гордились своей изощренностью.

Как-то услышала доносившиеся из коридора достаточно громкие откровения одного сотрудника. Он хвалился товарищу из соседней лаборатории: «Ни на какие блага не променяю удовольствие травить новенькую. Это почище оргазма будет!» Не успела я понять, кому принадлежит этот голос, как услышала замечание еще более грубое и жестокое. Чуть не задохнулась от обиды. «Ну почему я служу для них излюбленной мишенью для издевок? Почему этим привожу их в прекрасное расположение духа?» – недоумевала я.

Мое мнение никогда не пользовалось уважением в их среде, даже в мелочах. Как-то придумала простейший способ продевания проводов через узкие трубки – необходимая процедура при ремонте аппаратуры – так они, прекрасно понимая удачность предложенного мною метода, категорично отвергли его, мучились, но продолжали работать по-старому.

Я не знала, как противостоять сплотившимся против меня людям и обстоятельствам. Мама считала, что эти мои пустые детские обиды яйца выеденного не стоят (ей-то повезло с коллективом), а подруга студенческих лет Вера в письмах настойчиво советовала не церемониться и никому не спускать обид. Учила выискивать всевозможные способы отмщения. Приводила в пример свой, поначалу горький опыт. Призывала следовать принципу: «Если столкнешься с неизбежностью, бей первая». Она даже предложила мне использовать убойную, безотказную фразу: «Мол, слышала я тут от одной дамы об одном из вас... Очень старался... только все бесполезно...». Не могла я опуститься до подобной грязи.

Но Вера вселила в меня уверенность, я поддалась на ее уговоры и пошла в «бой» с открытым забралом. «Наступил мой черед говорить», – думала я. И начала свою глупую атаку: «Вы не признаете за женщинами права на уважение и достоинство. Это не делает вам чести, а говорит о примитивном интеллекте. Я вывожу вас из себя тем, что часто попадаю в точку. Именно это вам не хочется признать. Понимаю, в вас говорит вечная борьба мужчин за первенство, за свое превосходство. Вы боитесь женщин, иначе бы не использовали унижительные способы общения с нами. Вы наша сильная, гордая, умная половина? Ха!.. и т.д. и т.п.»

Слова были правильные. Стратегия и тактика подкачали. Этой борьбе не суждено было оказаться такой легкой, как считала моя подруга. События развивались в полном несоответствии с намеченным ею планом. Уже одно то, что я стремилась защитить чувство собственного достоинства, производило на них такое же действие, как красная тряпка на быка – вызывало желание ударить меня еще сильнее. Их было много, и этим они были сильны. То был «терра-

риум единомышленников». Я ненавидела их... Не помогли советы подруги. Видно, ситуация у нее была много проще. А может, «что позволено Юпитеру, то не позволено Быку»?

Потом я выработала иную позицию: стала сама подшучивать, подсмеиваться над своими слабостями и даже иногда весело позволяла издеваться над собой всем, кому сколько было угодно. Пряча за самоиронией смятение, я старалась хотя бы внешне не выказывать своей обиды. За год работы сближения так и не произошло. Постоянные унижения продолжались и после рождения сына, когда через два месяца после родов я вынуждена была выйти на работу. В любых недочетах и неудачах в лаборатории обвиняли – хоть и голословно – всегда только меня.

Моя гордость не могла больше мириться с таким положением вещей, я испытывала потребность вырваться из начинавших уже делаться цепкими объятий заводской рутины. Меня всегда тянуло к новому, неисследованному, я чувствовала, что амплуа ученого мне ближе. Дед учил меня стремиться к высокой мечте и выживать в любых условиях. Память о нем поддерживала, давала силы, а его глаза, струящиеся добротой и любовью, всё чаще грезились мне и во сне, и наяву. Так было всегда, когда мне было трудно. Тогда-то и возникла у меня идея пробиться «в дамки» и защитить себя от мужского превосходства, вернувшись в цех в ином качестве – кандидатом технических наук. И я тайком от всех стала готовиться к экзаменам, и уже через год поступила в аспирантуру. Утерла нос своим мучителям.

Сосед по лаборатории

Галине события 40-летней давности припомнились. Она тогда рассказывала Миле, как они с Леной иногда в обеденный перерыв ходили в «курилку», что в конце коридора под лестницей обсуждать общие текущие проблемы.

... В ведении Николая Ивановича, инженера из соседней лаборатории, был компьютер, и в тот день Лене необходимо было договориться с ним о получении дополнительного машинного времени. Помнит ли Лена эту неприятную беседу или вычеркнула из памяти?

Я остановилась неподалеку, среди инженеров своей лаборатории, но не очень вникала в суть их беседы, а старалась быть в курсе разговора Лены, чтобы вовремя прийти ей на помощь, если «главный по компьютеру» вдруг заартачится. Человек он пожилой, всесторонне положительный, но и от него можно было ожидать всякого. Вдруг проявит излишнюю принципиальность и откажет под предлогом необходимости строгого соблюдения намеченной очередности. Да и Лена может погорячиться и выдать неожиданный фортель. С нее станется. Работа, большой ребенок. Помощи ждать не откуда. Измотана до предела. Не позавидуешь.

Замечаю, что их разговор пошел не в то русло. Решила пока не вмешиваться. Ясное дело, неприлично сразу подступать с просьбами, не поговорив о том о сем. «Надо дать начальничку поупрашивать себя, выслушать его проблемы, может быть, даже где-то поддакнуть», – практично рассуждала я, как многоопытный человек. Сфокусировала я свое ухо на окно, у которого расположилась Лена, прислушиваюсь.

– ... Давно я вас, Леночка, заметил, – мягко сказал Николай Иванович.

– Жить, не привлекая ничьего внимания, невозможно, – в ответ недовольно пробурчала Лена.

К ним подскочил Иван. Он работал на втором этаже, в лаборатории спектроскопии. Заносчивый нервный тип. Не любила я его.

Иван с нескрываемым восхищением оглядел Лену с ног до головы и выразительно сказал: – Знаешь о себе – хороша!

И громко добавил после длительной паузы:

– Вот и цену себе набиваешь.

Тонкие губы его расплылись в блаженной ехидной улыбке. На худом лице зашевелились ранние глубокие морщины, подчеркнув тем и без того его далеко не гладкую кожу. Зло, с удо-

вольствием высказался, с явным ликованием. Он самодовольно обвел глазами присутствующих в «аппендиксе» коридора, надеясь, что его услышали многие. Но все были заняты своими разговорами, и ожидаемого эффекта не получилось. Только Николай Иванович покачал головой, выражая свое неодобрение его поведением.

Лену передернуло от возмущения. Ей сразу не понравилось присутствие этого неприятного молодого человека при ее разговоре с Николаем Ивановичем, да и наглое вступление в их беседу не предвещало ничего хорошего. Услышав презрительно-высокомерное восклицание «хороша», она подозрительно покосилась на Ивана. Болезненное раздражение отразилось на ее лице, но она не удостоила обидчика своим вниманием. И, уже будучи заведенной, повернулась к Николаю Ивановичу и заметила:

– Сейчас вы делаете мне осторожные комплименты, а потом этот разговор послужит для вас оружием против меня. Тоже, наверное, не упустите случая в самый неподходящий момент обронить несколько слов в мой адрес, чтобы уколоть, унижить? Такова психология большинства мужчин. Говорят, мужчины и женщины грешат этим в равной степени, только мы, женщины, более беззащитны перед клеветой и грубостью. И вы, при всей вашей добропорядочности, можете ненароком обмолвиться грязной шуткой в узком мужском кругу. В присутствии женщин не позволите. Я ошибаюсь?

«Боже, куда Ленку понесло, – испугалась я, ища ее взгляд, чтобы глазами обругать за неправильное ведение предварительной беседы, так сказать, прелюдии. – Достали ее мужчины своими издевками. Уже на невиновных бросается. Совсем контроль над словами потеряла».

– Обижаете. Глаз у вас ненаметанный. Не набрасывайтесь на меня как коршун. Вы слишком скептически относитесь к мужчинам. С чем это связано? Они вас часто обижали? Я никогда не позволяю себе таких вольностей. В хорошей компании это производит невыгодное впечатление. Я не поддаюсь соблазну грубо поострить. Предпочитаю другое – похвалы. Стараюсь о людях говорить только хорошее, чтобы не наживать врагов, или помалкиваю.

Не стоит упускать из виду следующее немаловажное обстоятельство: даже в не очень достойной компании иногда полезно своевременно и тактично вмешаться, увести разговор в положительное русло, чтобы предотвратить назревающий неприличный скандал и тем самым положить конец не начавшейся еще «войне», – строго, как учитель, но с обидой в голосе, отчеканил Николай Иванович.

Он сказал это с такой силой и выразительностью, что Лена на миг растерялась и, почувствовав, что сгоряча напрасно нагрубила порядочному человеку, попыталась оправдаться:

– Простите. К сожалению, не знаю, как бы мягче сформулировать, но досужие вымыслы о безнравственном поведении незамужних женщин часто людям кажутся правдоподобными, достоверными. В плохое люди легче верят. Добрым, открытым всегда больше подковырок достается. В глазах мужчин они выглядят гораздо хуже, чем можно предполагать. И начальство боится их выделять, продвигать по службе. Как бы чего не подумали! И всё у них в карьере часто незаслуженно идет вразнос. Вот и мои проекты не рекомендуют к производству. Воевать приходится. И часто неудачно.

Многие женщины злословят из боязни потерять своих мужей. Некоторые мужчины сплетничают по причине завистливого характера. Не следует списывать со счетов задетое мужское самолюбие и раздутое самомнение. Для таких мужчин оговоры – в порядке вещей. Меня подобные разговоры выводят из равновесия. Я боюсь совершать якобы «предосудительные» поступки. Это тем более опасно для меня, что в глазах обывателя особенно постыдным считается быть не просто незамужем, а еще и с ребенком.

Лена горько усмехнулась.

– Меньше обращайтесь на сплетни, – посоветовал Николай Иванович уже мягче.

Своим ответом он не возбудил в Лене интереса. Но в его взгляде она заметила оттенки собственной печали, разочарования, неудовлетворенности. А Иван тут как тут со своими комментариями.

– Зря избегаешь мужчин.

– Не начинай! – зло оборвала его Лена.

– Случайностью невозможно управлять. Жизнь не предупреждает о предстоящих поворотах судьбы и можно не расслышать ее голоса, не понять ее зова или предупреждения. Может быть, скоро ждет тебя самый крутой и опасный вираж судьбы. Не стучит набатный колокол в твоей голове? А вдруг это не ложное впечатление? И тогда нужно рассчитать вероятность такого события и подсуетиться. Если суждена тебе роковая встреча, то все равно не избежишь ее.

Предвижу возражения, ироничную улыбку... но, понимаешь, для меня чем выше забор, тем больше желание его перепрыгнуть, – то сладко щурясь, то кривясь в ехидной улыбке, снова язвительно цепляется Иван, раздевая Лену глазами и явно намекая на свои завышенные сексуально-плотские возможности.

Тень неподдельного страдания скользнула по лицу Лены. Не было бы Николая Ивановича, она быстро и грубо отшила бы пошляка, но присутствие пожилого человека связывало ей руки, точнее, язык. Она только бросила на Ивана уничтожающий взгляд. Ее раздражало его необычайное самомнение. С чего бы это ему упиваться своим торжеством? Но она тут же предположила, что у него собственные неудачи выливаются в открытую грубость не только к тем, к кому он испытывает неприязнь, но даже по отношению к тем, с кем ему хотелось бы положительно общаться. А его намеки, разумеется, – не больше чем миф, созданный им же самим для внешнего и внутреннего самоутверждения. Поэтому она ответила сдержанно, очень даже сдержанно, до скрипа зубов.

– Удачная встреча? Это на твой взгляд. Что за нелепость? Я нацелено не стремлюсь к замужеству. Не хочу искать приключений, не хочу никому кружить голову преждевременными обещаниями. И вообще, я не готова к диалогу на эту тему. Зря ты определил себя в штат моих духа и тела хранителей или обожателей, – решительно прервала Лена ненужные ей излияния и отвернулась от Ивана с мыслью, что надо немедленно и жестко положить конец этому неприятному разговору.

– Травишь здорово и гладко, поэтому доставлю тебе удовольствие и выслушаю в сто первый раз твою байку о нежелании выйти замуж. Наверное, из головы не идет любовь. Ведь хочется урвать хотя бы от чужого счастья? Или, может, ждешь подходящего случая, чтобы еще раз всех удивить? – закончил он непристойным намеком.

Лена побледнела и пошла в атаку.

– Ты любишь рассказывать о том, что многих соблазнил. Я не верю в это. Может, хочешь услышать в ответ, перед сколькими обожателями я устояла? Не надейся...

Иван, не слушая выпада Лены, продолжил:

– Она, видите ли, не озабочена телесным дискомфортом. Нос воротит от мужчин! Посмотри правде в глаза: рада бы в рай, да грехи не пускают. Утверждаешь, что не коснулась тебя распутная фортуна?.. Не везет, пробуксовочка пока идет, а то бы давно уж... кордебалет... да вверх копытами... И хочется, и колется да мама не велит. Не подвернулся приличный шанс? – словно гордясь своим поступком, нимало не смутившись, снова гадко уколол Лену Иван, сопровождая свои слова радостно-пошлым смешком и поглядывая на нее с жутковатым интересом.

«Подобной бестактности, такого гнусного посягательства на Ленины чувства не позволяли себе даже самые наглые ребята из ее лаборатории. Это было самое гадкое из когда-либо ею услышанного в свой адрес, – молча кипела я, готовая взорваться и наговорить грубостей никчемному обожателю. – Нет, что ни говори, а замужняя женщина в большей степени защи-

цена от нападков мужского внимания, и как к специалисту к ней меньше придираются, чем к свободной», – решила я.

Душевное равновесие Лены было окончательно поколеблено. Ее глаза загорелись возмущением и дикой злобой. Она рванулась на Ивана с кулаками. Уж на этот раз она не останется в долгу! Но Николай Иванович удержал ее, и больно сжал локоть Ивана.

– Ну и сказанул, как в воду плюнул, – отреагировал он удивленно. – Не ожидал.

Лена даже не представляла, что может быть настолько благодарной за маленькую поддержку этому, в общем-то, малознакомому человеку. И она смирилась, только жестким взглядом осадила грубияна.

– Вы меня на голос не берите, – насмешливо фыркнул Иван, продолжая жадными глазами исподтишка любоваться смущением и злостью Лены.

«Да он сексуально озабоченный», – поставила я неопровержимый диагноз.

Намеки Ивана были слишком грубыми и обидными, чтобы безропотно сносить их. Даже у Николая Ивановича был растерянный, недоумевающий вид. Но Лена и на этот раз выдержала «осаду», сделала вид, что остыла, пропустила издевку мимо ушей и только подумала: «Он оказался гораздо более опасным противником, чем я ожидала. Странно, при свидетелях ведет себя более нагло, чем один на один при встрече в коридоре. Что за этим кроется? Показное? На публику работает. Пожалуй, при случае стоит отбрить его, чтобы неповадно было цепляться». А вслух сказала:

– Станным образом клеишься. Честный. Не желаешь хранить под спудом свое хамство. Вживую его предъявляешь. У тебя извращенная страсть к грязи? Прекрати, «Карузо». Не ту песню поешь. Не от большого ума желание быть оригинальным доводит тебя до пошлости. Мнишь себя «ярким представителем темных сил»? Ожидаешь одобрения? Глупо. Надо заранее тщательно взвешивать шансы на успех, а не бросаться в омут с головой. Бредешь по жизни вслепую, на ощупь. Тебе совершенно неважно, что я о тебе подумаю? Что скажешь в свое оправдание? И к чему приведет тебя шутовское отношение к жизни? Герой-любовник!

«Не узнаю Лену. Как озлобилась... – ужаснулась я. – Мне проще. Муж, как охранная грамота».

– Чего пристал? Если перебрал малость, так пора завязывать. Или не умеешь радоваться жизни без горячительного? Крыть нечем? – хмуро намекнула Лена на «маленькое» пристрастие Ивана. – По мне: чем рядом плохой мужчина – лучше никакого. Зачем попусту мозолить глаза, отнимать время у себя и у другого? При виде таких экземпляров, как ты, меня в дрожь бросает уже от одной только мысли о замужестве.

От Николая Ивановича не скрылся усиленный интерес Ивана к Лене. Он даже смутился, настолько был уверен в правильности своей догадки. Постоянные настойчивые выпады Ивана в адрес Елены, его воззрения, разожгли любопытство и побудили Николая Ивановича продолжить разговор на эту тему.

– Немаловажное обстоятельство, Леночка: мало достойных мужчин, – подтвердил он ее мысль.

Лена искренне улыбнулась поддержке.

– Точно, мало. Казалось бы – какое время! – и вдруг такие «Ромео»... Все стоящие мужчины накрепко женаты.

– Отбрываешь всех мужиков. В этом я тоже вижу твою ущербность, но ордена за храбрость не получишь, – замогильным голосом сказал Иван, исподтишка посматривая на Лену. Его глаза алчно посверкивали из-под полуприкрытых век. – Ишь, цаца недоступная. Мужчины ей не такие! Боишься тонуть, заблуждаться, теряться. Тебе бы только, чтобы всё гладко, чтобы всё в ажуре. А кто нас, не великих, приветит?.. Ну, да. Я, конечно не Петр...

Иван побагровел. На висках налились вены. Он пытался сообразить, какому бы еще унижению подвергнуть строптивую девицу. Но обида уже захлестнула. Под презрительным взгля-

дом Лены он чувствовал себя уязвленным. Конечно, ни квартиры, ни машины... выдавший виды пиджак... Все равно он давно нацеливался на нее, хотя и понимал, что не у него одного возникает такое желание.

Лена стояла бледная. Глаза ее расширились, губы задрожали. Николай Иванович что-то тихо говорил ей. Я не могла расслышать. Потом он еще сильнее сжал локоть Ивана. Тот наконец понял намек и отступил на пару шагов в сторону.

А Лена словно забыла о существовании Ивана и, как бы оправдываясь перед Николаем Ивановичем, заговорила откровенно, с болью.

– Петр... Я не сильна во взаимоотношениях с мужчинами, но хороший урок общения получила еще в первый месяц работы. Судьба словно издевалась надо мной. Вроде не дура, а вот, поди ж ты, вляпалась. Тогда я дружила с компанией незамужних девчонок. К нам часто в перерыв присоединялся Петр. Он всегда был внимателен, предупредителен, расшаркивался приятными словами перед каждой из нас, никого не выделяя. Меня это устраивало, и я не прочь была поболтать с ним в свободную минуту. Он был достаточно эрудированным. Я не почувствовала опасной неуютности этого человека.

Одно меня в нем злило: вечно попрошайничал. То этот ему прибор дай на время, то другой. А начинал с того, что пел дифирамбы. Но я, выслушивая комплименты, не имею привычки млеть и расплываться от удовольствия в улыбке, поэтому сразу говорила: «Зачем пришел, какой прибор нужен?» А он возмущался и мгновенно обретал вид обиженной невинности, мол, зачем так грубо гасишь добрые чувства. А я ему: «Ты меня первый оскорбляешь. Сделаешь комплимент и тут же просишь что-нибудь, точно покупаешь меня за красивые слова. А просто так не можешь расщедриться? Неужели я не заслуживаю? Кумекать надо, а не шаблонами жить». Убивала я его своей прямолинейностью.

Случалось, в плохом настроении я и сама искала в перерыв с кем бы «покурить», то есть поболтать. И он всегда был «за». У него своих сигарет никогда не было, и я, желая развеяться, угощала собеседника заранее предусмотрительно купленным «ядовитым зельем».

«Чего это она с Николаем Ивановичем откровенничает? Давит на жалость?» – удивилась я.

– Вот как-то идем мы в его лабораторию, а тут шеф меня останавливает. Я сигарету из своей ладони в ладонь Петру переложила, и стою, беседую с начальником. Заметила, конечно, как он стрельнул в нашу сторону глазами, засекая передачу чего-то из рук в руки, но значения этому факту не придавала.

После разговора зашла к заму за отчетом, выхожу, а шеф уже стоит у дверей Петра. Никак себя не проявил, не подал вида, что заметил меня, вроде бы график работы внимательно изучает. Я без задней мысли мимо него юркнула в лабораторию к Петру. Посидели, пожаловались друг другу на жизнь, и я побежала к себе. Смотрю, а шеф как стоял у двери, так и стоит, только теперь разговаривает с дипломником. Я удивилась: с чего это он околачивается возле чужой лаборатории? А он, похоже, еще больше. Как потом выяснилось, посчитал, что слишком быстро я вышла от мужчины. И по лицу моему ничего не смог прочесть. Оно было спокойным, даже безразличным.

А на другой день знакомый лаборант отвел меня в сторонку и говорит: «Я очень уважаю вас, но в кругу мужчин Петр хвалится связью с вами. Вот и вчера сказал вашему шефу, что «моя ко мне придет, не мешайте». А я знаю, что вы с ним только беседуете. И кофе с коньяком не ходите к нему пить в общежитие, как другие девчонки».

Я чуть не застонала от досады. Мне и в голову не приходило, чем могут закончиться минуты невинного общения. Меня затрясло. Когда, в какую злую минуту пришла ему в голову мысль обгадить меня, запятнать бесчестьем? За что? Как мне вернуть утраченную репутацию и усмирить задетую гордость? До глубины души обидели меня слова лжи. «Ну, – думаю, – покажу гаду, как плести против меня интриги! Он никогда не предполагал, что одураченные им

люди точно так же могут поступить и с ним?.. Пользуется тем, что порядочных людей больше. Понимает, что не смогу, как он...», – кипела я и тут же бессильно сникала.

И вдруг страшно явственно представила себе все увеличивающиеся, волнами расходящиеся по цеху сплетни. И так потемнело в глазах, будто надо мной обрушилось небо... Вы же знаете, как это обычно бывает: при каждом пересказе слух постепенно обрастает все новыми дикими лживо-фантастическими подробностями. Еще Геббельс утверждал что-то вроде того: «Для того чтобы быть убедительной, ложь должна быть чудовищной».

Стала анализировать свое поведение. Дошло, зачем шеф стоял у двери – время посещения засекал! Поняла, почему Петр пытался меня задержать у себя в лаборатории, упрашивая посмотреть работу новой экспериментальной установки. Скомпрометировать хотел. Хорошо, что я торопилась закончить расчет и не могла позволить себе расслаживаться в чужой лаборатории.

Сигарета, перешедшая из рук в руки, явилась для шефа поводом поверить в сплетни. Она была той самой крупинкой истины, которая подтверждала горы лжи. Ведь вранье, приправленное капелькой правды, всегда звучит гораздо убедительнее. Петр все рассчитал правильно, полагая, что шеф знает обо мне достаточно много, чтобы поверить в рассказы, и одновременно очень мало, чтобы поймать Петра на лжи. Но тут Петр просчитался, не учел мое рвение в работе, и тем самым ничего не смог доказать шефу. С тех пор разговариваю с мужчинами только прилюдно, вот как сегодня... Собственно, чего обижаться? Сама виновата.

Лена, исповедуясь перед Николаем Ивановичем, совсем было забыла об Иване, но он напомнил о себе.

– Дыма без огня не бывает. Ах, какие шекспировские страсти, какой сюжет! – со злорадным удовлетворением фыркнул он.

Лена с надменным выражением лица повернулась к Ивану спиной.

– Такое поведение неосмотрительно с вашей стороны. Надо всегда действовать с оглядкой. Не детсад, где вокруг вышколенные детишки. В среде скверной людской невоздержанности трудно оставаться безвинным. В вас должна обнажаться твердокаменная порода, тогда, может быть, побоятся трогать, – начал Николай Иванович привычным назидательным тоном, в который он, наверное, неизменно впадал во время своих разговоров с детьми и внуками. Сходство с добродушным человеком в нем будто стаяло. – И все же расслабьтесь. Не берите на себя то, что приписывают вам. Не переживайте, вы не первая и не последняя, споткнувшаяся о сплетни. С таким же успехом это могло случиться с любой даже замужней женщиной. Вы еще легко отделались. Отвергнутые мужчины часто не только словами негодуяюще презрительно мстят красивым женщинам. Бывает много хуже... Занесите этот постулат в анналы своей памяти. Вне всякого сомнения – скромность является одним из ваших главных достоинств. И в работе, я слышал, если уж беретесь за что-то, то доводите до конца и делаете все на совесть, – искренне, с уважением закончил Николай Иванович.

– С течением времени эта история, я полагаю – и это неизбежно, – подвергалась некоторым коррективам, но не забылась в коллективе. Я часто слышу за спиной гаденькие ехидные шепотки. Не удивлюсь, если еще кого-нибудь мне навесят и пристегнут эти искусные мастера наветов. Дорого начать... Мы побеждаем мощных внешних врагов государства, но справиться с мелкой гадкой подлостью в отдельно взятом человеке не удается...

А ведь в работе Петр человек увлеченный, потому-то и не ожидала я от него пакости. Он мне как-то на бегу выразил неудовольствие: «Почему «не дружишь» со мной? Какая теперь разница, все равно о тебе говорят». Думал, если оговорил меня, так уломят? А ведь он, как никто другой из наших девичьих разговоров, знал о моей порядочности. Бил по самому больному...

Долго еще при любом удобном случае он упорно и хитро, при свидетелях, продолжал демонстрировать свое отношение ко мне, разыгрывать влюбленного, намекать на наши будто

бы ссоры, когда я резко реагировала на его приближение ко мне. Решил всерьез и надолго опочить мое имя. Не мог простить отказа. Так я всех отшиваю. Зачем он поддерживал мнение, будто я его пассия, хотя имел постоянную любовницу? Это льстило его самолюбию? Вот так и создаются «биографии»... Этот случай привил мне стойкий иммунитет от мужского прилипчивого внимания... Бесперебойная череда неприятностей первого года работы до сих пор стоит перед глазами. Этот период жизни я отношу к самому тяжелому, унижительному.

И с первым начальником-мужчиной мне не повезло. У нас с ним сразу наметилась несовместимость.

– А я слышал, как он отзывался о вас с необычайной похвалой.

– Может, в тот момент он хотел свалить на меня подготовку квартального отчета. Без выгоды он не произносил доброго слова. Клинья ко мне подбивал... Ну, это уж вовсе бабы разговоры... Я страшно обижалась, потому что не давала повода делать мне гадкие предложения.

«Ну, Ленка дает! кто же с мужчинами мужчин обсуждает!» – негодую я.

– Ты давала повод уже тем, что стремилась делать карьеру. Не мог же он упустить случая «взять свое»? Он знал, сколько сил ты прикладываешь для достижения своей цели, вот и решил сделать вид, что хочет «помочь», полагая, что не откажешься запрыгнуть к нему в постель хотя бы ради того, чтобы твои усилия в науке не пропали даром. А ты отказала ему, и тем самым нажила себе врага. Он, очевидно, воспринял твой отказ как оскорбление своего мужского достоинства. Ты пренебрегла им, унизила, – с усмешкой разъяснил Иван.

– А он не унизил меня скабрёзным предложением?

– Что для женщин пошло, то для некоторых мужчин предмет гордости. Поэтому и нет между полами взаимопонимания, – сказал Иван.

– Представил бы на моем месте свою жену, так, наверное, сразу бы понял.

– А зачем ему надо тебя понимать? Ему, дай бог, в себе разобраться.

– Значит, ты считаешь, что в данной ситуации я была в безвыходном положении? Мне оставалась конфронтация и неприятности, связанные с ней?

– С твоим бывшим шефом – да. Или сидеть, не высывая носа, и помалкивать в тряпку. Повезло тебе, что «ушли» его.

– Я, кстати, проследила его дальнейшую судьбу – мать пристроила на только что отстроенный завод. Работает начальником цеха, командует «полком» женщин. Отдавать приказы, спущенные «сверху», у него хорошо получается. Науку от него не требуют. И в настоящее время я придерживаюсь о нем другого мнения. Каждому свое. Он нашел свое место под солнцем... Да ладно, чего уж там, проехали. Теперь мне много проще: у руля стоит женщина. Колесо фортуны повернулось в мою сторону.

Мужчины в моем «кружке» шумно заспорили, и я потеряла нить разговора подруги.

– ...Своей ложью Петр далеко ушел за пределы допустимого флирта. Знаете, даже при самом буйном воображении я не могу себе представить его рядом с вами, – рассмеялся Николай Иванович и заверил: – Не переживайте. Умные поймут и не осудят, а на дураков надо плевать.

– Мужчины тарачатся, взглядами унижают – это у них вне возрастных категорий – и к этому нельзя адаптироваться, – с обидой проговорила Лена.

– ...Неужели ни разу не встретили достойного? – деликатно удивился Николай Иванович.

– Опасный вы человек! Мастер выпытывать секреты? – рассмеялась Лена. А сама привычно подумала: «Что кроется за этой попыткой выведать мои мысли? Неприязнь, враждебность, обычное любопытство, неужели желание помочь?»

– Вы находите, что я слишком...

Николай Иванович сделал паузу.

– Слишком прямолинеен? – спокойным обезоруживающим тоном закончил он.

– А вы сами-то любили? – неожиданно перевела Лена разговор на самого Николая Ивановича, в полглаза наблюдая за его реакцией.

Иван выпал из их общения, но почему-то вообразил, что спросили именно его, и ответил неожиданно резко:

– Много, жестоко, бессмысленно, зло, упрямо и распутно. Люблю гибельно сладкое. Сердце мужчины – бездонная пропасть.

– Или лохань для помоев – не утерпела съязвить Лена в ответ на его неожиданное откровенное «явление народу».

– Не женюсь из гуманных соображений: не хочу делать жену несчастной. Я по-своему порядочный человек. Каждой женщине я сразу раскрываю карты: я вот такой. Хочешь – принимай, а можешь сразу развернуться и уйти. Не держу. Мои отношения – сплошная импровизация.

– У тебя женщины, может, и разные, да ты со всеми одинаков. Думаешь, твое имя овеяно ореолом легенд и мифов?

– С моим желанием бурной жизни и разнообразия никакая женщина не может быть надолго. Я еще ни разу не отступил от своего незыблемого принципа. Свято ему следую. Напролом иду. Не выношу вязкой привязанности, когда все будто по обязанности...

«Может, они тебя не выносят? Ну и хвостун! Ну и заливаешь!» – поразила Лена.

– Только однажды так случилось, что мне представилась возможность влюбиться до беспомыслия... Была в юности девочка, совершенно незаметная, обыкновенная. Впервые положила дорогу к моему сердцу, доставила много мучительно-счастливых минут. До сих пор с ней немой разговор продолжаю... От деревни веяло древностью, плотина отливала серебром. Мы сидели на одеяле из горящих кленовых листьев, невнятно бубнили струи воды, пугливо-радостно пощипывало сердце, упругий ветер теребил пряди ее волос. Я обнажил душу перед ней, а она рассмеялась... Это к нынешней жизни не имеет никакого отношения...

В его словах Лена услышала столько недоговоренного, щемяще-грустного.

Иван внезапно умолк, словно только что почуял подвох в вопросе Лены. Весь его глубокий душевный накал как рукой сняло.

Лена и Николай Иванович переглянулись: о ком он? Столь неожиданно откровенные слова застали Лену врасплох. Взгляд ее выражал открытое недоверие. И Николай Иванович пожал плечами, словно был не меньше ее поражен словами Ивана. Никто до этого за бесшабашностью и цинизмом не угадывал горьких тайных мук сердца Ивана.

«Да он поэт!.. Он поступил так, пусть даже опрометчиво, чтобы лишний раз продемонстрировать свое «я»? Это глупая бравада истеричного мужчины или он случайно, под каким-то толчком впечатлений обнажил душу? Это горькая, очевидная правда? Ранимый, а строит из себя Дон Жуана. И это при его-то внешних данных? Не то ампула выбрал», – усмехнувшись, предположила Лена.

У нее не было желания посмеяться над ним, не было стремления раздавить жалкой мелочной мстостью. И вслух она искренне удивилась:

– Так мы с тобой друзья по несчастью! Ты тоже жертва. А я-то терялась в догадках относительно твоего поведения. Так вот откуда море желчи. Но я не вполне уверена, что правильно поняла тебя.

«У него хрупкое, может быть, даже болезненное самолюбие и все его грубые слова, сальности – поза, игра. Возможно, он и сам себе в этом не признается». Лене стало немного жаль Ивана. Но простить его пошлости она не могла и не хотела. И презрение к нему не уменьшилось, наверное, потому, что до конца не поверила ему. «Не выношу слабаков», – только и подумала.

– Не беспокойся на мой счет... Не тебе об этом судить, не хочу вдаваться в подробности. Никто не знает, какие шрамы в моей душе оставила та девочка. Не собираюсь развивать

эту тему... Твоя ирония неуместна, – нервно прошипел Иван, явно раздосадованный своей неожиданно излишней откровенностью.

«Да он пьян! – догадалась я. – И когда успел?.. Раз обжегшись, Иван не верит в искренность намерений и чувств женщин и от этого очень страдает. Уязвленное самолюбие превратило его в пошляка», – подумала я. Но жалости к нему не испытала. Обида за Лену перекрыла все возможные положительные к нему чувства.

– Я сочувствую тебе, а иронизирую только по отношению к себе, – успокоила Ивана Лена. – Женись, может, тогда тебя меньше будут занимать чьи-то воображаемые счастливые интимные отношения.

Реакция Ивана была совершенно неожиданной.

– Мы, мужчины, ленивые, поэтому ищем партнершу где-то совсем рядом. И у меня практика поиска женщин на расстоянии вытянутой руки. А если нам с тобой попробовать? Может, это встреча жаждущих сердец сплетет нити наших судеб? Не могу устоять против твоей женской неотразимости. Ты же дьявольская, гремучая смесь из чувственности, темперамента, нежности и обаяния, ты же стихийная анархическая натура. Не прячь ее... Без тебя мне небо с копейку. Дай надежду, цель в жизни, которая позволит мне собрать мозги, поможет достойно жить в нашем кривом, жестоком, несправедливом мире, в нашей черно-белой повседневности. Прошу, предоставь мне эту возможность. Что тебя удерживает? Только на высокие сентенции не надейся. Перегорел я. Не отказывай. Придавить к земле каблуком может каждый, – вдруг по-мальчишески азартно заговорил Иван, схватил Лену за локоть и с совершеннейшей наглостью многозначительно подмигнул.

Такой переход в настроении Ивана поразил Лену. Она раздраженно высвободила руку.

– Однобоко, примитивно мыслите, дорогой Иван Иванович.

– Уже и дорогой? – озадаченно вытаращил глаза Иван, боясь поверить в услышанное.

– Таким обращением я подчеркиваю свое ироничное отношение к субъекту. О душе забываете, любезный.

– О ней я стану вспоминать, когда тело перестанет откликаться на женские прелести.

– Есть такая категория слишком веселых людей, для которых все на свете – шутка. Ты из их числа? Не ожидала от тебя такого фокуса. Считала, что твои чувства ко мне – тайна за семью печатями. Нет, вы только посмотрите на него! Какую порцию дури выдал! Записной шут! На бредущем подлетел, фривольный танец исполнил! Слюни до полу вожжами распустил. Думаешь, из жалости голову потеряю, сразу сменю жесткий тон разговора на интимный, – раздраженно заговорила Лена. – Быстро ты принаравливаешься к изменчивой обстановке. Я возбуждаю желания, которых ты не стоишь. На всех вас, слабаков, доброты не напасешься. А может, мысленно уже празднуешь победу? Зря. Ты не представляешь для меня интереса. Ты исходишь из предположений, вероятность которых слишком мала. Ты – жертва своей собственной досадной ошибки принимать желаемое за действительное.

Попытаешься обольстить, а если не сможешь, оболжешь? Так вот, какова я, мигом ощутишь, как только пожелаешь погладить меня против шерсти. Быстро познаешь глубину и силу женского характера. Я могу легко остудить твой «юношеский» пыл. Надеюсь, со временем самоуверенности в тебе поубавится, – не желая превращать разговор в шутку, язвительно ответила Лена, в упор разглядывая его изжеванную рубашку и брюки, давно забывшие прикосновения утюга. – Пытался тут один... не первой молодости, пристроиться ко мне. В мужья напращивался. Преподносил свои переспелые мечты. Клянчил, вымаливал мое внимание. Мол, у женщины должна быть боль за человека, желание согреть... Чуть не стошнило. Из-за кого закабалиться? И это, с позволения сказать, мужчина? Щеки да живот отрастил на пиве, а мозги усохли. Мое презрение к нему граничило с издевательством. Может, ему еще нос утереть и слюни подобрать? Решил хорошо пристроиться. Добренькую дурочку нашел. Размечтался! Больше не попадаете мне на глаза...

Естественно, что осталась безразличной к его знакам внимания. Стойко отвергла предложение. Успешно пресекла все его поползновения. Я хочу быть такой, какая есть и не обязана приспособливаться, подлаживаться к окружающей низости в угоду пакостному мнению о незамужних женщинах. С бутылкой приходил!.. Нет, замужество для меня – закрытая тема. Достойных давно разобрали, а такие субчики и даром не нужны.

– Облажался мужик, – расхохотался Николай Иванович.

– Ты не вызываешь у мужчин желания защитить тебя. Возле тебя они не чувствуют себя сильными и уверенными. А для них это вопрос принципа. Вот они и стремятся найти в тебе изъяны. И меня хочешь лишить удовольствия беседовать с тобой? С наслаждением клюешь, зловредная девица. От меня не так-то просто отделаться. Не нарывайся на грубость. Ты вполне отчетливо обозначила общее направление своих мыслей... Не люблю, когда намекают, но меня это не касается. Добрая кобыла, да мне не мила, – гадко закончил Иван.

Почувствовав решительный настрой Елены и получив от Николая Ивановича осторожный, но весьма ощутимый толчок под ребро, он зло и самолюбиво хихикнув, быстро удалился. Как кошка, беззвучно растаял в длинном цеховом коридоре. Видно, запас его нерастроченной энергии прогорел.

Лена обрадовалась: порядком надоел, тошнило от его присутствия.

– После такого обмена любезностями ему здесь делать нечего, – сказали они одновременно и расхохотались.

Николай Иванович уважительно сосредоточил все свое внимание на Лене.

– Страсти, не обузданные рассудком, могут привести к плохим, даже страшным последствиям, но не принимайте близко к сердцу слова Ивана. У него нет никакого разветвления в мыслях: все по прямой, в одном направлении и об одном. Неудачник, ниспровергатель всего доброго. Всяк по своему спасает свои интересы. Но в данном случае, удалившись, он поступил разумно. Наверное, решил приберечь свои «остроты» для более подходящего момента. Я боялся, что заартачится и придется принимать решительные меры.

«Иван ушел, можно о нем высказаться откровенно», – подумала я о Николае Ивановиче не очень положительно.

– И все же, возвратимся к нашей теме.

Судя по всему, мысль поговорить с Леной пришла ему не только что.

Николай Иванович прокашлялся.

– Не поверю, чтобы такая женщина, как вы, из соображений приличия разучилась чувствовать, сумела побороть свой природный темперамент и намеренно не позволяет себе радость любви. Это же неразумно. Живете в гордом одиночестве. Зачем избрали такой удел? Судя по всему, дело в каких-то не вполне понятных, а может быть, не правильно воспринимаемых моральных причинах. Жизнь человеку дана, чтобы познать любовь, иначе она будет окрашена в серый цвет. Без надежды на любовь жизнь теряет смысл. Я это утверждаю с высоты своего достаточно преклонного возраста и многоопытности. В чем радость жизни для вас?

«Почву зондирует. Уж не сватает ли он Лену своему несостоявшемуся сыну?.. Весь перерыв Ленка на бредни потратит, а когда же о деле заговорит?» – обеспокоилась я.

– Не надевайте на меня венок мученичества. Любовь и мелкие уступки человеческой природе – разные вещи. Я от любви не отказываюсь. Она всегда в моем сердце. И еще. Сынок – мое единственное счастье. Этот мой маленький мужчина не предаст, не обманет, не унижит. В нем я черпаю спокойствие и уверенность. Его воспитание считаю смыслом своей жизни. Знаете ли, заботы, хлопоты, суета... и мама, к великому моему прискорбию, часто болеет... В лесу боль с души спадает. Спорт отвлекает. Святая святых для меня библиотека. В уединении с книгами моя душа на месте. Еще музыка. Искусство занимает, да времени не хватает.

Я насквозь вижу многих своих «претендентов». Они слишком большое значение придают сексу, а значит, и собственной значимости. Заблуждаются. Женщине нужна настоящая любовь,

а не отношения. Я не могу и не хочу быть счастливой на месяц, на год. Мне нужно душевное равновесие, слияние с любимым... а не собачьи радости.

– Не заблуждаетесь, признавая только платонические отношения? Все-таки вы еще так молоды. Существуют же, в конце концов, потребности... Вы недооцениваете себя.

– Отбить? Не способна. Подруга говорила, что «мужчина – довесок к ее жизни, к ее личности. Внутри меня целый мир, и он более интересен, чем то, что я вижу в мужчинах». Стать чьей-то любовницей? Это ниже моего достоинства. Я уважаю себя. К тому же я слишком расщудочна. Не гожусь в любовницы. На примере подруги делаю выводы. Вижу, как она страдает от приниженности, от жалости к самой себе.

Сначала, пока добивался, мужчина боготворил ее, на коленях перед ней стоял. С год их отношения не теряли яркости и свежести. Потом как с женой разговаривать стал: со злостью, с пренебрежением. Конечно, сначала была тайна, новизна редких встреч. Потом все приелось. И она уже будто обязана с ним встречаться, не может отказать, когда он звонит. Потом претензии начались. И ему она уже в тягость, но он привык к ней, как к вещи, которую выбросить жалко. Ревнует. Никого другого к ней не подпускает. Мое, не посягай! Ей поначалу это нравилось. Не жена, а все равно ревнует, значит, любит. Потом поняла, что у него срабатывает мелкособственнический инстинкт. Смешно и гадко все это. Годы летят, а что у нее впереди? Я видела, что ее любовь приносила ей боль и тревогу, давало о себе знать ощущением пустоты в душе. Она жадно и настойчиво требовало заполнения. И ребенка он не хотел.

А я только симпатизирую. Мое обожание не омрачается бытом, угрызением совести, что ворую чужое тепло. Я счастливее любовницы. Никакой зависимости! Нет ласки? А много ли ее видят жены?.. Хорошо еще, если любовник более или менее достойный попадет. А если грубый, требовательный, жестокий? Нет уж, увольте меня от такого «счастья». Я сознательно отбросила извечный, многовековой страх женщины перед потерей мужчины, и не жалею об этом. У каждого свои приоритеты в жизни.

– Аналогия, как известно, – вещь рискованная. У подруги – одно, у вас может быть другое. Смотрите, чтобы потом не почувствовали сожаления, раскаяния. Кстати, почему вы курите? – неожиданно оборвал Николай Иванович монолог Лены.

– Дома не курю. Общаясь с мужчинами по работе, незаметно для себя переняла их слабость. А началось с того, что иногда в курилке мужчины обсуждают не только женщин, но и рабочие проблемы. Мне кажется, под этим предлогом в основном они там собираются.

И добавила с усмешкой:

– С сигаретой я внешне вроде бы равной с ними чувствую себя, да и они меня в это время своим парнем считают. Собственно, я не затягиваюсь, видимость создаю. Настоящее курение считаю распушенностью. К тому же я обратила внимание на то, что курящие женщины смотрятся сиротливо. Они мне все, как одна, кажутся несчастливими. И мужчин с «соской» в зубах я считаю или не очень умными, или слабовольными. Разве самостоятельный мужчина позволит сам себе губить здоровье? У одного знакомого спросила, почему он курит. Ответил: «Дурак». – «Лучше бы уж слабак, – возразила я. – Дурак с сильной волей опасен. В такую дурь может попереть, что с ума от него сойдешь». А он, похоже, обиделся. У него, видно, слово «слабак», как у большинства мужчин, ассоциируется не со слабой волей, а опять-таки с постелью... У кого что болит...

– Вы злитесь, когда вас ругают? – неожиданно, непонятно зачем поинтересовался Николай Иванович.

– Только в первый момент. Под влиянием эмоций. Потом задумываюсь и прихожу к выводу, что сама в чем-то виновата и нечего в других искать причины своих бед. Вгрызаюсь в тему, с головой окунаюсь в проблему и не вылезая из нее, пока не решу.

«С чего это он тестирует Лену? Здесь явно просматривается личный интерес. К себе в лабораторию хочет переманить?.. Ну, если только с повышением», – рассуждала я.

– Надо не только свои, но и чужие ошибки замечать, иначе вас всегда будут использовать, понимая ваши особенности характера: трудолюбие, порядочность, самоедство, увлеченность.

– Знаю за собой такое. Еще в школе учитель пользовался моей добротой. Я его жалела, демонстрации опытов помогала готовить к урокам. Настрою, принесу в класс приборы, а он их не показывает ученикам. Позже, узнав, что я умею печатать, принес мне папку с какими-то списками. Тут уж я не выдержала: «Вы, может, мне предложите еще мемуары свои напечатать?» И перестала ему помогать. Я думала, он ценит мои знания, умения, а все оказалось гораздо проще и противнее: его собирались убрать из школы за некомпетентность, вот он и придумал меня использовать. Позже стала приглядываться к нему. Смотрю, скользкий, изворотливый... Дура была.

– И теперь вы пытаетесь уходить от подобных проблем?

– Это лучше удастся, чем решать их. Для решения необходимо глубокое знание человеческой души, а я темная в этих вопросах. Если начну действовать, только всполюшу всех своей прямолинейностью, противопоставлю себя многим. Зачем мне это?

– Учитесь быть гибче.

– Учусь. Не всегда язык на цепочку удастся посадить. Вот, Василия Леонтьевича вчера обидела. Стоит картинно. Холеный, осанистый, эффектный. Упивается звуками собственного голоса. Хотела бы увидеть его дома! Наверняка, капризный, вредный, неуступчивый, жесткий. «Я, – говорит, – вчера выпил пива больше, чем нужно, но меньше, чем хотелось». А потом стал хвалиться, что второй месяц по вечерам ходит к другу конструировать «прибор сна». Сидят там, философствуют о том, как наладить сон его жене. Умников из себя строят. У Василия Леонтьевича две маленькие дочки – одной годик, другой – два. Он из дому сбегаёт будто бы с благими намерениями, а жена одна мается с детьми. У нее от переутомления нарушение сна. Вот я ему и врезала: «Вы бы лучше посидели после работы с дочками, а жена поспала бы, сон сам и наладится. Ей ваше душевное тепло, забота и реальная помощь нужна. Надо не допускать сбоев сна, а вы дождались, что теперь ей лечиться надо, но не послали ее в поликлинику, где уже есть методика лечения, иначе вам с детьми сидеть придется! Вы уходите от своих прямых обязанностей отца и мужа к другу, прикрываясь высокими фразами о желании помочь жене.

А этот друг сам сбегаёт от жены в гараж. И наплевать ему, что дома остается дочка, которая в четыре года еще не умеет говорить, отстает в развитии.

Он не хочет заниматься с ребенком, а супруге говорит, что сердце болит, нервы не выдерживают от жалости, когда смотрит на нее. А кто будет делать из девочки пусть даже условно нормального человека, способного хотя бы обиходить себя? У матери, что, меньше сердце разрывается от безысходности? Все на жену свалил: и домашние заботы, и больного ребенка... Многие мужчины убеждены, что нам пострадать, как воды напиться. А кто женщин заставляет страдать? Вот то-то и оно. Да еще и вину за все возникающие проблемы на них спихивают. Мол, тащите, вы выносливее. А себе пить, курить да лодыря гонять оставляете?»

– Зачем же так примитивно и грубо? – удивился Николай Иванович. Судя по выражению лица, ему не нравилось то, что говорила Лена.

– Не права по форме, но права по сути. А как еще можно пробудить в этом пижоне совесть? В нашем отделе поговаривают, что он собирается разводиться. Жена его уже не устраивает!

– Уже развелся, – хмыкнул некстати подошедший Иван.

– Не удивил, – дернула плечами Лена.

– Хорошо с вами, Николай Иванович, всласть можно поговорить на любые темы. Извините, перерыв заканчивается. Нас ждут великие дела, – грустно пошутила Лена.

– Прямо вот так? Ни больше, ни меньше! – рассмеялся Иван.

Лена уже не слышала его слов.

«Клюнула» на сочувствие старичка и забыла поговорить о деле», – сердилась я. – ...А вообще-то Ленке не позавидуешь. Я вот тоже беременна, но статус замужней дамы – достаточно надежная защита от паскудного мужского внимания.

Мечта

«Был один». Именно этими словами когда-то начала Лена свой рассказ Кире о своей первой студенческой влюбленности. Тогда она была еще такая восторженная!

...Был один. Уехал... Он занимает совершенно особое место в моей жизни. Он – едва ли не самое лучшее, что ценю я в мужчинах. Живой, естественный, искренний. А какой душевной красоты человек! Все время разный, неузнаваемый, незаштампованный, с необъятной широтой интересов. Единственный в своем роде. Невысокий, мягкий, на первый взгляд беззащитный, с гривой непослушных русых волос, чем-то на Эйнштейна похож. Но, почему-то в его присутствии я чувствовала себя женщиной. Наверное, потому, что от него исходило облако обаяния и какой-то необычайный магнетизм. Я чувствовала в нем сильное мужское начало. Не в смысле физиологии, в другом предназначении мужчины: рыцарь, не склонный к импульсивным эмоциональным инициативам и решениям. Такой человек не может ни предать, ни подвести. Он из детдомовцев военных лет, может, поэтому надежный, как отчий дом. Ему, наверное, было неловко, что я ходила за ним как веревочкой привязанная. Но он был настолько внимателен к чувствам других, что никогда ни словом не обмолвился об этом, боясь меня обидеть.

А началось все с того, что выпало мне счастье случайно побывать на его лекции для третьекурсников. Торопясь на занятие, заскочила я не в свою аудиторию, а выскользнуть не посмела. (Бестолковая первокурсница!) Я слушала его и замирала, всем своим существом осознавая, что это одно из самых мощных воздействий, которые когда-либо привелось мне почувствовать в своей жизни. Первый раз нечто подобное я ощутила на месячных подготовительных курсах. Именно тогда я – пусть даже на самую малую толику – приблизилась к пониманию теории физики полупроводников. И теперь был непередаваемый восторг познания глубины явления, открывавшего истинную любовь к науке, к данному изучаемому предмету. Но тут еще примешивалось божественное обаяние личности лектора. Как и в случае любых сильных чувств, это мгновение первой с ним встречи было для меня бессловесным потрясением...

Я не испытываю мощного эротического наслаждения от вида мужского тела, я не схожу с ума от его красоты, мне оно нравится только чисто эстетически. Красавчики меня не привлекают. Ум мужчины действует на мои эрогенные зоны. Но не всякого, конечно. У меня, как, наверное, у всех, существует какая-то безотчетная избирательность. Этот удивительный человек затрагивал мою душу. Общаясь с ним, я поняла, что интеллект может связывать людей ничуть не меньше, чем плотская любовь. У него была мягкая, добрая, ни к чему не обязывающая манера дружить. Своим деликатным поведением он умел каким-то непонятным образом ставить неосуществимую преграду даже возникновению, не то что проникновению в отношения эротических чувств.

Говорил он без нажима, с какой-то необъяснимо волнующей, невероятно странно притягивающей меня вибрацией голоса. Он – человек не напоказ. Скромный, переполненный внутри себя сокровенным, невообразимо прекрасным. Закрытый, на первый взгляд. И вдруг какая-то чистота, прозрачность, неожиданно проскальзывающая в его взгляде милая детскость, сражала меня, вызывая удивительное завораживающее впечатление.

Природа не поскупилась, наделяя его талантами. Она заложила в него и неисчерпаемые возможности юмора. В нем присутствовало веселое лукавство ума. Никому из моих знакомых не достичь роскошества его остроумия. Шутил мягко, деликатно, тонко и в то же время искрометно. Неподражаемые, оригинальные шутки «выдавал» спокойно, естественно, не заостряя своего превосходства. Об этом и речи не могло быть! Помню, успокаивая меня, как-то ска-

зал, что юмор восполняет дефицит радости, которой нам так не хватает в жизни. Умел он и с предельной добротой, не обижаясь, обратить в шутку любую чужую каверзу. И от всяческих неприятностей отгораживался юмором. А по уму, интеллекту и эрудиции был на порядок выше всех в своем окружении. Он явно был главным персонажем, игравшим определяющую роль во всем, что происходило в его присутствии (но без начальника). Первым был во всем, но специально не стремился привлекать интерес к своей личности. В науке шел своим путем, не вызывая ни малейшего протеста оппонентов. Напротив, они незамедлительно следовали его выводам. Откуда знаю? Умудрялась проходить на их научные семинары и конференции.

А как увлеченно читал лекции! Он зажигался. Он расцветал. Его лицо начинало сиять одухотворенной страстью. Это было ни на что не похожее действо. Ему хотелось щедро отдавать свои знания, и делал он это с удовольствием, уводя студентов в глубины научных теорий. И когда его «заносило», я думаю, мало кто его понимал. Слишком высок был уровень его научных познаний. И в то же время, когда это было необходимо, умел просто, доходчиво говорить о самых сложных вещах.

Покоренная волнующими звуками его чистой литературно грамотной речи, я могла слушать его бесконечно долго. Ни одной жесткой, плоской интонации повседневности на протяжении всей лекции, только высокие материи, только высокая наука. Для меня это были минуты райского блаженства. И лишь звонок вырывал меня из объятий зачарованности. Наверное, в каждом человеке коренится подспудное стремление к совершенству и завершенности, только потолок у всех разный. Мы бессильны переосознать или переделать свое внутреннее существо, свое «я», мы можем только развивать его, корректировать, контролировать или загубить данное нам природой. Ему было дано сверх меры, и он с радостью делился с людьми своим даром.

На переменах мы часто вели с ним легкие, ни к чему не обязывающие беседы об искусстве, от которых, как мне тогда казалось, обоим было приятно. Конечно, в основном он говорил. Я задавала вопросы и поражалась его эрудиции. Наши беседы всегда будили во мне свежие мысли. Он понимал, что я ценю изящество его ума, что он интересен и близок (какое самомнение!) мне сплавом мудрости и романтизма. Эти непродолжительные встречи обнаруживали (в чем я по наивности не сомневалась) некоторое родство наших душ. Милый, предупредительный, искренний, он жил в согласии с самим собой, а я этому только училась. Спорил гуманно. При таком-то уме – и вселенская скромность! Кто-то хорошо сказал, что в каждом таланте живет частичка Бога. В нем она точно была.

Я никогда не отважилась подходить к нему сама, хотя всегда испытывала ни с чем несравнимое удовольствие видеть и слышать его. Я только позволяла себе смотреть на него издали или «случайно» попадаться ему на глаза, в надежде, что он остановит меня хотя бы приветствием. Хотелось видеть его еще и еще раз, бесконечное число раз! Его голос, коснувшись моей души, излечивал от боли, привносил в мою жизнь радость, делал ее счастливой. Он был украшением моей жизни, уже только своим присутствием в ней. Для меня он был, есть и всегда будет.

Он не становился примитивнее от того, что по причине болезни жены все бытовые проблемы семьи лежали на нем. Не хочу тебя разочаровывать (шучу!), но меня с ним связывало только платоническое обожание. У меня было к нему нежно-осторожное отношение. Он недосягаемый, словно обитающий в параллельном мире. Моя влюбленность ни к чему не вела и не могла привести. С ним не пофамильярничаешь, по плечу не похлопаешь. При нем мысль о любви никогда не могла быть озвучена. Не тот это был человек. Вот такая у меня была с ним волнующая виртуальная близость. Может, это тебе покажется странным, но рядом с ним меня на самом деле не охватывало нервное, лихорадочное эротическое возбуждение. Я боготворила его, таяла в его присутствии, не поднимала на него глаз, но меня влекло к нему не как к мужчине, а как к интеллектуалу. И его руки никогда не тянулись ко мне. Высокие были отношения.

Он работал на другом факультете. Я увлекалась информатикой, посещала кружок, руководитель которого предоставлял мне доступ к вычислительной технике. Именно этому счастливому обстоятельству я обязана нашему более тесному знакомству, положившему начало дружбе, которая была предметом моей гордости и зависти подруг.

Потом он получил выгодное предложение и с семьей переехал в другой город. Его голос при прощании прозвучал неожиданно хрипло, выдавая его внутреннее волнение, и я страшно боялась, что мне не хватит мужества не расплакаться... Еще задолго до того, как он должен был уехать, я почувствовала, что нам предстоит разлука. Он покинул город, а я три дня в столбняке просидела. Не ходила на занятия. И это на первом курсе!

В школьные годы я влюблялась, но как-то иначе, по-детски, что ли... Я понимала, что никогда не смогу признаться ему в своем обожании, но это не причиняло мне боли. Ведь даже безответные чувства приносят радость. Обожать его – было уже достаточным счастьем. Я ощущала его положительное отношение, и оно было для меня верхом блаженства, верхом моих желаний. Я никогда бы не посмела обременить его существование малейшим, неосторожным намеком о своих чувствах. Душа моя устремлялась ввысь, высокопарно пела, опьяненная сильным и чистым желанием очередной встречи. Я боялась своим признанием нарушить божественный контакт наших душ и тем упростить или уничтожить наши отношения. Я знала, что никогда не открою ему свою тайну. И не смогу позволить себе решиться дотронуться хотя бы до рукава его пиджака... потому что он такой... такой особенный, он – талант высокой пробы. Он – космическое явление. Если бывает в человеке звезда, то она внутри него. И звезда эта необыкновенной яркости. Никто из знакомых мне мужчин не дотягивал до той планки, которую он для себя поставил. Где он, сияющий образ человеческого совершенства? Где этот идеал? Увидьте его... Не хотят...

Удивительный, потрясающий человек! Его незащищенность трогала меня до слез. В нем я видела себя. Наделенный нежным складом души и повышенной чувствительностью, он умел заглядывать в глубины человеческого сознания, обладал уникальным ощущением и пониманием внутреннего мира, очень точно улавливал эстетику души. Мог поддержать, вдохнуть надежду, остеречь. Он укреплял во мне приятную уверенность в моих способностях. С величайшей готовностью многим подставлял свое плечо. Умел блюсти не только свои, но и чужие интересы. Чуждый всякой зависти, он преподносил людям только добро. Ни крупинки зла не обронил. И при многих своих сложных жизненных проблемах даже и намека не делал на собственный душевный дискомфорт. Легким был для окружающих его людей человек.

– Общаясь с ним, сама лучше становишься, правда? – сказала я избитую фразу, видно устав от излишней Лениной эмоциональности.

– Он знал жизнь, у него была прочная земная основа. Может, поэтому, он не видел смысла в борьбе с начальником, который душил его талант. Чувствительные люди редко бывают победителями, если только судьба сама не позаботится о них. На каждый талант всегда находится агрессивная бездарь, а то и не одна. Не так уж часто случается людям найти дело по душе. Жаль бывает, когда отыскавшим свою дорогу перекрывают кислород и выставляют себя на первый план люди с мелкими завистливыми душонками и наглыми загребущими руками.

Он был слишком талантлив, слишком блестящ, вот шеф и давил его, не давал развивать карьеру. Прибавь сюда и его душевную щедрость, которая начисто отсутствовала у шефа. Таланты неудобны для слабых в науке начальников, облеченных властью, вот они и выдавливают их беспардонной наглостью или нещадно эксплуатируют, пользуясь их незащищенностью, интеллигентностью, неумением отказать. Таланты ненавистны таким начальникам из-за необходимости замечать их в других. Потому-то они и «задвигают» их, принижают, не пускают. Сначала душат самих ученых, потом гадко поносят их труды или используют их под своим именем, или, что еще хуже, предают забвению, замалчивают». Обо всем этом со мной подели-

лась наш милый руководитель кружка Анна Ивановна Залесская. Видно, захотела просветить, заметив мою патологическую наивность. А может, свою собственную горечь изливала.

Его шефу, наверное, казалось, что он создан Богом в назидание окружающим и, в первую очередь, для их унижения. Чужие таланты ранили его самолюбие. А я, глупая, считала: тянись, становись вровень с лучшими, тогда и не придется комплексовать. Вот я понимаю, что мне не подняться до него, и не переживаю. Боготворю, и все. Таланты часто ненавидят. (Как и мою идиотскую честность и прямолинейность, из-за которых мне крепко достается.) Наверное, еще и поэтому он был бесконечно скромен. Чтобы не возбуждать зависти. Ведь завистники, если их много и они вместе, часто бывают сильнее таланта. Им надо, чтобы именно их носили на руках, их осыпали наградами. А ему было достаточно того, чтобы давали спокойно работать. Хочется верить, что на новом месте он не встретит подобного гада. Люди не во всем и не везде одинаковы. У меня есть с кем сравнивать. Вот у меня на родине они явно добрее, а в краю, где моя подруга детства Татьяна обосновалась, они еще проще и отзывчивее. А здешние часто на добро злом отвечают и, соответственно, от других только плохое ожидают...

Знаешь, он всегда выказывал спокойную готовность помочь любому студенту и умел дать почувствовать это без навязчивости. С выражением безграничного доверия внушал приятную уверенность в том, что не подведет. Я очень нуждаюсь в нем, и поэтому не могу сказать, что «ничего в прошедшем мне не жаль». Моя любовь к нему – высокая степень обожания. И она на всю жизнь. Такие вот дела... Потом появился Андрей...

Аспирантура

А Инна, отвлекшись на короткое время на Аню, опять погрузилась в воспоминания о Лене. Та рассказывала:

– ... Три года яростно «грызла гранит наук», работала на износ. Училась, ничего не замечая вокруг, в буквальном смысле отключалась от внешнего мира. Учеба и сын – вот и все мои интересы. То был бесконечно долгий марафон без передышки, без денег. Кантовалась в аспирантском общежитии на одной койке с Антошкой – он со мной «зайцем» проживал, пока я училась на дневном отделении. Сынок был тихим и послушным, будто понимал, ради чего мы терпим лишения. Любая помощь пришлась бы мне тогда кстати, но откуда ее было взять? Мама из-за болезни уже не могла мне помочь. Она и сама тогда уже требовала заботливого внимания. Провожая меня в Москву, она говорила, что замахнулась я на большое дело, а потому ждет меня бездна трудностей, которые я, имея высокую цель, должна вынести. С материнской проницаемостью она предвидела многие из ожидавших меня бед, но верила, что я преодолею все препятствия, которые встретятся на моем пути, пройду хоть между Сцилой и Харибдой и добьюсь успеха. (То была надежда счастливого неведением провинциала.)

Люди говорят, будто тот, кто в детстве ощущал любовь и ласку близких, легче переносит тяготы жизни, потому что знает – есть на свете добро, есть счастье. Может, это и правда. А меня любимая шутка деда поддерживала: «Трудно жить только первые восемьдесят лет». Не было его рядом в эти сложные во всех отношениях годы, но он был в моем сердце...

Годы учебы в аспирантуре (как и в студенчестве) меня преследовала одна неустраняемая проблема – нехватка денег. Голод был моим постоянным спутником. Не всегда удавалось свести концы с концами. Подрабатывала: «пахала» в НИИ, школьников и студентов «натаскивала», держа сынишку на коленях. Возвращалась в общежитие, выжатая как лимон. А после ужина вновь садилась за книги и конспекты. Девушки, с которыми я жила в комнате, сочувствовали мне и шутили: «Не сдвинешься по фазе?». Все мои усилия были направлены на то, чтобы «выплыть». Единственную роскошь, которую я позволяла себе в любых условиях, даже когда в тумбочке оставался только хлеб и молоко, – были книги. Читением утоляла жажду знаний и тоску молодости...

Помнится, научная тема моя в программах многих конференций института заявлялась как перспективная, инновационная, но пробить ее на практике никак не удавалось. План эксперимента на кафедре встречали холодно. Руководитель вообще не верил в мой успех и откладывал испытания в долгий ящик как безнадежные и только руками разводил. А постоянная фраза: «Вы же не допускаете, что я умышленно затягиваю», – могла вывести из терпения кого угодно. Первое время я была спокойна, зная, что шансы на успех у меня появятся, как только мне удастся провести удачный эксперимент. Когда я приносила математические выкладки и компьютерные распечатки, руководитель высокомерно соглашался с моими доводами, а сам ни мур-мур, как выражались в подобных случаях мои подопечные студенты.

До меня доходили слухи, что мой научный руководитель пользуется репутацией не слишком щепетильного человека. Но я не верила – мало ли чего наговорят обиженные или неудачники – и все же старалась намекнуть ему, что хитрить со мной – дело неблагодарное, что не поддамся я на его уловки, что полезнее для него и науки наладить со мной контакт и оказывать помощь. Наивная! Он только ухмылялся. В спорах с ним я попадала в логический капкан его заумных, витиеватых речей – он ловко уводил меня в нужном только ему направлении – и тогда наши беседы превращались, к удовольствию руководителя, в его сплошной монолог, и лицо ученого освещала торжествующая усмешка. Он умело и решительно отметал в сторону все мои рассуждения.

До чего же молодость ранима и беззащитна! Я впадала в депрессию. Мне хотелось кричать: «Гори оно всё синим пламенем!» И все-таки у меня оставалось стойкое ощущение, что моя работа достойна того, чтобы ее заметили, что мои идеи имеют право на существование и что я не меньше, чем кто-либо другой, достойна поддержки. По молодости или из ложной скромности я сильно комплексовала и, наверное, недостаточно настойчиво оспаривала мнение руководителя, мне не хватало решительности. Я по-доброму завидовала легкости, с которой общались мои знакомые аспиранты-москвичи со своими руководителями, удивлялась их умению свободно вращаться в кругах разного уровня, чувствовать себя в любых ситуациях как рыба в воде. У них это получалось замечательно! К сожалению, я не могла сказать того же о себе. Я зачастую выглядела примитивной, «деревней». Мне не хватало их манеры равнодушно говорить о делах, которые особенно волнуют, изображать чувства, не имеющие ничего общего с теми, что в действительности охватывают в тот момент, и поступать так всякий раз, когда жизнь делала ставку на выявление истинного положения вещей. Это умение сослужило бы мне немалую службу.

В общем, я запаниковала. Меня точила мысль о том, что меня дурачат, водят за нос, что, уклончиво обещая, руководитель на самом деле желает избавиться от меня. Делает вид, что прислушивается ко мне, а сам лишь удовлетворяет свою научную любознательность с пользой лишь для себя. Что-то фальшивое мерещилось мне во всем его облике. Кружит вокруг моей темы, а вплотную заняться не решается или не хочет. Да, укусный был старичок, себе на уме. Хитроумное поведение шефа ни для кого не было тайной, но все молчали, мол, мало ли что бывает между руководителем и аспирантом – это не наше дело. Такой вот был мой наставник – бездушный, зажившийся на этом свете старикашка! Видишь, Инна, и я дошла до неуважительного отношения к пожилому человеку. Слышал бы это мой дед... Раньше я не сталкивалась ни с чем подобным. И моя семья тоже. Мы жили в другом мире: простом и достаточно честном. Чем выше были мои требования к себе, к своей жизни, тем глубже я погружаюсь в мир, где действуют другие законы. Волчьи. Опять свои беды на все общество переносу? Это от усталости и безысходности.

– Еще в мифах Древней Греции проявлялось, как герои-мужчины совершали свои подвиги, используя женщин. А взять того же современного Джеймса Бонда. Он не чурается того же метода. Грудью стоит... за спинами женщин», – усмехнулась я.

Знаешь, Инна, наверное, всяк в свое время взрослеет и мудреет. Есть у меня хороший знакомый со знаменитой тогда у нас фамилией Раппопорт. Окончил с отличием географический факультет, и отправили его под Курск глину копать, где и закончились его романтические мечты. Впал он в транс... И вдруг недавно его в нашем НИИ встречаю! Прекрасный семьянин, успешный предприниматель, умница, большой души человек. Подобно ему, и я, идеалистка, наивная провинциалка, долго выросла.

Может, зря говорят: «Насколько в человеке сохраняется ребенок, настолько он личность». Не детскость, стержень надо в себе сохранять. А еще говорят: «Насколько точно человек придерживается своей линии жизни, настолько ближе он к идеалу, назначенному ему судьбой». Слова, слова... А если судьба обрекла человека быть вором, разве он обязан к ней прислушиваться? Судьба, если она дается свыше, всегда должна быть положительной. А уж следовать ей или портить ее – дело индивидуальное.

Лена усмехнулась:

– Не судьбы ломают нас и загоняют в тупик, а мы сами и еще люди, от которых мы зависим... Нередко обстоятельства бывают сильнее нас, они играют с нами злые шутки, и тогда мы обязаны кардинально менять свою жизнь. Не у всех это получается. И даже если удастся, то не всегда эта перемена оказывается к лучшему... Видно, существует насилие судьбы над человеком и человека над судьбой. Такая вот арифметика жизни. И все же умный человек просчитывает варианты и часто выигрывает... Куда меня занесло! В юные годы меня интересовало все лучшее, что сформировалось в человеке за тысячелетия его развития, а вот теперь, став старше, будучи многократно битой, я изучала худшее в нем. Детская простота пропала, но не очень скоро сформировалось реальное восприятие окружающего мира. Собственно, оно до сих пор постоянно корректируется сознательно и бессознательно...

Да, теперь-то я могу посмеяться над своими страхами, а тогда... тогда все опротивело, было до жути тошно. Я уже подумывала, не повременить ли, не отложить ли защиту диссертации до лучших времен или не сменить ли тему и руководителя. Я уже отчасти жалела, что была столь самоуверенна в своих мечтах. Могу тебя заверить, ощущения мои были не из приятных. Может, так и не выпустил бы меня шеф на защиту, попридержал бы...

Но неожиданно пришла помощь. Ты наверняка сказала бы: «Провидению было угодно...». Профессор из Новосибирска заинтересовался нашими разработками. Тот самый, личным присутствием которого были отмечены все крупнейшие открытия в научной области, к которой относились мои скромные изыскания. Хотя широкой публике он больше известен тем, что увековечил свое имя учебником, в котором ему удалось в доступной форме изложить для школьников самые сложные моменты теоретической физики, те, что подчас не по зубам и студентам. Так вот, профессор сам приехал познакомиться с нашими разработками. Представляешь, вдруг ко мне проректор по науке, человек, облеченный значительными полномочиями, лично обращается: «Спешу порадовать, наш гость просит вас к себе». У нас обычно все вопросы решались «верхами» без участия «низов», на уровне изучения документации, а этот человек нарушил сложившуюся традицию.

Ученый был озабочен тем, что некоторые его новейшие изыскания зашли в тупик. Мы поговорили с глазу на глаз. Он предложил помощь, но ставил непременным условием свое соавторство в идеях. Потом сказал удивленно: «Вы так молоды. Даже не верится, что самостоятельно пришли к нетривиальным выводам. Как бы там ни было, но вам удалось подметить интересную закономерность и использовать ее, опередив тем самым наших западных коллег. Хотя чему удивляться, именно у молодых, имеющих свежий взгляд на вещи, чаще всего бывают интуитивные озарения. Я с высоты своего возраста и опыта уже не рискнул бы допустить возможность столь взаимоисключающих путей развития нашей проблемы. Меня радует перспектива нашего содружества». Умел ободрить этот в высшей степени интеллигентный человек!

Профессор точно и ясно формулировал свои мысли и цели. Отвечал на мои вопросы сдержанно, но не подчеркивал огромного статусного и научного интервала между нами. Несмотря на простоту общения, в нем чувствовалась порода старых, глубоко образованных ученых. Закончил он наш разговор настойчивой просьбой доверять ему безоговорочно и со своей стороны обещал максимум помощи, хотя разделял не все мои выводы. Утверждал, что всегда преодолевает преграды, а не обходит их стороной. Для того, чтобы он смог более или менее определенно ответить на все мои вопросы, просил дать ему сроку неделю. Потом заявил, что наши общие фундаментальные исследования коренным образом изменят привычный взгляд на исследуемую проблему. Говоря «наши», он, конечно, льстил мне, хотел поддержать морально. Я-то со своей одной-единственной идейкой как с писаной торбой носилась, а у него масштабы!

Профессор покорила меня честностью, признанием своих ошибок, отсутствием рисовки. Я поверила ему и не смогла устоять перед соблазнительной возможностью выбраться из своего затруднительного положения. Я нашла в себе смелость, все поставила на карту и сделала рискованный шаг без колебаний. В дальнейшем я твердо опиралась на принятое нами соглашение. Когда появилась надежда, я вновь почувствовала себя счастливой, ощутила прилив сил. И как показало время, я не просчиталась.

Испытания прошли успешно. И кафедра, и мой руководитель от этого только выиграли. Наконец-то с моей диссертацией стало вытанцовываться что-то определенное, тогда-то увидела свет моя первая статья. Потом пошла их целая череда. Наша технологическая схема полностью себя оправдала. Результат превзошел все ожидания – оказался на порядок выше, чем у оппонента. Эти данные широко публиковались, внедрялись в производство. Рецензентом у меня был академик из Ленинграда. Член-корреспондент Академии наук! Вопреки грозным прогнозам шефа я успешно защитилась: ни одного черного шара не получила.

На защите завистники вытягивали шеи, артистично изображая несуществующий интерес к моей теме, кивали, играя роль придерживающихся со мной одного и того же мнения, хотя раньше на самом деле в их намерения входило совсем другое. Честолюбивые, не умеющие скрывать разъедающие их амбиции, не пришли, сослались на нездоровье. Отмечала я и натурально одобрительные взгляды своих коллег. То, что комиссия пришла к полному согласию, следует объяснить не только высоким уровнем диссертации, но и тем огромным впечатлением, которое произвел академик на всех членов ученого совета. Благодаря его имиджу, отпал целый ряд недомолвок, и вопросы задавались исключительно научные и очень важные. Не рискнули недруги напасть. Я была отомщена и наслаждалась чувством удовлетворения. Мы победили! Единственное, что вызывало во мне негодование, так это наличие не умолкших и после успешной защиты домислов сплетников. Благо ученый был в возрасте. Каких только собак на меня не вешали! До сих пор это меня гложет. Конечно, в ладу и согласии со всеми жить невозможно. Как ни старайся – не получится. Но должны же быть определенные рамки приличия в общении друг с другом.

«Наделали шуму в научном мире... На десятилетие определили развитие направления... Ваша диссертация послужила поводом для возведения вас в ранг основоположников новой теории... применительно к космическим исследованиям... научное направление включено в сферу национальных интересов». И все в том же духе. Таких высоких эпитетов я раньше никогда в своей жизни не слышала. Резонанс был потрясающий. Впечатление сногшибательное. Это были слова председателя. Я смущалась, а он говорил, что работа того стоила... Не ожидала, что так меня возвеличат. Я скромно помалкивала и думала в порыве радостного простодушия: «За меня говорят мои дела. Не бог весть какая победа, но все же. Не кричать же о своей удаче на каждом перекрестке. Если бы судьба не поставила на моем пути прекрасного профессора, состоялась бы моя карьера – это еще большой вопрос». И профессор тоже насла-

ждался триумфом, получая удовольствие от того, что большинство наших ученых взирали на него с профессиональным уважением, если не с восхищением.

Потом на кафедре говорили, что приятно поражены моей интуицией, знаниями, неуёмной напористостью, что теперь у них рассеялись все сомнения. Доказывали, будто не препятствовали мне, а просто считали, что решение не должно быть чересчур поспешным. К тому же мы, мол, были ограничены недостаточным уровнем развития нашей материальной базы... Как нескоро на нас снисходит прозрение! Говорят, женщине позволительно быть наивной. Ой ли! Хотя, конечно, если не делать карьеры, да при хорошем муже.

Я слушала эти нелепые оправдания, и в сердце моем находила пристанище затаенная досада на этих, в общем-то, неплохих людей. Прошла не одна неделя, прежде чем обида окончательно улеглась. «Польщена», – только и отвечала коллегам по аспирантуре на их комплименты. Не могла отказать себе в удовольствии гордым молчанием подчеркнуть свое достоинство, хотя в голове, честное слово, иногда плясали ехидные фразы. Но перед лицом победы прежние стычки казались чем-то мелким, недостойным внимания. Было бы преувеличением сказать, что, защитившись, я возомнила из себя невесть кого. Нет, конечно. Я просто поставила точку еще в одном трудном деле и поднялась на ступеньку выше. Передо мной открылись новые перспективы, не совсем радужные, но все же. Врать перед тобой не стану: почувствовала необыкновенное облегчение и яркую радость. Чувство было незнакомое, пьянящее. Не всякий год бывает отмечен таким приятным событием! Понемногу начинала ощущать себя совершенно иным человеком – уверенным. Знаешь, Инна, позже добрый десяток ученых заработал свои титулы, анализируя мою диссертацию. Это тоже приятно.

Правда, жуткая усталость все же приглушала радость. Каких усилий стоила мне аспирантура, история умалчивает. Тернист был мой путь, но желаемый результат достигнут, и это главное. Сама не понимаю, как только выдержки хватило! После всего этого я имела право демонстрировать изрядный оптимизм, не боясь, что он может быть дурно истолкован коллегами... А теперь вот с меня новый шеф за аспирантов спрашивает – эта моя постоянная нагрузка, и я надеюсь, что для них что-то значу, что играю в их судьбе не последнюю роль.

С получением квартиры у меня появилась возможность комфортно обставить свой быт и отдых. Теперь я все свое свободное время посвящаю сыну. Моя жизнь укладывается в простую формулу: сын – работа – одиночество души. Свобода не открыла передо мной наслаждения жизнью. Напротив, как это, оказывается, всегда случается у нас, у русских, возникали другие помехи, а с ними и новые проблемы. Я, как и прежде, кручусь, точно белка в колесе, с наибольшей пользой используя каждую минуту. Наверное, не умею жить иначе. Иногда вспоминаю мамыны размышления: «Когда болезнь заставляла посмотреть смерти в лицо, мне хотелось наслаждаться жизнью, предаваться неизведанным страстям, которых я была лишена, навостривать упущенное – начать, допустим, путешествовать. Но стоило опасности миновать, я снова возвращалась к прежней скудной жизни, к мелочным заботам. Основная тому причина – отсутствие денег, не позволяющее переложить на кого-то хотя бы временно бремя ежедневных забот. Или все-таки наша инертность и неумение отдыхать?» Что-то потянуло меня на лирику...

Моей подруге Ольге больше повезло с научным руководителем. Молодой и энергичный, он смело одобрял ее осторожные предположения, переплетал их со своими идеями и поднимал «на-гора». Защита у нее прошла быстро, без сучка и задоринки. В Москве осталась, замуж вышла. У каждого своя судьба. И предначертанность моей отчетливо проступала на каждом отрезке жизни...

– Значит, ты даже не пыталась возобновить отношения с Андреем? – Это я вернулась к более интересовавшему меня вопросу.

– Конечно, нет. В прошлое никогда не стоит возвращаться. Помнишь старуху Изергиль у Горького? Я с нею согласна. К тому же, как известно, счастья много не дается в одни руки. Я была чересчур счастливой четыре года студенческой любви – вот что дала мне судьба.

– На этом твое сходство с горьковской старухой закончилось. Она-то жила хоть и не по нашим понятиям, но на полную катушку – до самой старости влюблялась и любила, а ты упертая однолюбка.

– Не перебивай, а то брошу рассказывать, – деланно сердито остановила меня Лена и продолжила исповедь:

– После защиты распределили меня в университет на кафедру теории упругости материалов. Никогда не думала, что стану преподавателем. Еще в детстве, глядя на своих учителей, зареклась работать с детьми. Не вдохновлял меня опыт и некоторых моих педагогов.

Когда я появилась на месте своей новой работы, заведующий, опустив глаза долу, предложил мне временно поработать в НИИ, потому что мое место преподавателя занял «чей-то» племянник. Оскорбил он мое ярко выраженное чувство справедливости. Тогда-то я впервые натолкнулась на стойкое противостояние руководства. Помнится, сначала, почти ослепнув от бессильной ярости, охватившей меня, не могла произнести ни слова, будто погрузилась в омут отчаяния, потом до сознания дошло, что в разговоре перешла на крик. Не спасло и то, что моя путевка на надежное будущее была со штампом выдающегося профессора. К своему огорчению поняла, что если не смирюсь и перейду дорогу чьему-то там родственнику, все равно отомстят, найдут повод выгнать. Это нетрудно было предугадать, но мне еще хотелось верить в лучшее в людях. А во взгляде моего нового начальника без слов читалось: «Если вы не глупая, то...» И я больше не отстаивала свое желание занять законное место и отказалась защищать свои интересы, поспешно заняв отходную позицию. Только так я могла остановить, возможно, нескончаемый поток нападок, обвинений, подсиживаний, не способствующих творческой работе и корректным отношениям в коллективе. Кто бы осмелился утверждать, что я неправа! С полным основанием считаю – никто.

С тех пор взяла себе за правило слепо не нарываться на непорядочность или грубость руководителей. Думаешь, приучили, что последнее слово всегда остается за начальником? Нет. Мне дали понять, что с ними придется считаться. Но характер-то остался при мне, и я стала учиться обходить острые углы и искать новые тропинки к достижению цели. И позже, в НИИ, зная истинное положение дел, вопреки ожиданиям руководства, часто в чем-то не соглашалась, отвергала ни с чем не сообразные предложения, которые состояли преимущественно в желаниях начальников свалить на кого-то безденежную или «общественно полезную» работу, уволить неугодного. Не поддавалась на уговоры, спорила, чтобы сохранить свое лицо, но сама никогда не искала поводов для ссор.

По правде говоря, именно неудачи научили меня быть в высшей степени осторожной и в словах, и в делах, приучили просчитывать всевозможные ходы, поэтому, как правило, непредвиденного не случалось. Училась с первого взгляда схватывать оттенки настроения начальника, и это не раз выручало в трудные моменты жизни, позволяло мгновенно вырабатывать правильную линию поведения в разговоре с вышестоящим лицом. И, тем не менее, много еще было в жизни разочарований, обид. Энергия и необъяснимое чутье выручали. Иногда думала: «Что со мной случилось? Ведь это уже не я. Плохо это или хорошо? Кто бы научил надежным, эффективным способам сохранять в неприкосновенности благоприличие, кто бы помог не растерять достоинство и чувство справедливости? Нет, всего надо добиваться самой...»

Достаточно скоро я получила в свое распоряжение группу инженеров и лаборантов. Как потом выяснилось, очень слабенькую. К тому же прежний руководитель не спешил сдавать своих полномочий. И первое время, давая мелкие указания, я ограничивалась лишь тем, что наблюдала за их неукоснительным исполнением. Но я не протестовала. Что-то подсказывало

мне, что прежде чем принять на себя все полномочия полностью, я должна с трезвой и беспощадной головой проанализировать возможности своего характера и поведение.

Начала с самого простого: привыкала носить соответствующую статусу одежду и вырабатывала определенную манеру общения с подчиненными – то есть приучала вести себя как руководитель. Потом я должна была разобраться с каждым своим сотрудником, изучить поле его деятельности, способности, желание работать. Затем следовало освоить новую науку: обращать на себя внимание руководства. Стараться быть на виду, но делать это так, чтобы невозможно было догадаться, что все это происходит преднамеренно.

Для этого необходимо было научиться быть полезной руководству своими советами и рекомендациями, чтобы оно чувствовало в них потребность. Еще на пятом курсе, во время подготовки дипломной работы к защите, мой руководитель, Лилия Хабибуловна пыталась объяснить мне азы общения в коллективе. Это была неплохая школа зарабатывания настоящего, а не авантюрного авторитета как в группе, так и в отделе. Пригодилось мне и владение истинно женским искусством, заключающимся в том, чтобы из недостоверных посылок извлекать верную информацию и делать правильные выводы, то есть выделять истину из лжи, используя предположения или полуправду, опираясь на знание психологии и привычек подчиненных. Училась выбирать, с кем поддерживать дружеские отношения, с кем завязывать новые, важные знакомства, которые могут пригодиться в будущем, а кого игнорировать.

И всюду были свои «за» и «против». Не хотелось совершать ошибок, боялась наносить обиды. Первое время в жарких спорах никогда не называла виновных по именам, никого прямо не обвиняла, хотя понимала, что любой двурушник может не соответствующим способом истолковать мои слова, и я окажусь между двух огней или, как принято у нас выражаться, – между молотом и наковальней. И тогда последствия будут самыми непредсказуемыми. Я считала главным, чтобы слова критики были сказаны и услышаны, чтобы им суждено было стать достоянием гласности, и их приняли на вооружение. Трудно было строить взаимоотношения, но все равно шла по пути, от которого меня некоторые пытались отстранить.

Во взаимоотношениях в новом коллективе определенно держала курс на смягчение обстановки, старалась избегать таких ситуаций, об участии в которых потом могла бы горько пожалеть, пыталась расположить к себе сотрудников. Да и как могло быть иначе, если я всю жизнь хотела добрых отношений между людьми и стремилась к этому? Я достаточно настрадалась от острых клювов завистников, не прощавших мне моих способностей и трудолюбия, вонзавших свои злобные коготки в самые чувствительные места моей души. Я всячески старалась никоим образом не выставлять напоказ свои заслуги, потому что даже самый мелкий промах в моем обычном поведении обращал на себя внимание и вызывал подозрение и пересуды. Уж мне-то об этом, как никому другому, было известно! Я видела эти проявления как раз там, где, как меня уверяли, не должно быть подобного.

Но самой больной темой для меня всегда оставалось сохранение чувства собственного достоинства. И то, что постоянно приходилось решать эту проблему, причиняло мне даже больше беспокойства, чем денежный вопрос. Как и прежде, от мужчин я продолжала отдуваться шутками; позже ироническую дистанцию взяла на вооружение в борьбе с их колкостями. (Ничего не поделаешь – издержки работы в мужском коллективе.) Хороша я была бы, если бы ничего не вынесла из опыта работы на заводе. В довершение всех бед не обходилось без открытых непристойных приставаний. Мужчины и тут исходили из своей первоначальной и основополагающей, примитивной предпосылки: опирались на существующее в народе расхожее мнение о матерях-одиночках.

Не скоро я научилась проявлять характер в этом вопросе. Нетрудно догадаться, что сначала пытаюсь найти удовлетворительное объяснение этим фактам, искала веские причины прежде всего в себе. В случае крайней необходимости прибегала к грубости. К тому времени я неплохо усвоила повадки разного типа мужчин. В своих действиях я не всегда пыталась сойти

за амазонку, хотя иногда вела себя воинственно, дерзко бросая вызов ничтожествам, чтобы сочли меня, по меньшей мере, опасной, заслуживающей если не уважения, то хотя бы стремления держаться от меня подальше. Многим приходилось принимать угрозы и брать на заметку мои предупреждения.

Некоторые жестоко мстили за отказ; в основном те, что выше чином. Люди несколько другие, чем на заводе, да суть их одна, как это ни горько признавать. Доля уверенности в существовании мужской порядочности во мне осталась, хотя часто приходилось глотать обиды, призывая на помощь всю свою волю и мудрость. И все же эти унижения не шли ни в какое сравнение с теми, которые я выносила в первый год работы. И все же... Такая вот она жестокая проза жизни.

Говорят, страдания обогащают. Может, так оно и есть, но поменьше бы их... Несмотря ни на что, жизнь продолжалась. Уверенность в своей правоте позволяла мне оставлять позади целые пласты неприятных моментов своей жизни, не испытывая при этом угрызения совести, разве только сожаления, что они были, потому что твердо знала – то прошлое уже завершено, выводы сделаны и надо идти вперед и смотреть в будущее. Эта жизненная позиция и ежедневная максимальная загруженность помогали мне не оставлять от невзгод слишком глубоких следов на сердце. Ведь у меня было нечто иное, самое важное, что постоянно держало в напряженном состоянии и в вечном беспокойстве, – мой сынок... Ладно, оставляю эти грустные факты в стороне, отмечу главное: все-таки добила я своего!

Прошел год. Меня уже не прельщала перспектива просидеть всю жизнь в НИИ. Я предпочитала преподавание, но руководство вуза будто забыло о моем распределении на кафедре. И все-таки судьба иногда посылает нам кое-какие знаки, подсказки. Важно их не просмотреть, не упустить. На этот раз ей опять было угодно за все мои страдания преподнести мне подарок.

Так или иначе, в окружающей нас природе и в человеческом обществе все взаимосвязано и действует одновременно. Мы только пока не знаем, за какие нити должны дергать и какие высшие силы этим командуют. Я, конечно, приверженец материалистической теории, но кто знает, кто знает... Некоторые аспекты идеалистической концепции, как ни странно, с возрастом тоже стали вызывать у меня интерес и симпатию. А когда-то, на заре нашей туманной юности – помнишь нашу любимую присказку? – я была катастрофически категорична в этом вопросе.

Так вот, как-то заболел старый преподаватель с кафедры теоретической физики. Я прочитала вместо него пять лекций в присутствии руководства, а через месяц была принята на должность доцента. Но и тут приходилось доказывать свою осведомленность, состоятельность, потому что встретили меня преподаватели с мнительной настороженностью. Поэтому-то для страховки я и оставила себе в НИИ полставки... Как заступила на вахту много лет назад, так и тяну до сих пор обе нагрузки. Ничего, пока справляюсь.

Разными способами приходилось заботиться о подтверждении своего приоритета. Помнится, оснащение лабораторий кафедры было скудным, оформление кабинетов оставляло желать лучшего, так я, прежде всего, занялась детальным анализом финансовых возможностей вуза. Они были не очень большими, но все же удавалось выбить денег для кафедры, для студентов, и это придавало уверенности, твердости, даже авантюристичности. На местных заводах «проталкивала» заказы на изготовление эксклюзивных установок, «доставала» в Москве новые приборы, укомплектовывала современным оборудованием и приборами старые изношенные установки, ставила для студентов современные лабораторные работы.

Мне нравилось добиваться того, что другим было не по силам. (А может, они просто не хотели себя обременять). Я руководствовалась стремлением поднять уровень кафедры и испытывала истинное удовольствие от сознания того, что это возможно лишь благодаря моему

уму, старанию и осмотрительности, что именно я имею к этому самое непосредственное отношение. Хотя, конечно, я была не против поощрений: одно другому не мешает.

Обрушивали на меня тонны информации – я справлялась, каждый семестр разные спецкурсы поручали читать – успевала готовиться. Мне было комфортно там, где билась живая мысль и где находилось место ее применению. Вот так и укрепляла свое положение на кафедре. Преподаватели, как и артисты, очень зависимы от начальства. Не оправдаешь надежд или «возникнешь» не ко времени – через пять лет не переизберут, несмотря на то, чего ты стоишь как педагог и ученый, и тогда прости-прощай вуз. Не у всякого руководителя достанет великодушия не отстранить от работы того, кто когда-то в чем-то выступил против него. А дальше произойдет обычное: будет сделано все, чтобы забыли о таком человеке, и о его пусть даже талантливых открытиях. И останется такому одна дорога – на завод. А там какое творчество? План, план... и, помимо всего прочего, за звание не приплачивают.

И все-таки диплом кандидата наук поднял меня на более высокий уровень общения, придал уверенности, к тому же спасал от мелкой травли, позволял расширять интеллектуальные горизонты и служить науке. И я теперь не упускала возможности выдвигать и отстаивать свою точку зрения на возникающие проблемы. Нашла-таки себе достойное занятие, не ошиблась, выбрав этот путь. Получилось точное попадание – в самое яблочко.

Позже, когда проявилось педагогическое чутье, окончательно убедилась: преподавание – это мое призвание, моя стезя.

«Мои успехи в сотом НИИ тоже значительны и мне не о чем жалеть, сравнивая себя с Еленой», – весело думала я, слушая подругу.

– А как же личная жизнь? – снова не утерпела я.

– Не очень скоро, но появились у меня райские кущи – двухкомнатная квартира, где ночи напролет пустая, холодная постель, лежа в которой, сканирую свою жизнь по годам, месяцам. Есть место, где постигать науку одиночества, рыдать в подушку, слушать голос безысходности и отверженности, мною же самой созданной, воскрешать в памяти прошлое, не обесцененное настоящим. Да, случаются в моей жизни редкие минуты, когда я нахожу утешение тщательно таимых чувств в мечтах. Они уводят меня в мир тонких, глубоких отношений, где Андрей все тот же любимый, единственный. И давнее прозрение по-прежнему терзает слишком гордое, одинокое, любящее сердце невыразимой болью и теперешней горькой мудростью. Тоскую, как может тосковать человек, зацикленный на чем-нибудь одном, когда это одно-единственное отняла у него судьба. Такую тоску не заглушишь даже самыми большими научными успехами. Андрея мне не хватает. Гони не гони – стоит перед глазами. И тогда я всем сердцем там, в юности. Но эта история в моей жизни стоит особняком. Она – статья неприкасаемая...

Мама утверждала, что я натура слишком гордая, страстная, скрытная, что из-за своего характера я обедняю свою жизнь, не имея телесных удовольствий. А я при этих ее словах чувствовала себя тем ребенком, что беспомощно взирает на полную беззащитность своей мамы в семье. Память об этом до сих пор жжет меня изнутри. Думаешь, слабая я, потому и не имею друга жизни? Не могу пересилить отвращение к нелюбимому человеку. Не уверена, что ощущения в таком случае будут достойной компенсацией униженному самолюбию. Я, как в детстве, очертила вокруг себя границу и поместила себя в стеклянный зеркальный шар.

Говорят, стыдно быть несчастливой. А я всю жизнь люблю Андрея, и это, наверное, тоже счастье. В юности мне казалось, что мы проросли друг в друга корнями за четыре года дружбы, думала, не надышусь им за всю жизнь, да вот, не случилось... Не смогла бы я смириться с изменами. Всегда кто-нибудь любит сильнее, чем любят его. Я не могла поступить иначе, ведь все равно наступил бы тот миг, когда захотела бы отторгнуть того, кого любила, возненавидеть, чтобы он больше не мучил никогда, никогда... А я не хотела ненавидеть.

В жизни без унижений не обходится, но я не смогла бы быть ежедневно унижаемой самым дорогим мне человеком. Это благодарность быстро проходит и забывается, а страх потерять

любимого – никогда. Как оказалось, мы с Андреем слишком по-разному воспринимали понятия «вкус жизни и ее ценность». Андрей – плод моей изысканной фантазии. В этом мире, оказывается, нельзя слишком сильно любить. Такая любовь чревата жестокими разочарованиями... Андрей перевернул мою жизнь, но не сгубил. Я не из тех, кто умирает, словно надломленный росток. Я сильная и самодостаточная... Только до сих пор душа к нему рвется... Каждому хочется, чтобы кто-то, нежно любимый, осторожно коснулся руки, тепло и сочувственно посмотрел в глаза, ласково обнял. Говорят, сердце мудрого всегда в доме печали... Мужчины обычно о своих печалях говорят с юмором или иронией, а у меня не получается... Кстати, Андрей тоже преуспел в своих амбициях, даже купался некоторое время в лучах славы, но за его победами стоят жена и мама. В моих глазах это их обесценивает.

Для души

Глядя из окна на одинокую фигуру девушки в глубине двора, терпеливо кого-то ожидающую, Кира припомнила откровения Лены.

...Когда я училась на первом курсе, на моем горизонте появился дальний родственник знаменитой артистки Быстрицкой. Бизон: жесткий, самоуверенный, самолюбивый. Странная с ним вышла у меня история. Он был поражен, шокирован моей юной чистотой и наивностью и не смог вести себя со мной нагло и развязно, как с женщинами своего круга. Я чувствовала, что у него в голове шевелятся непонятные мне мысли, видела, как, раздраемый внутренними противоречиями и пороками, он бесится, борется с собой, не понимая себя, раздражаясь. Он не хотел себя ломать, но не видел другого выхода завоевать девчонку, почему-то не «клянувшую» ни на его обаяние и неординарную внешность героя, ни на завидную родословную, ни на уже уверенно выкристаллизовавшееся приличное положение в обществе. Он не понимал, чем меня зацепить и привлечь. Я была слишком «не такая». «Неужели моя скромность, мое простосердечие так глубоко тронули его, что пробудили в нем самые возвышенные чувства? – удивлялась я. – А почему я не чувствую себя на седьмом небе? Мне же приятна его растерянность, его несогласие с самим собой. Это должно льстить моему хрупкому самолюбию, а во мне говорит только любопытство. Что охраняет меня от вознесения на порочную высоту самолюбования?»

...Я видела, как он в немой ярости сжимал граненый столовый стакан с кофе, в обеденный перерыв подсаживаясь за мой столик, как наливались кровью его черные, мрачно пылающие глаза, как от напряжения деревенело его лицо. Я спокойно изредка бросала взгляды будто бы поверх его головы. Он тоже незаметно изучал меня, как непонятное реликтовое создание. А как-то, думаю, через полгода после нашего знакомства на кафедре ядерной физики, случилось непонятное. Сидел он в столовой странный, несколько обмякший и, казалось, что-то хотел мне сказать, но не решался. (Это он-то?! Это при его наглой презрительности ко всему человечеству!) Я продолжала сохранять выжидательное, внешне безразличное спокойствие. А его напряжение нарастало на моих глазах. Помню, он взглянул на меня каким-то растерянным, словно загипнотизированным взглядом. Я тоже незаметно коснулась его своим, осторожным. Он взял в руку привычный стакан кофе, приблизил к губам... и вдруг уронил его на край стола, залив себе колени. Я даже не вздрогнула (нервы еще были молодые, крепкие) и как смотрела в сторону двери, так и продолжала удерживать свой взгляд на уровне лиц людей, входящих и выходящих из университетской столовой. Конечно, боковым зрением я видела, как вздрогнуло его лицо, как исказила его гримаса неловкости, как гневно сверкнули его глаза, когда он одним быстрым взглядом оценивал обстановку в зале (люди вокруг были воспитанные, тактичные). Уже в следующее мгновение его лицо забронзовело. Он несколькими неуверенными движениями отер салфеткой свои кожаные брюки (такие я увидела на рынке только лет двадцать спустя), на секунду задержал на мне взгляд и твердым, уверенным, но быстрым шагом покинул столовую. По его отяжелевшей походке я успела понять, что эта уверенность стоила

ему огромных усилий. Больше я его никогда не видела. (Поговаривали, будто он неожиданно сорвался, бросил лабораторию, диссертацию и уехал). Но в памяти остался... не знаю даже чем... Это еще до Андрея было.

– А ты пыталась создать семью? – спросила я. – Делала попытки наладить личную жизнь или безмерная преданность Андрею категорично тормозила женские инстинкты?

– Конечно, пыталась. Искала, но не находила достойного неженатого. Случалось мимо-летно или серьезно влюбляться, обожать. Душа жаждала тепла. Но чужого не хотела... Одного случая до сих пор стыжусь. Краской заливаюсь, вспоминая мужчину, так некстати появившегося на моем пути. В командировку к нам в институт его прислали как узкого специалиста. Утрясти надо было какие-то несоответствия в договоре.

Смотрю, у него оторвана пуговица у воротника на рубашке. Хотела предложить пришить, но моя подруга Лида опередила меня. Сама пришила, не снимая с него рубашки, и, не найдя у себя под рукой ножниц, стала перекусывать нитку зубами. Лирина щека касалась его шеи, а он из-за ее головы на меня тарачил глаза. Пикантная сцена! Я почувствовала ревнивое раздражение, торопливо взяла ножницы и осторожно срезала торчащую нитку. Он весь напрягся. Все тело его излучало пылкое мужское желание. Меня это не смутило. Мне понравилось. Я только подумала: «Лида так же чувствует его или она просто кокетничает по привычке красивой женщины привлекать внимание мужчин?»

Весь день прошел в нервном возбуждении, в быстрых взглядах, которые всегда совпадали, будто он только тем и занимался, что ловил их. Я все время чувствовала дрожь в кончиках пальцев, видела нервную жилку, трепещущую на его напряженной крепкой шее, и его грустные, зовущие глаза. Лида в обед рассказала, что он женат, имеет маленького сына. «Для кого рассказывает?» – думала я, внимательно вслушиваясь в каждое ее слово. Я нашла в себе силы не искать повода для встречи с женатым мужчиной. Есть же общепринятые нормы порядочности. Да и красавицей себя никогда не считала. Не верила, чтобы так сразу он мог в меня влюбиться. Шустрая, спортивная, внешне веселая, простая в общении и только. Таких много.

А вечером была свадьба у нашей лаборантки Любы. Я тоже была приглашена, но отказалась. Адрес запомнила машинально. Было уже девять часов вечера, когда ноги сами понесли меня к тому дому. Я знала, он обязательно там будет, но искала себе оправдания, мол, просто зайду на минуту отдать долг вежливости – поздравлю девушку, – хотя прекрасно понимала, что иду только для того, чтобы увидеть его. Что и злило. Громко звякнувшая входная дверь не отрезвила меня, и, как это ни смешно звучит, даже возбудила, внесла таинственную детективную нотку. Сердце колотилось невыносимо громко, заглушая в голове противоречивые мысли, выдвигая на первый план одну: «Легкая влюбленность – это нормально. Она даже необходима при моем одиночестве».

По тому, что я встретила его в коридоре, нервно ходившим туда-сюда, с обжигающей радостью поняла: ждет. Это польстило самолюбию и придало уверенности. Не я, он ждет. Игра в прятки с самой собой продолжалась. Сошлись в конце полутемного коридора. В кратких возгласах выразили удивление от неожиданной встречи. Он судорожно сжал мои руки в своих больших, плотных, горячих, бурно и напористо зашептал яркие красивые слова. Мне было приятно их слышать. Они ласкали слух и сердце. Мелькнула грустная мысль: «Не любовь и даже не влюбленность, плоть говорит во мне. Тело соскучилось по ласке, природа требует свое». Его пальцы коснулись моих губ, заскользили по волосам, плечам. Он резко прижал меня к стене. И это решительное, напористое, неласковое движение вызвало во мне противодействие, я вырвалась. Он схватил мои руки, стал целовать их и вдруг снова, теперь уже нежнее, притянул к себе и коснулся моих губ. Я не оттолкнула. Во мне говорило любопытство. Он целовал страстно и продолжительно. Его поведение мне было интересно. Я прислушивалась к своим ощущениям и чувствовала, что завожусь все больше и больше. Колени слабели, ноги подкашивались. Я уже

начинала бояться, что не выдержу, уступлю его ласкам, горячему, настойчивому шепоту, его сильному, молодому, упругому телу. Наши ломкие тени метались по стене...

«Что я делаю? – пронеслось в голове. – Истинная страсть не может уместиться в рамках приличия. Любовная страсть или физическое влечение?..» Разум во мне всегда преобладал над страстью. Контроль, контроль... Вдруг мысль о его семье смутила мой начинавший туманиться разум. Я пробормотала заплетающимся, будто пьяным языком: «Нельзя, у вас жена, сын». В тот момент я на самом деле воспринимала себя как серьезную угрозу его семье. И тут он быстро-быстро зашептал, что давно не любит жену, что она такая вот и такая... Его нелестные слова о матери своего ребенка отрезвили меня, как обухом по голове стукнули. Я неожиданно представила себя на месте его жены и мгновенно обрела способность здраво мыслить. И вот тут-то я окончательно убедилась, что не зарождающаяся влюбленность бросила меня в объятия женатого незнакомца, а нечто совсем иное, постыдное.

Бежала домой и думала: «Почему я чуть не сорвалась? Безнаказанность ощутила: чужой, из другого города, никто не узнает. Интуитивно почувствовала слабака, которого можно увести? Нет. От семьи, от ребенка – никогда!.. Все же физиология виновата». Успокоилась. «С нею-то можно бороться, она контролируема. Я не впустила его в свою жизнь, но хоть временно, да впустила в свои мечты. А он не стоил того». Бабушка когда-то говорила: «Измена в мыслях, тоже измена». Строга была. На меня накатила волна раскаяния: глупость сделала.

Возвращалась по пустынному ночному городу, переполненная отрицательными эмоциями: недовольством собой, раздражением, презрением к себе и к нему, брезгливостью. Ломило в затылке, стискивало виски. Хотелось как можно скорее перевести случившееся в разряд прошлого. Чтобы унять монотонную, саднящую боль в сердце, попыталась отвлечься, вспоминая слова своих старших подруг о мужьях. «Многие мужчины лет до сорока-пятидесяти незрелые. Им надо, чтобы что-то их крепко стукнуло по голове, только тогда просыпаются от себялюбия». Правы ли подружки? Ой ли! «...И опять-таки они просыпаются из страха за себя. Забаловали, залюбили мы мужчин, вот и забывают они обо всех, кроме себя. Как капризные дети. Мы, матери, в первую очередь виноваты. А может, эмансипация отучила мужчин от ответственности? Привыкли на женщин надеяться. Видно всё вкупе». Зарылась лицом в подушку и сон увел меня в царство покоя, прихватив с собой мои грустные мысли. До сегодняшнего дня не вспоминала об этом неприятном случае...

А вскоре – видно я не могла жить без состояния влюбленности – на моем пути встретился еще один человек, достойный моего внимания – милый такой, молоденький, скромный. Но в работе, когда нужно, он мог быть сильным и требовательным. Почти десять лет я представляла его своим рыцарем, героем. Я вспоминала о нем и в минуты редких радостей, и в дни и недели трудностей. Он был ангелом-хранителем моей души, сторожем моей нравственности. Мне казалось, что его внимательные, ласковые глаза неотступно следили за мной, смягчали, тормозили отрицательные эмоции. Его постоянное присутствие в моем сердце не позволяло пробраться в него непорядочным, хитрым и коварным мужчинам. И такие встречались.

Эта влюбленность была мне необходима. Очень уж тоскливо иногда бывало одной, но заслон, выставленный его положительной личностью, был так крепок и надежен, что об него разбивались попытки недостойных занять мое сердце. А без сердца я не могла идти ни на какой контакт. Я шутила, получала комплименты, и этим всё заканчивалось. Ни одному мужчине больше не позволяла себя ни обнять, ни поцеловать. Гордилась своей стойкостью. Яркого презрения к мужчинам не испытывала, с пониманием относилась к их слабостям, к их попыткам завоевать меня, достаточно еще молодую, свободную, независимую, неглупую. Я знала, им было бы приятно получить внимание такой женщины, лишний раз почувствовать, что они еще что-то значат как мужчины.

Мы не виделись с ним после первой встречи девять лет, хотя в минуты жутчайшей тоски и одиночества, периодически нападавшей на меня по ночам, я несколько раз приезжала к зда-

нию, где он работал, в надежде хоть издали увидеть его слегка сутулую, чуть подавшуюся вперед фигуру. Но случай не представлялся, (так было угодно судьбе), и я, разрядившись и уже недовольная своим «молодежным» поступком, отправлялась домой, коря себя за потерю времени, которое могла бы уделить сыну.

И вдруг случай снова свел нас. Он помог моему сыну, продемонстрировав себя великолепным специалистом. Я на радостях в душевной беседе поделилась с ним доброй о нем памятью на протяжении всех этих лет. Ему польстило мое откровение. Он стал иногда звонить мне. А как-то пришел ко мне на работу и начал жаловаться на трудности, на желание преклонить на чье-то доброе плечо усталую голову. А я, привыкшая по минутам рассчитывать каждый свой день, не могла найти время поговорить с ним и выслушивала его жалобы на бегу. И только извинялась то за одно, то за другое мое отвлечение на преподавателей и студентов. Он удивился моему напряженному ритму работы и стал доказывать, что так я долго не выдержу. А я слушала его, а сама думала: «У него хорошая семья. Он очень любит свою жену, которая, как он считает, подходит ему во всех смыслах. Она страшно ревнует его, стесняется своей полноты, которая его как раз-то и устраивает. Ему нравится ее уютность. Тогда зачем он звонит, зачем пришел, делает комплименты?».

И вдруг, в какой-то момент разговора, я поняла его корыстный интерес. «Почему взаимоотношения надо обязательно сводить к постели? Почему просто не попросил помочь? Я же с радостью...» Противно стало. Брезгливость у меня к подобного рода людям. Видела-перевидела таких...

Больше не лежала к нему моя душа. Романтичная сказка закончилась. Я одноmomentно отрезала. И это не причинило мне боли, потому что я уже не была в него влюблена. Я решила – хотя возможно и не права, – что в принципе ради карьеры, ради своей семьи он не станет считаться со способами ее достижения. И вышестоящего начальника спойт, и сможет уволить ему неугодного. Да мало ли чего еще сделает. И все оправдает словами: «Такова жизнь, и не мне ее менять. Жизнь – это борьба». С кем борьба? С собой, со своей врожденной порядочностью? А ведь какой талантливый!.. И таким он остался в моей памяти. Только с некоторым осадком... И ничего тут уже не поделаешь...

Я тогда еще подумала: «Ленины влюбленности – это ее малые радости, дополнительные, тайные источники ее сил, ее оптимизма».

– Еще одно очень милое знакомство вспомнилось. Он из другого вуза нашего города. Мы встретились на научной конференции, а потом было несколько лет «встреч» на расстоянии: каждый вечер, возвращаясь с вечерних занятий, я видела его работающим на подоконнике при ночнике. Не ожидала я от закоренелого педанта способности влюбляться. Это было так искренне, так трогательно...

Порой задумываюсь: почему я часто влюблялась? Незаполненная душа тому виной? Так в ней всегда был Андрей. Тоска по теплу и нежности?.. Редко кому выпадает счастье отыскать в человеческом потоке свою истинную половину, вот и влечет искать в других людях то, чего недополучают в семье... Как иногда хотелось уткнуться лицом в сильные добрые мужские руки...

Еще был случай. В Казахстане я тогда проработала набегами в общей сложности почти целый год. Очутилась я в восточной столице не от чрезмерного тщеславия, не от желания познать чужую культуру (хотя и это не исключалось), серьезный договор у нас был с местным НИИ, и часто требовалось мое личное присутствие как его руководителя. Помимо всего прочего, спецкурс четверокурсникам в тамошнем политехническом институте успевала за это время блоками начитывать.

Помню, спешу на лекцию, а навстречу идет мужчина, черты лица которого заставили меня обратить на него внимание. Даже, пожалуй, не черты лица а, скорее всего, выражение

угольно-черных глаз остановило меня. «Какое необыкновенное украшение!» – только и подумала. «Склонна полагать, что еще голос понравился, его богатая интонационная палитра. Особенно красивым его, пожалуй, не назовешь, но был он глубоким, колоритным, своеобразным. Приветствие «здравствуйте» он произносил с тончайшими звуковыми оттенками и с таким многообразием чувственных нюансов, что я не только поразились, но и восхитилась его мастерством общения», – несколько позже размышляла я, представляя уровень его взаимоотношений с этими людьми. – «Умеет торговать лицом и голосом», – сказал бы о нем мой шеф».

– Ты испытывала от него «поистине эстетическое, стилистическое наслаждение, которое в твоём случае приравнивалось к эротическому», – пошутила я. А Лена не обиделась, хотя и не хотела шутить на эту тему, потому что для нее это на самом деле было серьезно.

– Сложен был прекрасно: широкий разворот плеч, прямая спина, походка спортсмена. Под строгим, прекрасно сшитым костюмом, просматривалась сухая, поджарая, мускулистая фигура, – продолжила она. – Люблю в мужчине рафинированность, изысканность. Немного словен, сдержан, очень даже сдержан. Может быть, неэмоционален? Любопытство вызывал. Кто такой? В чем его необыкновенное обаяние?

Обнаружила его случайно в деканате. Мне в помощь дали лаборантку, которая, по ее собственному выражению, «намылилась» уходить с кафедры. Скучно ей было среди приборов и «сухих» сотрудников. Ее художественная натура бунтовала от строгого распорядка, от необходимости выполнения каждодневных, четких обязанностей. Натурой она была увлекающейся. Могла неделю ничего не делать, болтаться по лабораториям, хохотать, часами отвлекать всех от работы, а потом вдруг, без особого на то указания, за короткий срок прекрасно оформить все стенды, написать массу плакатов. И делала все это быстро, красиво, не считаясь со временем. Работала по вдохновению и с вдохновением. Затем снова возникал «застой души» – длительное безделье. И она опять только раздавала направо и налево обещания и ничего не выполняла.

Все любили ее веселый, свободный нрав, видели в ней подружку, ровесницу. Она была не глупой, а просто безалаберной, восторженной, романтичной и в то же время практичной (себе на уме), молоденькой стервочкой, косящей под наивную дурочку. Легка в обращении, даже слишком легка. Никого не обижала, и на нее не обижались... Умела как-то...

Ох, увлеклась я, от темы ушла. Так вот, я как бы шефство над Машей взяла и решила помочь ей найти работу по душе на факультете художественного конструирования. Скромненько эдак зашла с ней в деканат, представилась, не уточняя своего статуса, и Машу охарактеризовала положительно. Декан неожиданно широко улыбнулся и, насколько я поняла, почему-то решил, что это я собираюсь устраиваться к нему на работу. Вытолкнув вперед Машу, я уточнила, за кого ратую. Но он все равно смотрел в основном на меня, а в конце разговора, как бы шутя, предложил нам обоим перейти под его крыло. Я вежливо обосновала свой отказ и удалилась, оставив Машу для беседы по существу дела. Но его взгляд уже заложил краеугольный камень в фундамент моего расположения к нему.

С тех пор мы здоровались очень даже приветливо, хотя и строго. И встретившись не в первый раз за день в холле института, также мило обменивались молчаливыми взглядами и, довольные друг другом, расходились по своим делам. Достаточно скоро эти встречи стали не просто ритуалом, они сделались необходимостью. Он всегда знал о моем очередном приезде в командировку. Я заприметила, что он посещает сквер и магазины района моего временного проживания, и хотя бы мельком стремилась увидеть его. Как-то обратила внимание на то, что, идя по улице, он ищет меня глазами. И я провожала его глазами до тех пор, пока его прямая спина не затеряется в толпе. Мне было приятно, о большем я не помышляла.

...Одна связанная с ним грустная история припомнилась. Раз мне срочно потребовалось подписать у директора отчет по командировке. Был конец рабочего дня. Секретаря на месте не оказалось. Рискнула сама пойти в его кабинет. Тихо стучу, осторожно приоткрываю дверь, чтобы заглянуть, на месте ли он. И буквально замираю. В пяти шагах от меня разыгрывалась

трагическая сцена. От волнения я не слышала слов, только видела, что стоит мой знакомый в позе Наполеона и в чем-то отказывает старому директору высокомерным, презрительным тоном. А тот стоит сгорбленный, держится за сердце и что-то отвечает сдавленным голосом. Не поверила я этой униженной позе начальника. Слишком хорошо представляла его характер. Успела узнать его артистические способности и умение манипулировать людьми. «Что же вы делаете! Не запрягли, а уже погоняете! Не умно. Не простит он вам этой, пусть даже специально проигранной сцены. Он же нарочно проверяет вас на вшивость, а вы купились», – с горечью подумала я о недалёковидности своего знакомого. Случайно подсмотренная сцена снабдила меня точной информацией о событиях, которые позже развернулись в институте.

Разумеется, я не рискнула делать категорических выводов. Мое мнение, к сожалению, подтвердилось. Через неделю было открытое партийное собрание, где незнакомый мне мужчина (похоже, из клерков) из обкома (я еще удивилась: почему не заместитель партийного руководителя области?) представлял членам ученого Совета и всему коллективу моего знакомого как будущего руководителя вуза. А я в этот момент внимательно смотрела на старого директора. Ни один мускул не дрогнул на его лице. «Он знает, что это «липа». Скорее всего, сам устроил этот цирк, чтобы щелкнуть по носу несговорчивого, не очень умного претендента», – поняла я.

Перебросила взгляд на знакомого. Он улыбнулся мне едва заметно, одними глазами. Я удивленно взглянула на него и легонько отрицательно качнула головой. Но он не воспринял мой жест. Он был в состоянии эйфории. Многие поверили словам представителя обкома и стали оказывать претенденту повышенное внимание. Но не стал мой знакомый директором. «Ушли» его с руководящей должности. Могло быть и хуже...

Мы и потом, когда мне случалось быть в этом городе в командировке, при встрече уважительно разговаривали, интересовались личной жизнью друг друга. Нас ничего не связывало и не разделяло, поэтому и отношения складывались простые, добрые, дружеские.

...Пока была молода, было много попыток свернуть меня «с пути истинного». Только появилась я в институте и сразу приглянулась одному зав. кафедрой. Он слыл ярким самородком и сам себя осознавал как эффектного обольстителя. Ему нравилось увеличивать коллекцию обожающих его женщин. Внешне хорош, и язык прекрасно подвешен. Но в моих мозгах технаря его речи звучали красивым словоблудием. Я же не студентка. Меня этим не проймешь. Мне нравится новизна услышанного, а не тривиальные истины в новом цветистом обрамлении. Он быстро потерял свою прелесть в моих глазах. Я ценила железную логику технического интеллекта и глубину знаний, а мужское любование собой мне претило. Профессор был по-своему умен, поразительно обаятелен, притягателен, но не в моем вкусе, хотя я не могла не отметить и не выделить его среди гуманитариев. Мое сердце он не задел. Легкую рябь на поверхности произвел и остался в памяти лишь маленькой черточкой, да и та стерлась, когда соприкоснулась с ним на вступительных экзаменах... И все же злые языки некоторое время болтали о нас. Я выслушивала чудовищные по своей несправедливости оговоры. Потом осознала, что, не понимая сущности некоторых людей, сама давала им пищу для кривотолков своим искренним восхищением тем или другим человеком.

Все встреченные мной достойные мужчины – их можно посчитать по пальцам одной руки – не умели ухаживать, увлекать. А те, которые умели – были самцы, и я сторонилась их. Иногда мне казалось, что наши так называемые отношения могли бы перейти известную грань, если бы они были решительнее... Нет, не могли... только молчаливое взаимопонимание... Нравились, но что-то внутри меня не откликалось, так, чтобы на самом деле и всерьез, так, чтобы позволить себе переступить... Наверное, я подсознательно чувствовала, что так хорошо, как с Андреем мне не будет ни с кем, потому что, вне всякого сомнения, я любила его. А любовь и влюбленность далеко не одно и то же. Нравственные правила, привитые в детстве, были во мне много сильнее желания частично обладать обожаемым мужчиной. «Я никогда не позволю

оскорбить его своим признанием. Только тогда я имею право смело и прямо смотреть ему в глаза», – думала я о каждом, в кого влюблялась. Я ценила их за то, что они не претендовали на постельные отношения, за то, что за спиной ничего дурного не говорили. Они, наверное, как и я, нуждались в платоническом обожании.

Я сама кроила свою судьбу на свой лад: выбирала в кого влюбляться, сама добивалась взаимности и никогда не жалела, что не переходила границу дозволенного. В этой связи вспомнилась мне шутка из любимого журнала «Крокодил»: «Добивался победы, а потом не знал, что с ней делать», – рассмеялась Лена искренно и заливисто. – Все проходит. И влюбленности, пусть даже долговременные, тоже проходили, оставляя то грустный, то радостный след, то разочарование и пустоту. Всякое случалось. На то и жизнь, на то и ее разнообразие...

Одна мысль не давала мне покоя: почему я не представляла обожаемых мужчин в своей постели? Любовь к Андрею, романтичность, порядочность или еще что-то... из юности? Помнится, отпустила меня бабушка на речку выкупаться после сенокоса. Быстренько занырнула. Лежу, блаженствую, глаза прикрыла, греюсь на раскаленном песке. Мужчины рядом о чем-то спорят с женщинами. Мечтательно поднимаю глаза в небо, а взгляд уперся в голого мужчину... Черный, волосатый, ужасный, противный. Передернуло от страха. Вскочила, помчалась сломя голову... Тринадцать мне тогда было.

Еще один жуткий случай был. Возвращалась я часов в десять вечера из кинотеатра. Уже темнело. Я отстала от класса. Шнурок на ботинке развязался, да еще и порвался. Поднимаюсь с корточек – огромный вдребезину пьяный мужик передо мной в приспущенных брюках. Что-то мямлит, чего-то просит. Я отступаю, он меня к забору притискивает. Не сразу дошло, чего ему надо. Вдруг жутко тошнотворно сделалось. Выскользнула, в ужасе рванула от него. Он, матерясь, за мной. Я пришпорила. Думаю, если догонит, убью гада к чертовой матери чем ни попадя... Вот и одноклассники. Долго еще трясло от отвращения...

Может, где-то в глубине подкорки засели тормозящие, раздражающие, стойкие отрицательные ассоциации. Меня отпугивало неведомое или неэстетическое?.. Не каждому дано уметь красиво преподнести свои чувства... вознести отношения на такую высоту, чтобы они стали чем-то священным, чтобы смогли подняться над пошлостью, над...

Лена замолкла, не договорив. Потом раздумчиво возобновила рассказ.

– ...Нет, все это не то. Причина, скорее всего, в раннем детдомовском детстве. Нас обзывали подкидышами, говорили гадости о наших родителях. Вот тогда-то и зародилось в моем сознании четкое однозначное протестное отношение ко всем мужчинам, кроме одного-единственного, которого люблю. Именно тогда выстроился и закрепился в моем сознании, а может, и в подсознании, страх показаться непорядочной, распущенной, он заблокировал физиологический интерес к мужчинам и ко всему пошлему, что с ними связано.

Я никогда никому не рассказывала о своей неподотчетной стороне жизни, прежде всего, чтобы не возвращать сплетен, способных повредить предмету моего обожания, и бумаге не доверяла свои тайные чувства. И что самое интересное, влюбляясь, никогда не чувствовала даже смутной тревоги, разрушения своего привычного уклада жизни. Видно, подсознательно понимала: платоническая любовь – это все, что мне необходимо, и все, что я способна себе позволить с женатым мужчиной. Они – мое лекарство от одиночества души. Пожалуй, можно сказать, что я любила свои мечты, а не объекты своего обожания. Реальная жизнь слишком суетная, а тайная – прекрасная, неисчерпаемая, приносящая только блаженство, превращающая черно-белую жизнь в расцвеченную. Думаешь, мои влюбленности – мои заблуждения?

...А на самом деле я люблю только одного – отца своего ребенка. И любовь эта не ослабевает, не притупляется. Разве можно любить кого-то еще, не предавая первого?.. Есть любимый, есть прекрасный человек, которого обожаю с первого курса. Но там другое... Разве этого мало? Другим и этого счастья не дано. Я знаю людей, которые никогда не любили. Разве лучше жить с недостойным тебя?.. Любовников не было и не будет, потому что дважды в жизни встретить

нечто подобное... как с Андреем, даже близко невозможно. Теория вероятностей дает слишком малый процент возможности данного явления. Бывают случайные встречи из разряда тех, что вполне могли бы не состояться, ни на что не влияющие. А случаются судьбоносные, перепорочивающие если не жизнь, как Андрей, то душу, как тот преподаватель на первом курсе, – что иногда не менее важно. Он тоже был из тех, самых редких... Сейчас, оглядываясь назад, я не возьмусь предугадать, как сложилась бы моя жизнь, не встретить я Андрея... Кира, ты считаешь мою любовь нелогичной, ненормальной?

– Ну, что ты, – возразила я. – Мне очень хотелось, но я не рискнула спросить Лену о том, видела ли она еще когда-нибудь того самого обожаемого преподавателя.

И, словно угадав мой невысказанный вопрос, она сказала:

– Много лет спустя увиделись. Он позвонил, и мы встретились в библиотеке. Нам не надо было слов, мы и так понимали друг друга. Он преподнес мне увесистый том своих научных трудов... «Всего сто экземпляров. Кризис, сами понимаете»... На обложке две фамилии. Его – вторая. Это сказало мне о многом. Мне казалось, что я не заслужила столь дорогой и редкий подарок. Но то, с какой любовью и трепетом он был преподнесен, давало мне право оставить его у себя и беречь пуще глаз от преждевременного посягательства внука. «Ваша книга будет самой ценной и любимой в моей библиотеке. Вы самый талантливый физик из тех, кого я знаю... У нас очень много общего», – сказала я, смущаясь своей откровенности. Он кивнул. Он тоже был смущен, взволнован и боялся говорить. Я подарила ему свои книги, и мы расстались. Потом я стояла у окна, а он шел по улице и улыбался. Он хотел этой встречи. Он был счастлив. «Наверное, хорошо, что я не рассказала ему, как иногда в минуты горьких размышлений представляла нас рядом идущими по жизни», – думала я.

Дома долго и вдумчиво изучала по книге его мысли, идеи, теории и чем больше вникала, тем больше понимала: они уже не просто его достижение, они – всеобщее достояние... Книга есть, и никто не сможет похитить у меня ни ее, ни восхитительные минуты нашей короткой встречи. И память о ней будет мне верным стражем в периоды тоски, отчаяния, депрессии. А они ведь случаются. Лена грустно улыбнулась.

– А у тебя случались мимолетные, кратковременные обожания? – спросила меня Лена. – Или удачное замужество – надежная преграда сердцу?

Не могла я перед одной из ближайших подруг скрывать своих чувств, тем более, если это Лена.

– Безусловно, надежная. Но был мне симпатичен один мужчина. Только я быстро в нем разочаровалась. Заметила я, что у нашего секретаря парткома любовный зуд начался: новизны ему захотелось. Такое за версту видно. Жену его я знала: милая, грустная, труженица великая. Видный юрист. Она понимала, что теряет мужа, но ничего не могла поделать. Только переживала. Им было по сорок. Так вот, целый год он увивался за мной. Но я умела одним взглядом отшивать мужчин. Секретарь был упорен, я тоже. Мне было приятно, что нравлюсь, но я помнила слова моего начальника: «Не любовь это, сперма давит ему на глаза». А тут еще вспомнились его откровения за рюмкой коньяка на каком-то празднике: «Во мне живут два человека. С вольными женщинами я вольный, со строгими – строгий. Тебя боюсь, ты слишком чиста. Я не могу разрушить твой мир и свой, связанный с тобой, потому что мне он нужен таким, какой он есть. Я хочу тебя, но не смею». «Ищите себе такую женщину, у которой те же желания, что у вас», – подумала я, отстраняясь от его горячего дыхания. Я быстро вывела его из состояния зачарованности. (Ситуация достойная слуха сатирика. При желании было бы над чем поиздеваться. Но я обычно глубоко сочувствую покинутым женам и не могу ни шутить, ни иронизировать над их проблемами).

Он сначала приуныл, а потом нашел себе студентку. А та уж не выпустила его из своих цепких ручек. Я заранее предполагала у них два варианта: любовница или жена. Предвидела

второй и далеко идущие последствия. Всё оказалось до противного тривиально и предсказуемо. Увезла она его к себе на родину. У меня не было ненависти к нему, только презрение и отвращение. Сына оставил, а я такие вещи не прощаю. «Какова природа страсти? – размышляла я. – Это особая биохимическая форма заболевания, и от него вылечиваются, как от гриппа? Только некоторые за время болезни успевают совершить много глупых необратимых поступков, о которых потом жалеют. Одни, переболев, приобретают стойкий иммунитет от неуправляемой страсти, другие всю жизнь скачут...»

Он не думал, что будет дальше, только жаждал новых ярких чувств. Они правили бал! Потом, оказалось, шел навстречу не судьбе, а своей гибели – инсульт через три года сразил его. Жалко, в принципе неплохой был человек, в работе ответственный. Тормоза вовремя не сработали. Злая судьба... А может, просто нравственные устои когда-то им были утеряны, и зачем все валить на высшие силы, мол, против судьбы пошел, а она ему отомстила. Любим мы, оправдывая непорядочность, искать её причины вовне...

Молодая жена сразу оставила его, забрала дочь и стала искать себе другое счастье. Первая, не пролив предательства, тоже не захотела нянчиться с калеккой... Спросишь, а как же милосердие? Много ты видела мужчин, доведших своих жен до болезни, а потом ухаживающих за ними? Ты тоже требуешь милосердия только от женщин? Мы обязаны страдать за грехи мужчин? За порядочных мы в огонь и в воду, а не за таких вот... козлов. Пусть будет другим наука. Где же хваленая мужская логика, трезвость ума? Она у нас, у женщин, и нечего ее себе приписывать.

Лена не ожидала от меня подобной категоричности.

– Я что-то слышала насчет твоей племянницы... Может, именно это обстоятельство послужило причиной твоей одномоментной вспышки гнева? – озабоченно спросила она. – Но ты, как всегда, права. Сколько мужчин нежно ловило мой взгляд, сколько стояло передо мной на коленях! И что было бы со мной, если бы я каждому отвечала взаимностью? Они же потом сами бы меня шлюхой обзывали. (Самое обидное, они еще умудряются награждать этой оплеухой женщин, которые им отказывают!)

Послушай, Кира, став его любовницей, ты могла бы спасти его семью, – усмехнулась Лена.

– И потерять свою, – закончила я мысль подруги. – А оно мне надо? Самолично втоптать себя в грязь? Много чести...

– Шучу, шучу, – остановила мои эмоции Лена.

– Через пять лет я встретила бывшего председателя парткома. Выжил, но остался инвалидом. Мама его выходила. Чего искал – не нашел и стыдился этого, старательной скороговоркой утверждал, что счастлив в своем одиночестве. Я была жестока с ним: о сыне от первого брака спросила. Потемнел глазами, горько ответил: «Ксения не хочет, чтобы он общался со мной»... «А дочь? – продолжила я мучить его. Он только рукой раздраженно махнул и отвернулся. А я подумала: «Бог не фряер, он все видит. Жаль, что не всегда и не всех наказывает...» Я жестокая?

Не права Ксения, что не подпускает сына к отцу, но понять ее можно. Сын – это все, что у нее есть. Может, вырастет и не будет предавать близких... А вдруг в нем победит отцовский эгоизм? «Я хочу, мне надо. Такова жизнь, ничего не поделаешь», – будет разводить руками. И так же обидой будут стонать сердечки его детей. А он, забыв о своем поломанном детстве, задрав хвост трубой, как его отец, помчится искать призрачное счастье. (Почему говорят мартовские кошки? Коты!) И найдет те же пеленки, те же проблемы, да еще плюс капризы молодой жены. И тоже будет делать вид, что счастлив, горд молодой женой. Ах, вот, мол, какой он герой: молодая женщина его любит! Да, любит за то, что обеспечен, за то, что опытен, умеет обхаживать, добиваться, поможет сделать карьеру... Ну, это кому что: одному хлеб медом намазанный, а другому доброй души, спокойного, ласкового, надежного плеча достаточно.

Человек тем и отличается от животного, что может обуздать свои чувства, может руководить ими... Но не хочет. Проще, приятнее плыть по течению своих чувств. «Зачем лишать себя прекрасных моментов? Мне хорошо – и ладненько. Зачем голову себе забивать проблемами, короткую жизнь свою опреснять, а то в старости вспоминать нечего будет». Что вспоминать? Брошенных детей? Минуты увлечений – это счастье? Кому что... Я это называю духовным саморазрушением. Будь моя воля, я бы... Не разум, эмоции говорят во мне, но во многом, особенно, что касается детей, я права. Плачет в душе свежая рана – испорченное, омытое слезами детство моего внучатого племянника Данилки. Как ни старайся, отца не заменишь... «Разошлась я, разнервничалась», – смущенно закончила свой рассказ Кира.

Споры-разговоры

Одни женщины вспоминали прошлое, другие тем временем все продолжали беседовать о внуках. В разговор вступила Эмма, до этого молча очень внимательно слушавшая своих подруг. Лена исподтишка разглядывала ее: узкие плечи, сильная, выразительная линия бедер, щедрая грудь – по-прежнему эффектна. Только глаза то грустные, то какие-то слишком строгие и суровые.

– ...Все это вполне преодолимые мелочи. Меня сейчас больше беспокоит насаждаемое телевидением клиповое сознание.

– Оно в подавляющем большинстве случаев гарантирует эффект стойкого внушения, – подтвердила ее мысль Лера. – Молодым теперь надо, чтобы все происходило быстро, говорилось коротко. Им трудны длительные рассуждения, а значит, и размышления. Они хотят получать сведения малыми порциями, которые легко проглатывать не задумываясь. И в школе у них одна зубрежка. Дома они не отлипают от компьютерных игр. Билл Гейтс мозги им набекрень своротил. Не сладишь с ними. Со всей ответственностью могу сказать, что формулу: «Владеющий информацией – владеет миром» они понимают слишком буквально. А нас учили анализировать, рассуждать. Современные дети не умеют вести диалог, спор. Двух логически связанных фраз сказать складно не могут. Раньше о таких редких детях учителя говорили: «Лыка не вяжет». А теперь таких много. Неприятен их примитивный тарбарский язык.

– Ой ли? Не могу согласиться с тобой. Я бы не рискнула категорично утверждать подобное. И чтобы развеять твои сомнения, замечу, что среди детей в библиотеках мне в основном встречаются интересные собеседники. Все ужасы современной речи их будто не касаются, говорят грамотно, красиво. Они не боятся влияния уличных сленгов и считают, что слова-паразиты в языке долго не просуществуют. И скорость восприятия информации детьми теперь гораздо больше, чем у нас. Я, например, не всегда успеваю осознать, что происходит в современных мультфильмах, а они – запросто. Может, ты зря «лезешь в бутылку» и обрушиваешь на всех детей шквал обвинений? – возразила Лена.

– Не горю желанием спорить с тобой. Ты же у нас мыслишь масштабно! Только напрасно взалхлеб хвалишь детишек. Нашла на чем строить свои заключения: на встречах в библиотеках. Ты же, что бы другие ни говорили, там лучших из лучших агитируешь в свой университет, с элитными детьми работаешь. К тебе на диспуты приходят ребята будь здоров!.. Соображаешь? – негодуяще перебила ее Инна, услышав, как ей показалось, непрофессиональный ответ. – Она, видите ли, не согласна! Так вот не с бухты-барухты я заявляю: по статистике только двое из десяти школьников знают фамилию автора «Анны Карениной».

Всегда оставаясь верной себе, Кира подняла руку, успокаивая спорщиц, мол, не хватало нам еще выяснять отношения. Лера обернулась к Эмме и дурачится:

– Это по твоей милости я получила «взыскание»? Больше не пророню ни слова на педагогическую тему.

– Зачем нервничать? О том, что дети стали меньше читать, не может быть двух мнений, но и проецировать на себя их нежелание работать с книгой тоже не стоит. Современным детям

несколько труднее, чем было нам, в том смысле, что соблазнов больше: телевизор, компьютер, музыкальные центры.

– Современных детей фактически воспитывает телевизор, – в ответ на Ленины слова заявила Инна.

– Поэтому отбор телепередач должен быть очень строгим. Я выступаю в основном за позитивное на экране.

– Чтобы противостоять соблазнам, детям требуется большое мужество. К тому же информации они получают слишком много, накапливают ее, а обдумывать не успевают, – спокойно отбила Иннин удар Рита.

– Что касается информации – она как деньги, ее нельзя долго хранить в шкафу нерассортированной и неосмысленной, иначе она потеряет свою ценность. Ее надо использовать. Пусть молодежь ее потребляет хотя бы и малыми порциями, – высказала свое мнение Лиля.

– Смотря какую, – упрямо возразила Аня, и ее лоб собрался в мучительные складки. – Реклама забивает глаза, уши и мозги. Ее ты тоже предлагаешь поглощать? Трудно сейчас детям справляться с обилием свободы информации. Надо им помогать учиться отделять черное от белого, а то они надергают из Интернета, из непроверенных источников всякой ерунды – и счастливы. Сегодня компьютеры – обиходная вещь и справедливости ради надо сказать, что это здорово, но они – слишком малая толика в море знаний, которые дети обязаны освоить.

К тому же нахождение в виртуальном пространстве не безобидно. Оно влечет за собой массу сопутствующих проблем. Детям попросту не приходит в голову мысль о том, чтобы поискать себе другое, пусть даже самое простое реальное занятие. А в играх они идут на любые ухищрения, и только очень воспаленное сознание способно вообразить все их варианты. И это уже бесполезная тотальная изоциренная фантазмагория без всяких попыток выглядеть неправдой. Вполне понятно, что после виртуальных игр детям неинтересна обычная жизнь и они не хотят отрываться от своих фантазий, которые не имеют никакого отношения к парадигме семейных и общечеловеческих ценностей. Вот и подумаешь иногда, стоит ли с такой готовностью воспринимать любые перемены, любые новые веяния? Может, надо их сначала серьезно осмысливать? Считаете, во мне говорит учительский консерватизм?

У школьников голова кругом идет от комплимента «Ты – компьютерный гений». Они с ума сходят от счастья, что могут в Интернете в самых сочных выражениях высказать свое, мягко говоря, не всегда сформированное мнение хоть самому президенту. И дело тут не только в торжестве технического прогресса, но еще и в невоспитанности. Кто они, не впитавшие культурного наследия своего народа и не принявшие в расчет наши замечания? Роботы, которым чужд пафос созидания, которым не интересны люди. Естественно, что и во взрослом состоянии они не смогут поступиться своим ограниченным мирком ради того, чего они не усвоили в детстве. Потом на все лады будут склонять свою неудавшуюся жизнь. А все потому, что развитие их душ оставляет желать лучшего. Вот к чему может привести вроде бы безобидная безудержная страсть к игре.

Я не умаляю достоинств современной техники, но компьютер – усовершенствованный арифмометр с кучей наворотов и прибабасов! Система знаний на уровне нервных окончаний пальцев – это не истинное знание, а в большей степени опыт. Компьютер для ребят пока – полезное, но далеко не безобидное хобби.

«Тягомотина. Азбучные истины. Но как поет! Прямо-таки сирена. Пой песню, пой...», – морщится Лена.

– Я не борюсь за монополию на абсолютную истину, но считаю, что дети должны жить здоровой, интересной, реальной жизнью, а не заменять ее выдуманной, превращаясь в виртуальных монстров. Это надо осознать не только нам, но и детям, иначе придется кусать локти, да поздно будет. Упустим поколение. А еще дети должны понять, что смысл жизни не в том, чтобы только радоваться.

Нашим внукам предстоят такие моральные испытания, каких не суждено было знать их дедушкам и бабушкам. Ты, Рита, правильно заметила, что современная цивилизация преподносит детям слишком много соблазнов на пути к знаниям, обрекая их на постоянное преодоление себя. И как оградить их от переизбытка при таком бурном развитии электроники? Эта задача для нас как минимум – мозговой коллапс. А тут еще одна беда появилась: всё в нашей жизни теперь поставлено на коммерческую основу. И опять безудержная страсть, только теперь к наживе.

– Серьезное обвинение нашей действительности. С компьютерной фантазмагорией ты явно перегнула. Не станем комкать или вычленять этот сложный вопрос из ряда таких же многострадальных. Это тема для отдельного серьезного изучения. Позже мы еще к ней вернемся, – наставительно заметила Эмма.

– Лучше оставим ее на растерзание специалистам. Надеюсь, в их лоне она прекратит свое существование как неизменная и подавляющая. Или ты всерьез полагаешь, что наши рассуждения подчас важнее научных выводов психологов? Ну, тогда пиши пропало, – с издевательским сочувствием засмеялась Инна.

– А вот этого не надо, не надо! Я не нуждаюсь в твоих поучениях. Никто тебя не уполномочивал, не делегировал... Нравится отыгрываться на мне. В галантности тебя не упрекнешь. Стереть в порошок и сравнить с землей, если тебе что-то не по нраву – твой стиль общения. Нужно быть идиоткой, чтобы затевать с тобой спор. Ты сделаешь одолжение, если прекратишь смешки, помолчишь и дашь мне высказаться. Мы, педагоги, тоже должны сказать свое веское слово по этой проблеме, – с полуоборота завелась Аня. И сразу стала выглядеть маленькой, затурканной, обреченной и обиженной.

Лиле сразу же припомнилась когда-то понравившаяся ей фраза: «Вести себя в неестественной ситуации естественно – это противоестественно». И она шутливо обратилась к Ане:

– Не бери в голову. Инна цапается от «переизбытка» взаимопонимания.

– Ты на мой счет больно-то не расстраивайся. Сечешь? Так мои подопечные выражаются, – успев успокоиться, усмешкой ответила Аня на иронию Инны. – Утерла тебе нос?

– В голове не укладывается, сумела! Поразительно исчерпывающее заявление. Любо-дорого услышать, – весело отреагировала та.

– Надеялась услышать от меня ласковую воркотню? Думала, стану грешить благородным простодушным тщеславием и предосудительным потворством и притворством? Считаешь, что во мне отсутствует даже толика агрессивности? Для начала тебе бы помолчать немного, – неожиданно ошетибилась Аня и с готовностью приняла позу Полкана.

Жанна, проникательно угадав настроение Инны, увела разговор в другую плоскость.

– Я слышала, что любое общество яростно охраняет серость. Вот и наше современное телевидение – страшная школа опустошения душ – вымывает мозги, воспитывает психологию потребления. Желающих поглощать этот примитивный продукт у нас предостаточно, и количество их растет день ото дня. Дети пропускают через себя все хорошее и плохое, что накапливает общество, а оно самых умных выдавливает, осуществляя таким образом искусственный отбор. Глупость доминирует, потому что она управляема и тем самым цементирует и стабилизирует общество. Человек деградирует. За семьдесят тысяч лет мозг человека уменьшился на двести пятьдесят граммов. И Интернет – не остров надежд и положительных познаний, – поделилась она своим видением вопроса построения человеческого общества и отрицательного влияния СМИ на школьников.

– Ой, держите меня! Японский городовой! Америку открыла! Ой, не спугните эту прекрасную мысль, – непонятно с чего развеселилась Инна, с интересом естествоиспытателя рассматривая Жанну.

Лера серьезно и однозначно отреагировала на сообщение Жанны:

– Мало ли что сейчас пишут и говорят. Ты слишком подвержена внушению. Надо же сколько-нибудь и самой думать. Нельзя всему верить.

– Радиоканал «Эхо Москвы», например, своей убойной информацией и нормального человека может сделать ненормальным. Их корреспонденты, наверное, на негатив, как мухи на свежее г..., слетаются, – взъерошилась Инна.

– Я полагаю, этот канал завоевало прочную симпатию миллионов. Меня он устраивает, – сердито возразила Лиля. – Не язык у тебя, грязное помело.

И Кира нервно осадила Инну:

– Тут ты совсем маху дала.

– Может, ты, Жанна, веришь и броской, шокирующей рекламе? Я твердо убеждена, что она играет с нами как кошка с мышками. Эта тема тоже слишком сложна, чтобы о ней говорить походя. У меня есть подозрение, что ты выбрала неподходящее время и место для разработки фундаментальных социальных теорий. Выдергивая из контекста отдельные цитаты, ты сначала осмысливай их сама, а потом уж преподноси другим. В наш бурный век мы не только не успеваем понять то, что творится вокруг и правильно донести суть происходящего юному поколению, но и забываем о его элементарном воспитании. Вот о чем имеет смысл больше задумываться, – строго посоветовала Лера.

От нее исходили волны уверенности и надежности.

– Надо меньше давать смотреть детям американские фильмы. Они – учебные пособия для отморозков, – подхватила привычную тему Аня.

– Исчерпывающая информация! Что-то подсказывает мне, что эта миссия заведомо безнадежная, но благородная и привлекательная, – приторно-ласково промурлыкала Инна.

«Мне откровенно неуютно под ее немигающим, настырным взглядом. Я от него буквально впадаю в коматозное состояние», – молча раздражается Аня.

«Инне не составит никакого труда тут же заявить обратное. И все-то у нее на грани фола. Собственно, вполне в ее духе», – думает Лера и спокойно продолжает развивать свою мысль.

– Недавно шла по своему школьному двору и наблюдала неприятную картину. Прозвонел звонок на урок, дети бросились в здание. Одна девочка упала, а мальчишки стали ногами засыпать ее мокрым, грязным снегом. Бедняжка закрывала лицо руками и растерянно улыбалась, пытаясь сохранить хоть капельку достоинства в этой гадкой «игре». Я схватила двух мальчишек за шиворот и рывкнула: «Так вы понимаете рыцарство? Тоже мне – будущие защитники родины!» Конечно, заставила мальчиков помочь девочке встать, попутно объясняя, в чем заключается недостойность их поведения. Надеюсь, в их сознании что-то полезное отложилось.

– За нарочитой грубостью мальчишки всегда прячут свое смущение, – защитила подростков Жанна.

– И безразличие. Компьютерщики они прекрасные, в олимпиадах побеждают, и, тем не менее, язык не поворачивается назвать такое воспитание нормальным. Не задумываются они о «мелочах» жизни, потому что мы сами, закрученные водоворотом событий, не подсказываем им, не учим тому, «что такое хорошо, а что такое плохо».

– И вырастают из них странные «типчики». Недавно сделала я замечание молодым людям за то, что они постоянно распивают спиртные напитки на нашей лестничной площадке и оставляют после себя горы мусора, которые приходится убирать нам, пенсионеркам. Так они такое мне наговорили... не берусь повторить, а потом собрали все половики перед нашими квартирами и не поленились отнести в мусорные ящики. Все десять этажей обошли. Охламоны! Обиделись! На мелкие пакости им хватает ума, сил и желаний, а вот на большое и доброе дело... не больно-то разбегутся, не достает им фантазии, и некому ее разбудить, – пожаловалась Аня. – А наша жизнь базировалась на доброте и совести.

– И некому им наkostenять, – откликнулась с добродушной невозмутимостью Жанна.

– А в нашем подъезде все почтовые ящики раскурочили, – добавила негатива Лиля.

– Пожинаем плоды перестройки? – вздохнула Аня.

– Глупости! Они классиков не читали, – вызывающе поддела ее Инна.

– Нам тоже не так уж много времени давалось для чтения. А жажда была невероятная. Не потому ли, что учителя говорили: «книги, прочитанные в детстве, влияют на судьбы людей»?

– Наверное, всё наше поколение в чтении неумно, – подтверждая слова Ани, сказала Жанна.

– А я так и не сумела приохотить сына к чтению, – вздохнула Эмма. – Но он увлечен работой, и я не настаиваю. Придет время, сам почувствует потребность в книге.

Лера терпеливо продолжала развивать свою мысль:

– Не могу не вспомнить, как в детстве, совсем маленькой я побывала с мамой на море, и с тех пор моя душа жаждала необозримого простора. А с бабушкой я смотрела на ночное небо. И в какой-то момент произошло что-то непонятное: мне показалось, будто лучи всех бесчисленных миров разом сошлись в моей душе и зажгли в ней звездочку ослепительной надежды. Я сидела в невообразимо радостном смятении, в счастливейшем состоянии и, наверное, поначалу не давала себе отчета в происшедшем пробуждении своей души. Не представляла, что такое возможно... и что я могла бы пропустить, не познать, не прочувствовать... Потом на основании полученных знаний и ощущений училась достраивать, анализировать... Это было удивительно увлекательно... В природе нет ничего случайного, лишнего. А мы ее часть.

Мне хотелось бы, чтобы современные дети могли понять меня, проникнуться, чтобы не обедняли они свою душу отсутствием любви к природе, чтобы умели ценить красоту, радоваться ей. Интеграл ребята умеют взять, а вот заката и рассвета в деревне никогда не видели, и звездного неба тоже. Оттого и пусты их души. Разве поход за грибами заменишь книжным знанием... Надо сначала познать прелесть пахучего лесного воздуха вживую, а потом уже вспоминать о нем, листая страницы книг или вытаскивая впечатления из закоулков памяти. Как иначе они смогут понять, что природа – удивительный мир невинности и совершенства, что природа – то место, где пробуждается в ребенке человек... Надо учить замечать красоту. Может, осенний лес, увиденный в детстве, спасет кого-то из них от самоубийства в юности или от депрессии в старости. Это сейчас они счастливы в своем духовном невежестве и убожестве.

Лера вздохнула и замолчала. Потом добавила резко:

– Мы нефть качаем, а надо интеллект добывать – основное богатство любой страны... Стоит подмечать блеск в глазах детей уже с класса четвертого-пятого, а с девятого уже вести их по тропе науки целенаправленно.

– Принять твои пожелания к сведению? Допекла! Я думала, с годами ты потеряешь свою назидательность. Вижу – нет. Речь в лучших традициях прошлых лет. «Ах, лютики-цветочки!.. Нет, это клиника!..» – расхохоталась Инна. – Может, еще скажешь: «Ах, былые времена – шестидесятые годы! – полные человечности, поэтичности и великих подвигов. Только сейчас, задним числом, мы начинаем по-настоящему понимать их чарующую прелесть! Мы были такие боевые, самобытные и в то же время скромные, нетребовательные. Как мы любили свои студенческие годы! Может, даже припомнишь, какие мы разыгрывали скетчи, добродушно поддразнивая друг друга и что у нас совсем не было размолвок?... Да, мы понимали, какое место отводили себе во вселенной!.. А теперь девяносто первый год разделил нашу жизнь на до и после... и у нас липкий страх по телу». Так, что ли? А на самом деле почти все мы были выточены по одному шаблону, но прошли разную шлифовку и огранку жизнью. Ты наповал сразила меня своей наивной восторженностью.

Ты вызывающе несовременна, и я решительно ухожу от твоих рассуждений. Достоевского надо читать. Там все про наше теперешнее время сказано. Срочно, не откладывая на потом, меняйся. На данном этапе развития нашего общества цивилизация опережает культуру. Урбанизация побеждает – ей принадлежит пальма первенства. Современные дети красоту природы меняют на красоту никелированной автомашины. Она им в кайф, она, любимая, греет им душу.

Принимаешь вызов? Или ты до сих пор настаиваешь на том, что через эстетизацию жизни можно прийти к нормальному обществу? Красиво жить, красиво чувствовать, есть, одеваться. И это с нашим-то чудовищным неуважением к человеку!.. Тогда у меня не остается никаких сомнений: твои мечты – очередная ахинея! Советую: пока тебя не объявили «гением», проявляй умеренность в мыслях, словах и делах.

А может напротив: углубимся в экзистенциальные стороны нашей жизни? Они предполагают известную сдержанность умозаключений... Нет уж! Пребывая в состоянии неуверенности, мы лучше скромненько уткнемся в компьютер. Нам хватит ума вслух не рассуждать об этом при посторонних.

«Язвить она смелая, а как доходит до дела, небось первая в кусты», – недобро подумала об Инне Аня.

– Пройдут годы, и повзрослевшие дети будут говорить о прошлом, как и ты: горькое похмелье отравленных лет. Этого ты хочешь? – прервала Инну Лера.

Пока Лиля спорила с Аней о проблемах воспитания молодого поколения, на разных концах стола пары женщин вели только им интересные разговоры. Инна рассказывала Жанне об Антоне, Лена беседовала с Аллой о художниках, у Киры нашлись общие интересы с Лерой в сфере научных изысканий. Рита и Эмма поднимали горькие пласты своих семейных невзгод и многое другое. Воспоминания роились, уносились, возвращались... Одновременно женщины пытались услышать что-то из бесед подруг. Если возникала новая общая тема, они, не прекращая своего разговора, мгновенно включались в нее, торопясь поучаствовать в споре, стараясь успеть высказать свое мнение. Растревоженный улей гудел на все голоса. И по типу пчел его участники не сидели на одном месте, а пересаживались, выходили в коридор, снова возвращались к столу.

– ...Я и при Советах часто себя Мышкиным чувствовала, а теперь так и вовсе... – еле слышно пробурчала Аня, издав при этом горький смешок.

– К тому же теперь корысть во всем и повсюду. А это, извините меня, уже не шуточки. И доискиваться до причин ее не надо, она на поверхности. Одни, не теряя время даром, «обряжают» в давно забытую форму и, уверенные и умиротворенные, в церкви начинают крестом себя осенять и поклоны класть, считая свою миссию перед Богом выполненной. Другие вынуждены если не мириться, то терпеть такую человеческую слабость, как двуличие, уверяя себя – эффект Плацебо, когда сам себя лечишь внушением, – что ничего существенно опасного в жизни не происходит, – продолжила шутливо-сокрушенно вбуравливаясь в рассуждения Ани Инна.

Та жестом остановила ее:

– Духовность бывает общечеловеческая и религиозная. Мы воспитаны в первой. И я не жалею об этом.

– И не видится тебе в том Божье вмешательство, так сказать, Его рука? Грубо говоря, прямо выражаясь... если церковь под эгидой государства, она обычно поет под его дудку и соответственно... – злорадно, с каким-то особенным смаком начала было Инна.

– Не найти Бога ни в душе, ни в космосе человеку безразличному, равнодушному, забывшему азбучные истины и тем более зловредному. Очень уж своеобразно и однобоко ты трактуешь нравственные понятия. Только этим знанием увенчались твои духовные поиски? – стремительно нашлась Лиля.

– А ты поддалась паутине страха, навеянного телевизионными сюжетами из программы про невероятные мистические события, и застыла в ожидании пришествия.

Чтобы не разволноваться и не выйти за пределы приличия, поддавшись соблазну продолжить спор, Лиля вышла из комнаты.

– Инна, не злоупотребляй моим терпением. Сколько в тебе самоуверенной поверхности! Не с того конца палку держишь. Смотри, чтобы не пожалеть, – строго заметила Лера.

– Лера пытается тебе втолковать, что духовная связь поколений – основа любого человеческого общества, – поправила Инну Жанна.

– Она меня учит! Уму непостижимо! Если не хватает соображения сказать что-то разумно-приемлемое, так лучше помолчи, – испустила негодующий вопль Инна.

– Не так грубо, – одернула ее Лера.

«Похоже, они не на шутку схватились», – удивилась Лена.

– Я, в твоем понимании, по причине своей личной бестолковости не воспринимаю прописные истины? Что с меня взять? Деревня, периферия, так, что ли? Сойди со своего воображаемого учительского Олимпа, – снова взвилась Инна, будто ведомая посторонней силой. И тут же приняла независимое выражение лица с полной непричастностью к неприятному разговору.

«Сама себя высекла. Знакомый метод заводить себя и окружающих – стать в позу оскорбленной фурии. Мол, разве нам с нашими куриными мозгами понять ваши теории. Вам-то с высокой колокольни куда как видней и т.п.» Знаю, с кем имею дело, – не удержалась от злобных мыслишек Лера.

«В том-то и ужас, что Инка не только «выделяется» на каждом шагу, но и знает это за собой. С оттенком самолюбования издевательски точно подмечает наши недостатки. Не из любви к истине и добродетели противоречит. Так и кажется, что с разной степенью обоснования, но с откровенной снисходительностью спешит объявить всех нас людьми второго сорта. И меня поспешила пнуть, дыша «благородным» негодованием. Так и рвется в бой. Дождалась своего часа. Можно подумать, другого шанса почувствовать себя героиней ей больше не представится. Ума не приложу, зачем ей это? Только таким путем умеет обеспечивать свою неприкосновенность? Сомнительная личность. Кого она в этом качестве может устраивать?.. Сейчас вообще стало хорошим тоном все критиковать. И она туда же. Не все способны подняться над средой», – обиженно думает Жанна.

Лера снова завладела вниманием компании.

– Я вот как-то шла и размышляла: «Почему нынче не достучаться до молодежи? Откуда в современных детях жестокость? От времени, которое не выбирают? От гадких фильмов? От рождения? Может, на самом деле есть в некоторых людях такие грани характера, которые сильнее, глубже их, непреодолимее?»

– В одних дух воплощается, в других плоть одухотворена. У третьих – ни того, ни другого. И, по определению, у этих последних ничто не может кончиться хорошо. «Ослепленные миражом минутных ценностей земных, ценою преступлений даже...», – пропела Инна строку незнакомого Лене стиха.

– Я таких людей не оправдываю, но иногда всерьез полагаю, что независимо от их желания копят в них гадкие страсти – и это их призвание, такое же неумолимое и неистребимое, как у других наука или искусство. И от этого им ничуть не легче. Сами мучаются. А мы не всегда готовы с этим считаться. И эта непохвальная неразборчивость приводит к тому, что нашему окружению может не поздоровиться. А ведь можно было что-то в них хоть чуть-чуть подправить. Своим непониманием и незнанием мы подписываем им приговор. Мне, например, с раннего детства не хотелось ударить, раздавить букашку, я жалела всех, а сосед рос неблагодарным, злым. Вопрос на засыпку...

«Нас, педагогов, хлебом не корми, дай только кого-нибудь воспитывать, – улынулась про себя Лена, – ей осталось продекларировать, что «к каждому встречному надо относиться как к своему учителю, чтобы чему-нибудь научиться».

– Зачем я ищу ребятам оправдание? Упускаем их дома, а потом стонем – школа виновата. А ведь наша цель помочь детям несколько сократить путь к пониманию истинных ценностей, чтобы не заблудились в трех соснах. Воспитанность – это, прежде всего, восприимчивость к чувствам других. И если человек правильно держит вилку, но не воздержан в эмоциях и словах – он невоспитанный человек. А мы тут о компьютерных увлечениях детей тревожимся, – закончила свою мысль Лера.

– Нет, вы слышите? И Лера закрывает мне рот. И не чувствует угрызения совести. Я ли не о том же радею? – горячо и обиженно возвала к подругам Аня. – И ты пытаешься столкнуть нас с Инной лбами? – Она облизала губы, нервно взъерошила свой седой короткий ежик, резко встала и подошла к приоткрытой форточке. Сигаретный дым блаженно смягчил взбудораженность ее ощущений, и туманное сознание стало посылать тяжелые файлы в бесконечность, «штопая – как сейчас принято изъясняться – ее расхристанную, изношенную ауру». – ...Как сейчас сеять разумное, доброе, вечное? Мне трудно воспринимать то, что творится вокруг, сопоставлять масштабы происходящих событий. Я вижу вокруг столько плохого! Чума свободы – эта подлая навязчивая реклама! Чем гаже продукт, тем ярче его представляют... И душа проходит круги ада. Я словно в подвешенном состоянии. Торчу, как одинокое пугало на осеннем огороде.

«Когда-то давным-давно возникло у Ани трагическое выражение лица, да так и утвердилось на всю жизнь, – обреченно вздохнула Кира. – Заладила одно и то же. Лучше бы о своих учениках говорила».

– А Думе и правительству пора кончать споры и начинать исполнение решений и законов.

– Бодро радуюсь за тебя!.. Нет, вы посмотрите на нее! Ну, совсем как ребенок. Ты настолько наивна или притворяешься? Тебя они забыли спросить, что и как им делать. Тоже взялась за критику верхов? – быстро воткнула в речь Ани свое мнение Инна.

Она говорила с откровенным состраданием и смотрела на Аню с таким бесстыдным любопытством, что та сразу почувствовала жуткое раздражение.

«Какие сейчас у Инны настырные и удивительно требовательные глаза, а говорит с деловой ласковостью», – невольно поежилась Жанна. Задетая презрительным тоном и в данную минуту смертельно ненавидя Инну за очередное унижение, Аня неожиданно произнесла четко и значительно:

– Я критикую не ради разрушения, а ради укрепления страны. Разве не наш долг говорить о недостатках?

– Проснулась-встрепенулась. Трибуну повыше выбери. Эта тебе маловата, – пошутила Мила, оторвавшись от фотографий.

– Не мне вам об этом говорить. Мне лишь хочется добавить, что колесо истории вспять не повернуть. Дороги назад нет. Поставили страну, страшно сказать, с ног на голову, и хоть трава не расти. Ох уж эти зыбучие пески политики!.. Я становлюсь нетерпимой? Куда меня понесло? На чем мы остановились, дай бог памяти? Я потеряла нить разговора. Сама себе заморочила голову, – без всякой, впрочем, надежды быть понятой и поддержанной смущенно забормотала Аня.

«Ее не выключишь. Но стоит хотя бы слегка притушить, убавить звук ее тонкого высокого голоса», – поежилась Лена. И тут же одернула себя: «Я сегодня слишком нетерпима. Устала. А тут еще эта спина...»

– «Мы живем, под собою не чуя страны», – с холодным удовлетворением констатирует Инна.

«Зачастила! Ох уж это мне Анино многословие!.. Собственно, никто из нас не безупречен в способах выражения эмоций. И я имею обыкновение... Повышенная мнительность – признак нездоровья. Правда, Аню изначально отличало трагическое мировосприятие. По той или иной, едва ли осознаваемой ею причине, но сделалась она вечным нытиком. С ее не слишком

изошренным умом неуместно глубокое философствование. Собственно, все равно она хорошая... добрая, безвредная. И так, как она, никто из нас чужих детей любить не умеет... Люди часто пренебрегают добрыми и неопасными. Они боятся тех, за кем признают силу, и на них концентрируют свое внимание», – грустно-сочувственно думает Лера.

А явилась ей эта последняя мысль очень даже по конкретному поводу. Мужа своего в некоторых обстоятельствах сравнила с Аней, свою борьбу с его слабостью вспомнила. Человек всегда примеряет на себя чужие беды.

– Называешь вещи своими именами? С отчаянным удовольствием все ниспровергаешь и смакуешь? Тоже мне, гурман-самоучка! Посмотри на события по возможности беспристрастно, без намерения пиарить прошлое и не через призму своих страхов. Понимаешь, шаг времени теперь иной, торопливый. Это же хорошо... Ах ты, мой «ангел с потускневшей позолотой и с горестной усмешкой на устах» – так писал мой знакомый поэт, правда, для другой ситуации.

С какого бодуна зашла от страха? Трагедия, повеситься можно. А как же Блок с его прекрасными словами: «Сердце радоваться радо и самой малой новизне»... А я, мне думается, захожусь от смеха. Я ненавидела диктат парткомов. Мне в новой формации приятней и уютней, а для тебя она просто неудачное сцепление обстоятельств, – сказала Инна с такой презрительной гримасой, что всем присутствующим стало неловко за то, что она их сокурсница.

– Польхаешь иронией и сарказмом. Счастлива до потери пульса? Государство другое, а люди в нем все те же, – от неловкости вызываясь громко, с жаром выпалила Аня.

«Защищает ущемленную гордость. Глаза-то как загорелись! Стеснительна, но самолюбива. Бойтся показаться смешной и несерьезной. Такие часто бывают хитрыми и мстительными. Но только не Аня», – сделала вывод Лена.

– Не скажи. Те да не те. Перестройка многих вышибла из седла. Раскол, смута в прежде единых рядах. Кто мы? Зачем мы? В какую гавань нам плыть?.. И все попытки выбраться из бед пока безуспешны. Главные понятия: родина, честь, добро – теперь истрепанные, затертые словеса. Пора вернуть им их истинное содержание. Например, любовь – великое слово. И вдруг это странное выражение... «заниматься любовью». Красота чувств вытесняется вульгарностью современных нравов. Мы верили в индивидуальное совершенство человека, во всеобъемлющую силу высокой духовности. Неправильно... неточно было бы сказать, что мы очень многого достигли, но мы стремились к прекрасному. Нельзя рушить мост, связующий поколения. Я понимаю, со временем многое хорошее из нашей эпохи вернется на круги своя – ничто не способно поколебать истинную многовековую мудрость – и все же жаль нынешнее молодое поколение.

...Интеллигенция – совесть нации – исчезла в девяносто первом году. Обнищала, разбежалась. Она теперь фантом. У нее было чувство ответственности за свои слова и дела. Она учила куда идти. Все мы были в одной лодке. А сейчас время тоски по обостренным поискам смыслов, время просителей, воров, мошенников и спекулянтов. Социалистическая этика ориентировала людей на бытовую скромность, а теперь началась эпоха восхваления потребления. Все резко поменялось даже в воспитании детей. Раньше девочки купали, кормили и спать укладывали своих кукол, а теперь они им красят волосы и делают маникюр. Корреляция очевидна? – неожиданно для всех проговорила Лиля и будто сразу обмякла, отрешилась.

«Ведь только что излучала оптимизм! Аня, что ли, загнипнотизировала ее своим размеренным, монотонным голосом или она просто устала? – удивилась Лена.

– Не рви жилы. На Востоке не задаются такими вопросами. Они просто живут, и все, – дружелюбно сказала Жанна.

– Я тоже не очаровывалась бы человеческой природой – много чего в нас намешано! – а уповала бы на законы, особенно теперь, когда джинна наживы выпустили из бутылки, – коротко выразила свое мнение Эмма.

– Только слепой не боится наступить на змею, – хмуро откликнулась Галя на слова Инны, поддерживая Аню.

– Как в цирке: чем дальше, тем смешней, – поежилась Лиля.

– Не начинай свирепеть, – шутивым тоном остерегла ее Мила.

– Какая мощная разноголосица мнений! Еще не все проблемы аккумулялировали?.. Наблюдают устойчивое тяготение к пессимизму, – повернувшись к Алле, тихонько усмехнулась Лера.

– Конечно, знакомый черт лучше незнакомого, – непонятно почему смягчившись, непроизвольно, как бы для себя закончила свою мысль Инна, чем и оборвала натянутый тон разговора.

– Без ложной скромности скажу: за всю жизнь я не совершила ни одного бесчестного поступка, – вдруг сказала Аня, ни к кому не обращаясь. И покраснела. Ее душа не терпела хвастовства. Почему, в какой связи из нее выскочила эта неподходящая фраза, она и сама не поняла, отчего еще больше ступсевалась, вот-вот готовая смаргивать близкие слезы.

Возникла неловкая пауза. Женщины удивленно переглянулись. У Жанны на лице вежливое изумление: «Впала в неслыханную простоту?..» Только Лиля в сонном неосмысленном блаженстве привалилась к креслу, на котором сидела Лена, и не реагировала. Похоже, задремала на минутку-другую. Устала.

Инна снова хотела отметить ехидным замечанием, но что-то ее удержало от привычной иронии. «И ведь не лицемерит. Библию не читала. А по ней получается, что каждый наш шаг, каждое громко сказанное слово изливается ложью, мы тонем в грехах. Если, конечно, я что-то поняла в этом мощном фолианте мудрости. Все мы стремимся стать идеальными, но ни на грош не получается. И живем, как ни в чем не бывало, не ввергая себя в уныние. Сначала грешим, потом изучаем трактаты. Только кому нужен соус после обеда?» – мысленно усмехнулась она наивному высказыванию Ани и своим откровенно грустным рассуждениям.

– «Ты сам себе свой главный суд», – приблизительно, но к месту припомнила слова Пушкина Рита. – Стало быть, так оно и есть, – добавила она раздумчиво.

– И комар носа не подточит, – как в пустоту бросила Инна.

И словно проснувшись от неглубокого одномоментного сна, оглядев всех рассеянным взглядом, Аня продолжила большую тему:

– Нас поставили перед фактом, а не перед выбором. Все ближе и теснее смыкается вокруг нас незнакомая пугающая жизнь. И это тем более тяжело и страшно, что сейчас не лучшее для нас время – время подступающей старости.

– Потрудись объяснить это подробнее, – воскликнула Инна и ее тонкие дугообразные брови взлетели чуть ли не выше лба.

Она надеялась завести Аню, поэтому ее лицо уже заранее пылало любопытством. Но Аня говорила тихо и монотонно:

– Я не подыгрываю новому времени, не насаждаю идеи потребления, не внушаю детям любви к деньгам, живу, как и прежде. А олигархи бесчинствуют, обдирают народ. Кто они? Бывшие начальники-коммунисты, вот ведь что самое обидное. Это черт знает что такое! Депутаты в духовной эмиграции от своего электората. Надо еще посмотреть, за счет чего и кого они достигают успехов. А им нужен масштабный, философский кругозор, они должны быть маяками, – говорила она уже с некоторым вызовом. – Стыдно за то, что они делают. Дорого я бы дала за то, чтобы узнать, что будет со страной через двадцать лет. У меня в голове что-то выстраивается, но пока что отдельные мысли никак не связываются. Вроде бы капитализм у нас, но не совсем западный. Торкаемся туда-сюда. А ведь уже новый век разменяли, пора бы с мыслями собраться... Тут хотя бы себя обрести. Вот так и живу наедине со своей неловкостью, страхами и непониманием. И пенсия постыдная. Загодя знать бы...

Аня смотрела на подруг с таким ожидающим доверием, что всем слышавшим ее стало как-то не по себе. Ну не смеяться же? Даже Инна тихо сочувственно заметила:

– Не хватает тебе, Анюта куража в жизни, и самомнения в тебе маловато, вот и видишь одну чернуху.

Лена внимательно считывает с выражения лица Киры мнение о словах Ани и понимает, что сдвинуть ее с этой точки зрения не представляется возможным даже ей.

Но Инна уже перестроилась и насмешливо спросила Аню:

– Сказавши «а», говори «б». Тяжки тебе размышления о дне сегодняшнем? Не тянет умиляться, глядя на современную жизнь?! Ах, после девяноста первого все безнадежно изменилось к худшему. Никого не пытаешься оправдать? Хоть олигархам сделай послабление. Откуда в тебе эта отроческая ершистость на фоне всеобщего финансового кризиса и увеличения морального дисбаланса в мире?.. Ха! Быстро ты забыла очереди в магазинах, жуткие нравы коммунальных квартир, и на демонстрациях портреты членов ЦК, как двенадцать апостолов. Вспомни чекистов – советских гестаповцев. Получатся далеко не доблестные мемуары. Сплошной кавардак у тебя в голове, милочка. Вломить бы тебе как следует, чтобы освежить память... Нет сил радоваться жизни. Впередсмотрящий ей нужен! И это все? Кто бы решился на этот беспрецедентный шаг? Ну, если только провидцы из одноименного телевизионного шоу? Не разыгрывай трагедии. Точку экстремума на кривой перестроечных проблем мы уже прошли.

– Не касайся чекистов. Не тереби раны... Тебя бы в то кровавое время, ты бы только рукавом утиралась... Если уж выступать, так в принципе вообще против семнадцатого года, а не против последствий... Можно подумать, что от теперешней власти, у которой все схвачено, ты сможешь получить хотя бы заваливающую коммуналку... Повкальываешь с мое, так не то еще поймешь, – тихо пробурчала Галя, неожиданно в очередной раз поймавшись на желании опровергнуть доводы Инны.

Вопрос жилья для нее был самым больным. Трое взрослых внуков жили на ее скромных квадратных метрах, и свет в конце туннеля в разрешении этой проблемы ей пока даже не мерещился.

– Угомонись. Невозможно идти вперед с головой, повернутой назад, – попыталась пресечь Галино нытье Инна.

– Но не оглядываясь назад тоже нельзя жить, – резанула в ответ Галя. – Куда теперь качнемся? К сожалению, время меняется быстрее, чем мы успеваем его осознать. И главная беда в нем – отсутствие надежды. Тектонические сдвиги в сознании, к несчастью, слишком болезненны.

– А может, и к счастью, – хмыкнула Инна, предполагая, что оставила за собой последнее слово. – Теперь не надежда – путеводная звезда любого человека, а мечта о собственном реальном успехе. Как тебе новый ярлык?

– Американская лабуда. Как тебе старорежимный советский оборот? Он уже не в моде? Ты разве не чувствуешь, что американцы стремятся контролировать сознание людей во всем мире? Этот новый ярлык ты уже обсудила в правительственных кругах? – съехидничала Галя, хотя понимала частичную правоту Инны. И та поглядела на оппонента так, что всем стало ясно: Галины мысли для нее не загадка.

– Может, он с твоей точки зрения нуждается еще и в одобрении толпы? – не уступила ей Инна. – Или... – она выразительно и грациозно ткнула пальцем в потолок. – Что, речи лишилась? Закручинилась?

– Сильный жест! – рассмеялась Галя и тем закончила неприятно задевающий ее разговор.

– Неплохо размялись – засмеялась ей в ответ Инна.

«Беспокойный характер часто во вред себе. Не получилось на этот раз переплюнуть Галю. Ничего, это бывает полезно для сохранения «спортивных» навыков», – улыбнулась Лена и окунулась в приятные воспоминания, связанные с подругой.

– ...А сколько скверны нам идет из Америки! – не сошла с накатанных рельс Аня. – Она раскалывает наше общество, портит вкус молодежи к истинной культуре. Надо немедленно пресечь, как-то заблокировать их влияние. Вы слышали, чтобы американцы русскими словами называли свои магазины? А мы – пожалуйста! Да еще и безграмотно. Стыд и срам. Нельзя одновременно ценить западную попсу и Пушкина. У нас должна существовать государственная охрана и поддержка национальной культуры. Нам нужна своя родная страна, а не «жвачная». Смешно, обидно и страшно, что мы тонем в американизмах. Они же деньги считают высшим счастьем жизни. «Осчастливили» весь мир своими зелеными бумажками... в туалет с ними ходить. Только диву даешься, как эти умники с царственной легкостью берутся решать судьбы целых стран.

– Кто бы спорил – поддакнула Лиля.

– Ха! Каков момент справедливого гнева! Америка смущает твой внутренний покой и не мается совестью. Может, она и вдохновение твое гасит? – развеселилась Инна.

«Одно и то же из пустого в порожнее переливают. До дыр протерли насущные проблемы, – устало раздражается Лена. – Прекратить бы эту тягомотину добротным, виртуозным матерком. У Инны он обычно звучит не как ругательство, а как дополнительный, весомый аргумент. Тащусь я от нее».

– Отстань от Ани, не заводи ее, – насуплено отозвалась Рита.

– Только зубы они об нас поломают. Никаких шансов у них нет. Я погнала бы их с этой «зеленью», чтобы бежали от нас, будто пятки им натерли скипидаром. Я бы их быстро призвала к порядку! Не променяем мы свою родину, не поймаемся ни на какие посулы, не станем кидаться на их приманки, – поощренная Ритой, все больше расходилась и ярилась Аня, бросаясь лозунгами. – Мы не западники, мы – Россия, мы – великая страна! Русские должны оставаться русскими, немцы, допустим, – немцами!

– Какие знакомые, родные лозунги! Только, пожалуйста, без патетики. Опять желаешь провести нас всех к общему знаменателю? А смирительную рубашку не хошь? – негромко хихикнула Инна. – В тебе все-таки присутствует какая-то инфантильность... ненормальность. Не валяй дурочку. Нет ничего нелепее, чем обновлять старое барахло ходовыми, затертыми фразами. Где есть начало, там всегда есть конец, финиш. Подавляй в себе пережитки социализма, ломай застаревшие, устоявшиеся представления, – с хамоватой самоуверенностью посоветовала она.

– В семнадцатом уже ломали, – заметила Лера.

– Благо на этот раз легко отделались, – добавила Алла.

Лена заметила:

– Не стоит искать утраченное величие в прошлом. Надо восстанавливать и выстраивать его заново.

– Моя вера пошатнулась, но устояла. Не будите лихо. Я по-прежнему не могу мириться с несправедливостью. Она – опухоль, от которой надо избавляться. За страну обидно. Когда же мы утрем нос этим выскочкам без роду и племени, – упрямо продолжала бурчать замогильным голосом Аня, уже не на публику, себя успокаивая.

«Не Аня, а сплошное... мелкое недоразумение», – подумалось Жанне.

«Понеслась душа в рай. Раньше никогда ее такой злой и нервной не видела, – удивилась Лена. – Крепко ее потрепала жизнь. А сейчас, видно, не хватает ей на жизнь пенсии. Мне, конечно, в смысле денег проще, я пока еще работаю».

Она снова вглядывается в фотографии в поисках, казалось бы, навсегда забытого или безвозвратно упущенного. «Кто-то хорошо сказал, что «каждое новое фото, как закладка в книге жизни, отделяет один этап прожитого от другого, последующее событие от предыдущего» и, как правило, говорит только о радостном или счастливом моменте в жизни человека. Фотографии – не только прекрасный способ возврата в прошлое, это еще и продление счастливых моментов жизни до бесконечности. А у меня своих фото о молодых годах совсем немного, все недосуг было», – с грустью думает Лена. Эта грусть не ускользнула от взгляда Киры. Она по глазам подруги поняла ее мысли и подсела к ней с желанием отвлечь разговором...

Спор возобновился на повышенных тонах.

– ...С мозгами, оболваненными пропагандой! Вся исходишь злобой. Окажи услугу: замолчи. Прекрати свои пустые воинственные эскапады. Кем ты себя возомнила? Тобой движет позорное отчаяние. Мы всё гибнем и гибнем... но никогда не погибнем. Мир вокруг нас не стал ни хуже, ни лучше.

– Нет, хуже! – негодуя, вскрикнула Аня. – Не я, а ты без зазрения совести замахиваешься на самое святое. Окрысилась. Упражняешься в злословии? Ну-ну...

– Зря ты так воспринимаешь мои слова. Я испытываю к тебе самые теплые чувства. Я сочувствую твоему непониманию, стремлюсь развеять твои сомнения. Тебе приходится бороться прежде всего с собой. Теперь надо быть побойчее, а ты разоряешься, в истерике бьешься. Опустить с облаков на землю. Не закрывай глаза на реалии. Просто кто-то оказался в состоянии победить трудности, а кто-то нет. Факты говорят за себя. У тебя страсть к выражению экстремальных, крайних взглядов? А все много проще, – с убедительной интонацией матери к ребенку говорила Инна.

– Нам сейчас нужен здоровый прагматизм, системный подход во всех областях производства, а не высокие слова из прошлого, – порывисто, как разорвавшаяся бомба, вскинулась Инна, адресуя слова уже не только Ане. – Я не права? Опровергните! – с какой-то садистской радостью предложила она. – Между прочим, конкуренция – один из способов развития личности.

– Толкать соперника в яму? – саркастически уточнила Аня.

– Нет, она имеет в виду совсем другое: конкурировать в знаниях и умениях, – за Инну ответила Лера.

– Сельское хозяйство надо поднимать. На него надо делать ставку. С нашими просторами мы можем накормить не только себя, но и все страны ближайшего окружения. А у нас брошенные земли, леса разворовываются. Вот слушаю радио и не понимаю: зачем нам лгут? Может, воспринимать все слова с точностью наоборот?.. Руководству стоит быть проще, убедительней и честней, – продолжает жалобно бубнить Аня и растерянно, ища поддержки, обводит всех беспомощным взглядом своих сильно близоруких глаз.

Кира украдкой поглядывает на Инну, ожидая подвоха или резкости. Но та спокойна, даже безразлична. Зато Лиля откликнулась:

– Надо современные технологии развивать, чтобы твердо стоять на ногах, и дальше все пойдет как по накатанной. А мы, как всегда, стремимся «варварскую Россию варварским путем выводить из варварства» и вечно попадаем во всякие переделки. Хрущева вспомните. В его правление в селах ждали высочайших указаний на сев.

«Скучища. – Лена привычным движением помассировала затылок, взъерошив ворох непослушных волос. – Я – зануда? Наверное. Вся жизнь в тисках самоотречения».

– В рамках тех условий, какие сейчас имеются в стране, развитие технологий невозможно. Пока, к сожалению, расклад не в нашу пользу. У нас, куда ни сунешься – конь не валялся и Мамай не гулял. Запустенье. Мы только пытаемся перезапуститься и раскошегариться, – в ответ ей бухтит Аня. – Не торопятся олигархи проявлять себя в боевых условиях рыночной экономики, не хотят награбленные деньги направлять на расширение собственного

производства, в заграничные банки всё отправляют. И молодые, чтобы зарекомендовать себя, все еще уезжают на Запад, хотя удача там сопутствует далеко не всем. Но все же кое-кто там оседает. Из двух путей люди обычно выбирают наиболее легкий. А помните раньше... Академгородок в Новосибирске с его максимальной концентрацией интеллекта на ограниченной территории. Я вас уверяю, интрига была связана с постоянным соперничеством НГУ с МГУ.

– Не знаю, насколько возможна и очевидна эта связь. Несколько надуманное, самонадеянное заявление, – усомнилась Лера.

– Аня права. У тебя короткая память, – не согласилась с ней Инна.

– Я слышала, будто собираются создавать технопарки и технико-внедренческие зоны. Читала, что сейчас остро стоит вопрос приобретения российскими предпринимателями наших же изобретений, чтобы не уплывали они на Запад. Это гигантская стратегическая задача, – подсказала положительное направление разговора Лера.

– Это «собираются» лет на десять растянется. Делаем мы все из рук вон плохо. Кое-чему у прагматичных немцев нам не грешно поучиться. Они Германией рачительно, как на своей кухне, командуют...

– Их страна и есть, как кухня. Это тебе не Россия – «От Москвы до самых до окраин...». Нам трудно за всем углядеть. – Это Жанна не согласилась учиться у немцев. – Если люди почувствуют, что власть на самом деле заботится о них, то результаты не заставят себя ждать. С материальным стимулом просыпается жадность к работе, а потом уж и гордость за дело рук и мозгов своих.

– О! Замечаю угасание левых взглядов, анемию и их переход в число чисто исторических, – с удовольствием провозгласила Инна.

– Непонятно почему, но, к сожалению, развитие технологий не способствует рождению талантливых руководителей предприятий. А без них нас будут держать за дураков, – заявила Инна и тем самым развернула разговор в новом направлении.

Кира не услышала слова «предприятий» и настороженно глянула на Инну. Это не возымело желаемого результата. «Час от часу не легче. Для полного счастья мне только разговоров о политике не хватает! Надоела Инка, как горькая редька. И что она тут забыла?.. Вконец отравит мне вечер», – вздрогнула она.

Лена чувствует ее волнение и понимает Киру. Она знает, почему та при живых родителях много лет провела в детдоме, что на всю жизнь сделало ее очень осторожной. В те далекие годы ничего не сходило с рук ее большой своеобразной многонациональной и многоконфессиональной семье.

– Как недалеко это от истины! Кадры оставляют желать лучшего. И мне не безразлично, как сложится жизнь у моих внуков. Я не могу мириться с тем, что вокруг творится, – вдруг вырвалось у Лили с горечью. – Глава нашей администрации врал нам, мол, наша область лучше всех, а мы, дурни, верили. А минувшим летом сняли его и что выиграли? Тем же пузом, да по тому же месту. А мы-то возрадовались!

– Очень мило! Ну, прямо как при Брежневе. Мы все, как и «всё прогрессивное человечество», знали только о победах и достижениях. Старый избитый партократический метод оболванивания народных масс, – высветила свои глубокие познания Инна.

– А ты, Лиля, хотела бы раз, два – и в дамки? Скоро только сказки сказываются, да не скоро дела делаются. Хватит напрасно сотрясать воздух! Вы все сегодня во всём слишком категоричны. Умоляю, замолчите. Вам только дай повод – немедленно последует фонтанное словоизвержение. А за твоими окольными речами, Инна, всегда что-нибудь да кроется. Ты любишь переходить все мыслимые границы. Ты бываешь безжалостна. Если что-то устраивает тебя, это не значит, что то же может устроить и меня. И наоборот. Я склонна критически относиться ко всем твоим словам. Оставим политику мужчинам. Нам бы в своих женских делах

ладу дать, – взмолилась Аня, не зная толком, как прореагировать на резкую реплику в адрес верхних эшелонов власти, и это при том, что сама затеяла этот «неуютный» разговор.

– Да пожалуйста! Я только сообщаю факты или даю советы, но не настаиваю на их исполнении... Стареешь, подруга. Гормоны радости перестают вырабатываться и уже не создают естественной комфортности организму. Извне тоже поступает мало позитивных эмоций – вот и становишься ты скучной, ворчливой, – дурашливым голосом изрекла Инна. – Я сочла своим долгом немного развлечь тебя. Ведь без драматических аспектов твоя жизнь сухая и серая. Я, признаюсь, нахожу это неправильным.

Все рассмеялись, обрадовавшись неожиданному выходу из щекотливого положения, разрядившему общую взволнованность. Видно, Инна сама уловила, что некстати влезла в разговор на большую, очень большую тему. Женщины успокаивались, лениво перебрасываясь ничего не значащими фразами. «Все мы бываем несносны, только по-разному», – усмехнулась Лена, оглядывая подруг.

И тут Кира поставила жирную точку в грустном монологе Ани:

– Насколько я знаю, даже в самый трудный период перестройки никто из наших друзей и их детей не ходил в «братках». Учились, работали, выживали, верили, пытались что-то создавать. Хватит стонать. За десять лет сдвинули основные проблемы с мертвой точки. Страшный системный кризис преодолели. Адекватно представляем перспективы. Как раньше говорили старики в деревне: «Лошадь в телегу запрягли, пора за кнут братья и мчаться». Пугает стабильность? Так ее нельзя противопоставлять развитию. Она – одно из его необходимых условий.

Друзья-товарищи

Лена устала от бесконечных разговоров, как ей казалось, о пустом. Ей хотелось услышать, как сложились судьбы однокурсников, как ее бывшие педагоги переживают перестройку в обществе.

– Яков Борисович еще жив? – спросила она Киру негромко.

– Насколько я знаю, жив, но не очень здоров. Нервный очень стал. Он в Америке.

– Да... – протянула Лена, не зная, как реагировать на известие.

– Я слышала, будто Якова Борисовича жена подбила на авантюру. Брат у нее в Нью-Йорке. Не говорит ли это о его неспособности мыслить широко и быть менее энергичным, чем те, которые остались? Может, напротив? – с бесстрастным каменным лицом задала Инна провокационный вопрос.

Ответа ни от кого не последовало.

– Надеюсь, ему хватит ума вернуться или самолюбие не позволит? Скажешь, прямо-таки разбежался возвращаться? – опять, как бы в пробор, в шутку спросила Инна.

– Просто он не видит в том особой необходимости. Считает, что поздно, что все равно где умирать, а там все-таки родные жены рядом, – тихо, не выдержав «долбежки» Инны, выступила в защиту любимого преподавателя Лера.

– Ты его оправдываешь, потому что по-прежнему обожаешь? Помню твои слова о нем: «Скажет, как к стене пригвоздит». Тебе нравилось, что он часто напоминал нам слова Гейне «Жить имеет право тот, кто чем-то владеет». Он имел в виду, конечно, специальность и интеллектуальные способности. Еще помню, что Яков Борисович принимал горячее участие в наших судьбах, преподносил спорные, экстравагантные мысли, изрекал умные фразы. Его биография обрастала легендами, и уже трудно было понять, где правда, а где миф. Его вклад в наше воспитание неоспорим! Весьма недурная характеристика, правда? И вдруг драпанул на Запад! Можно подумать, ему крупно повезло. Станный способ сохранить лицо... Может, до сих пор ты поминутно повторяешь: «О, высокочтимый!» Ты так постоянна в своих привязанностях? –

неодобрительно удивилась Инна, приняв молчание Леры за согласие. Вглядываясь в смущенное лицо «осуждаемой», она даже привстала со стула.

– Тебе не понять. Ты у нас как будто не отличалась склонностью к сантиментам, но попробуй прищипорить свое чахлое воображение. Ведь случалось же и тебе обнаружить их в себе, скажем, когда сама обожала, – тихо ответила Лера.

В глазах Киры замелькали искорки беспокойства.

– Язва с претензией на житейскую мудрость. Твоя ирония не ко двору. Что тебе не живется спокойно, поклонница риска? Притягивает дерзость, карнавальный антураж. У тебя чрезвычайно живой нрав. Вставить фитиля? – свистящим шепотом произнесла она.

– Я много раз бита, мне не страшно. Мне претит твоя щепетильность, твои застывшие каноны. Человек тем и отличается от животного, что умеет смеяться, шутить и иронизировать, – хмуро ответила Инна.

– И думать, – спокойно добавила Кира.

– Какой аргумент! Вообразила, что огорошила и взяла меня в оборот? Надеешься услышать: сюда я больше не ходок? Оставлю тебя в искреннем недоумении.

– Перестрелку первым заканчивает не тот, у кого кончились патроны, а тот, кто разумнее, – назидательно заметила Кира.

Жанна во все глаза смотрит на сокурсниц, и лицо ее выражает что-то среднее между любопытством и удивлением.

– Лера, а ты смогла бы уехать на Запад? – спросила Аня.

Инна состроила на лице мину искреннего дружелюбия и уставилась на Леру в надежде узнать что-либо ужасно экстравагантное или, по меньшей мере, чрезвычайно современное, но услышала привычное:

– Разве можно эмигрировать от себя? Что я там забыла? Предпочитаю есть ржаной хлеб на родине, а не пшеничные пироги из чужих рук.

– В гробу и в белых тапочках я видела эту границу. И продукты, и одежду я принципиально покупаю свои, российские, – раздался сердитый голос Лили.

– А я бы не против... – произнесла Галя.

– Ты другого поля ягода? Что ж не свалила? – прервала ее Инна. – Так тебя там и ждали. Гляди, уже объятья раскрыли.

– Ну, это уже перебор. По туристической путевке, – закончила фразу Галя.

– Девчонки, а помните, как Яков Борисович впервые попал в Финляндию? Лена, ты наверняка об этом не слышала. В составе делегации были одни чиновники, а его взяли как крупного специалиста по прикладным компьютерным программам. Тогда эта наука у нас была еще в зачаточном состоянии. Он приехал назад ошарашенный, растерянный и все повторял: «Это же коммунизм! Это же настоящий коммунизм!» Похоже, вид сотен сортов мясных изделий в витринах их магазинов потряс его больше, чем любые достопримечательности этой страны, – улыбнулась Лилия.

– Мне тогда сразу пришла в голову мысль о том, что там полные полки колбасы, потому что ее не покупают. Наши люди вмиг бы все смели с прилавков, – рассмеялась Инна, и, отсмеявшись, добавила:

– Разными категориями мы с ними мыслили. Нам с нашей совковой философией их было не понять.

– С Яковом Борисовичем там маленькая история произошла. В гостинице ему дали изношенную простыню, и ночью он нечаянно порвал ее, зацепившись за дыру пальцем ноги. И вот сидит он на кровати растерянный, испуганный и подсчитывает, сколько с него сдерут за простыню и кому в его семье из-за этого непредвиденного случая он не сможет привезти подарок. В таком несчастном виде и нашел его инженер-финн.

Услышав печальный рассказ советского коллеги, он одним рывком разорвал простыню пополам и с обидой в голосе сказал: «Как же вы, русские, не цените и не уважаете себя! Вы позволяете вселять вас по три человека в номер, где положено жить одному, вы не требуете полного сервиса в обслуживании!» Он не понимал, что гости из Союза не привыкли к комфорту. Не знал он и того, что они буквально голодают, чтобы, сэкономив на еде, купить детям что-то особенное, «заморское», то, которое для них, финнов, обыденно и каждодневно. Бедный Яков Борисович даже побелел от ужаса при виде клочков простыни. А финн заставил коридорного не только принести совершенно новое постельное белье, но еще и извиниться перед гостем.

А еще Яков Борисович поведал, что извечное русское пьянство – выдумка, не имеющая под собой основы. На дармовщину все крепко пьют – и шведы, и немцы, и финны. Насмотрелся на презентациях. Не хуже русских надираются. Рассказывал и о том, что с удовольствием чувствовал себя за границей самым знающим специалистом-теоретиком, и это при том, что уровень компьютерной техники у нас тогда был много ниже. А финны удивились тому, что, имея такую высокую квалификацию, их русский коллега кроме двухкомнатной квартиры на четверых к сорока годам ничего не приобрел, и водили показывать свои огромные коттеджи и яхты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.